

**ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**

5-6'93

НА БОЕВОМ ПОСТУ

9 мая – День Победы

**И ПОМНИТ МИР
СПАСЕННЫЙ...**

ФОТО
Б. БУЛГАКОВА.

В номере:

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

БОРУКАЕВ Б. "Что может быть конкретнее работы?" 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КАРПОВ Б. Кавказцы 10
КИСЛЫЙ Ю. Миротворцы в заложниках, или Поддавки поневоле 18
БУЛГАКОВ Б. И будет карточка пылиться? 24
МУЧАК И. Давайте строить храм 26

* * *

ЛИСКИН Ю. Особый предмет вооружения 29
СЫСОВЕВ Н. "В помощь исполнению законов" 31

■ ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

ЛЕОНОВ Б. Война без войны 34
МАКСИМОВ В. "Если б я знал, что все так обернется..." 38

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ШЕЛКОВ А. Веселяйский гарнизон (повесть) 41
ГУДЗЕНКО С. "Такие были на Дону дела..." (стихи) 50
МИХАНОВСКИЙ В. Выстрел сквозь время (фантастическая повесть, окончание) 51

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

НИСТРАТОВ И. Кикбоксинг: на ринге — вы 60
СИБИРЦЕВ Т. "Динамо" — 70 лет 61
Шахматный клуб 62
Клуб знакомств "Возможна встреча" 63

Главный редактор

ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная коллегия:

АМЕРХАНОВ В. Ш.

(зам. главного редактора),

АФАНАСЬЕВ В. В.,

БОНДАРЕВ П. Т.,

ВОЛКОВ О. Л.,

ВОРОЖЦОВ В. П.,

ДУРБАЖЕВ В. А.,

ЕРХОВ Е. И.,

ЗАЙЦЕВ А. П.,

КАВУН С. Ф.,

КАРЕВ А. Н.

(ответственный секретарь),

КАРПОВ Б. В.

КОЗЛОВ И. Т.,

КОНДРОЕВ В. В.,

КОРОВНИКОВ А. В.,

КОТЛЯРОВ А. П.,

КУДРЯШОВ В. И.

КУЗЬМИН Н. П.,

МАЛЮТИН С. Н.,

ОВЧИННИКОВ В. В.,

ПРОКОПЕНКО Н. Н.,

СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.

(зам. главного редактора),

СМИРНОВ Л. Л.,

УШАР А. Г.,

ФЕДОСЕЕВ В. Ф.,

ЧЕРНЫШОВ П. П.,

ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель — МВД России.

Издатель — Главное управление командующего внутренними войсками: 111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1993

Сдано в набор 16.03.93 г. Подписано к печати 29.04.93 г. Формат бумаги 70×108/16. Усл. печ. л. 5,6. Уч. — изд. л. 8,8. Зак. № 1230. Тираж 15500. Цена по каталогу 12 руб., в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета", типография "Красная звезда", 123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Корректоры

Е. А. Богданова,
Н. В. Емельяна.

На первой странице обложки:
Парад Победы.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

**Генерал-лейтенант
Б. БОРУКАЕВ:**

**"ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ
КОНКРЕТНЕЕ
РАБОТЫ?"**

**Начальник штаба
внутренних войск
МВД России
отвечает на вопросы
нашего корреспондента
подполковника
А. УШАРА.**

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите поздравить вас от имени читателей журнала с новым высоким назначением. С чего вы начали свою деятельность на посту начальника штаба внутренних войск МВД России?

— Спасибо. С работы.

— Прошу прощения, но нельзя ли немного конкретнее?

— А что может быть конкретнее работы? Изучил свои должностные обязанности и приступил к их непосредственному исполнению. Считаю: неплохо было бы, чтобы каждый офицер, принимая новый пост, сразу же, без раскачки брался за дело.

— Читательская почта свидетельствует: эйфория по поводу принятия долгожданного Закона о внутренних войсках прошла. Наступила ответственная и нелегкая пора воплощения его требований в жизнь. Как идет эта работа в войсках? Происходят ли какие-либо изменения в организации служебно-боевой деятельности соединений и частей?

— В Законе о внутренних войсках определены основные направления и принципиальные схемы функционирования сложного войскового механизма. И ныне вся деятельность соединений и частей нацелена на то, чтобы привести свои "боевые порядки" и "тылы" в полное соответствие с положениями закона. Еще не время подводить даже первые итоги и делать предварительные выводы о том, как идет эта работа.

— Что ж, подождем. Однако меняются не только правовые и нормативные акты. Повсеместно в войска, в частности в штабы округов, в наш главок, приходят новые люди. Не у каждого с первых шагов все складывается гладко, приходится сталкиваться с трудностями. Что бы вы как руководитель могли порекомендовать людям, заступившим сейчас на ответственные посты в столь напряженный для войск период? И вообще, современный офицер штаба — каким он должен быть?

— Штабной работник сегодня — это человек, как правило, прошедший все ступени крутой служебной лестницы, начиная с командира взвода, и познавший на практике тонкости организации служебно-боевой деятельности, обучения и воспитания людей. Я

полагаю, что принципы последовательности и постепенности роста в становлении будущего штабиста оправдывают себя. И напротив, те офицеры, которые волею случая или благодаря протекции перескочили через одну-две ступени этой лестницы, профессионально обеднили, обокрали прежде всего себя и, уж конечно, навредили делу: ни один штаб не обогатит их тем опытом, который накапливается годами непосредственного участия в процессе организации боевой службы и учебы. О каком успехе в работе офицера может идти речь, если он лишь теоретически ознакомлен с объемом и спецификой задач своих подчиненных? По-моему, только такие люди неизбежно сталкиваются с трудностями, попадая в штабные структуры. Те же, кто шаг за шагом преодолел многосложные версты командирской стези и понял, почему фунт взводного, ротного, батальонного, полкового лиха — не теряются на любых должностях.

Но и этого мало, чтобы качественно работать в штабе внутренних войск. Здесь, как нигде, нужно хорошо знать решения высших органов власти, причем не только касающиеся наших проблем. Я говорю о широкой правовой эрудиции офицера как необходимом компоненте интеллектуального потенциала, позволяющей строить свою деятельность на четкой нормативной основе. Только тогда он в состоянии вносить дельные, конструктивные предложения, которые впоследствии закладываются в директивы, приказы и инструкции, регламентирующие жизнь войск.

— Но в принципе все, о чем вы сказали, Борис Рамазанович, и составляет профессиональную компетентность. А она была необходима человеку военному, облеченному властью, всегда — и пять лет назад, и пятьдесят, и пятьсот. Какие еще качества нужны офицеру именно сегодня?

— Есть ли смысл изобретать колесо? Искон веков существует, скажем так, определенная палитра общечеловеческих добродетелей и военно-профессиональных черт, присущих защитнику Отечества. Сегодня, как и сотни лет назад, офицер (не только штабной — любой) обязан быть верным присяге, честным, порядочным, мужественным, храбрым... Этот ряд нетрудно продолжить, но стоит ли?

— Если я правильно вас понял, товарищ генерал-лейтенант, независимо от политического климата в стране офицер внутренних войск неизменно должен отвечать требованиям, которые определяют его профессиональным предназначением?

— Армия и войска вне политики — однозначно. Какие бы страсти ни бушевали на государственном Олимпе, мы, отстаивая интересы Отечества и выполняя свой долг, будем руководствоваться только законами. Каждому свое: политикам — политика, военным — защита Родины. И нет ничего хуже, когда первые, обуреваемые жадой власти или, напротив, расписываясь в собственной по-

литической немощи, пытаются прибегнуть к силовым методам разрешения спорных проблем.

— Стало быть, всякое присутствие внутренних войск в очередной горячей точке — результат политических просчетов конкретных звеньев государственных структур?

— Вынужден повторить: войска деполитизированы, а значит, и я тоже, поэтому анализировать успехи и промахи государственных деятелей не стану. В районы межнациональных конфликтов мы приходим, чтобы защитить честь и достоинство людей, независимо от того, к каким партиям, фракциям и идеологическим течениям они принадлежат.

— К сожалению, уже шестой год некоторые соединения и части внутренних войск не ради красного словца называют воюющими. Если рассматривать оперативный и тактический аспекты их использования, чему научили нас боевые действия в горячих точках?

— Но точно так же можно назвать воюющей и милицию: она постоянно на фронте борьбы с преступностью и ежеминутно работники органов внутренних дел, рискуя жизнью, обеспечивают общественную безопасность россиян. Да, иногда в различных регионах страны складывается довольно тревожная обстановка, когда активизируются — с политическими или уголовными целями — незаконные, а стало быть, преступные вооруженные формирования: убивают людей, грабят или уничтожают их собственность, нагло попирают конституционные права и свободы. Вот с этими группировками мы, случается, действительно воюем — согласен.

Теперь о сути вашего вопроса. Я понимаю, насколько он важен для войск в целом, но это тема отдельного, большого, обстоятельного разговора, который, возможно, и состоится у нас, ибо накоплен богатейший опыт решения сложных, смертельно опасных задач с минимальным риском для личного состава. Не хотелось бы говорить „с минимальными потерями“, ибо гибель даже одного человека — уже много, это трагедия. С огромным сожалением приходится признать горькую правду: потери были. Но детальный разбор ситуаций наглядно показал, что их причины не в слабой боевой и психологической подготовке военнослужащих. Противник брал не умением — числом или откровенно изощренной, подлой тактикой. Чего стоят, к примеру, нападения на войсковые наряды, когда впереди себя бандиты в качестве живого щита пускали женщин и детей, ведя в то же время огонь по нашим военнослужащим на поражение.

Словом, ничего из приобретенного кровью и потом боевого опыта не потеряно. Материал, пока еще разрозненный, постепенно и бережно накапливается, обобщается. К этой работе привлечены и ученые из военных академий, которые выезжали в горячие точки для сбора фактического материала и анализа конкретных проблем. И насущная задача — систематизация полученных от них рекомендаций. Уже сейчас на их основе мы

разрабатываем проект Устава боевой службы, отдельные по видам внутренних войск инструкции, наставление по службе штабов, формализованные сборники документов. Естественно, внесены соответствующие изменения в программы подготовки кадров в военных академиях, высших военных училищах, учебных частях. Думаю, к концу года подготовительную работу завершим и следующий учебный год войска начнут, опираясь на качественно новую нормативную базу, учитывающую опыт, накопленный в последние годы, в том числе и в горячих точках.

Кроме того, пересматривается и структура программ обучения личного состава. Мы максимально приближаем, увязываем ее с реалиями сегодняшнего дня. Учебные дисциплины — и тактика внутренних войск, и огневая подготовка, и тактическая — будут иметь сугубо специальный, прикладной характер, в корне отличный от общевойсковой методики.

— Можно ли с уверенностью сказать, что между внутренними войсками государств СНГ существует четкий план взаимодействия в решении различных, в том числе внезапно возникающих, задач? Или в подобной координации усилий военно-правовых структур республик нет необходимости?

— На уровне министерств внутренних дел с некоторыми странами СНГ заключены договоры, в которых учтены вопросы взаимодействия внутренних войск. Они касаются, во-первых, прохождения военной службы офицерами и прапорщиками, например, их перемещения из республики в республику, соблюдения гарантий социальной защищенности. Второй момент — пенсионное обеспечение уволенных в запас и в отставку военнослужащих, проживающих на территориях этих государств. Увы, не всегда легко и просто развязываются узлы неожиданно, подчас на пустом месте появляющихся противоречий. Вот, допустим, страны Прибалтики. Ни для кого не секрет, что с ними мы разошлись (я имею в виду внутренние войска) вполне цивилизованно. Так сказать, расстались друзьями. А сколько наших бывших военнослужащих, ветеранов осталось жить в Эстонии, Латвии и Литве? Да и куда им податься на старости лет? Однако правительства этих стран практически лишили их средств к существованию, и внутренние войска России вынуждены деньгами из своего бюджета компенсировать безразличие властных структур Прибалтики, выдавая ветеранам пенсии через финслужбы Северо-Западной группы войск Вооруженных Сил России.

Хорошие, деловые взаимоотношения налажены у нас с командованием внутренних войск Казахстана, Беларуси, несколько хуже с Украиной. С другими странами СНГ контакты слабее, ибо практически не осталось общих точек соприкосновения, а самую большую проблему — проблему перевода военнослужащих в родные края — мы уже практически разрешили. Рассматривалась возможность заключения договоров по вопросам подготовки кадров, но в этом не усмотрели

настоятельной необходимости, так как сохранившееся между нами взаимодействие позволяет пока что обходиться без каких бы то ни было специальных правовых актов. Ограничились договоренностью, которая, кстати, безукоризненно соблюдается: они перечисляют средства в МВД России — мы готовим им специалистов.

Если в дальнейшем границы между республиками приобретут не столько географический, сколько физический характер, возможно, и придется садиться за стол переговоров и скреплять подписями документы, предусматривающие и подготовку кадров, и вопросы оказания определенной технической и организационной помощи, розыска преступников и дезертиров.

— Товарищ генерал-лейтенант, каковы, на ваш взгляд, наиболее уязвимые точки в жизнедеятельности внутренних войск? Иначе говоря, какие насущные проблемы сегодня беспокоят вас как начальника штаба более всего?

— Одна из самых трудноразрешимых задач — комплектование войск, особенно военнослужащими срочной службы (хотя и офицеров значительный некомплект). В связи с острой нехваткой призывного контингента в России, а также с принятием ряда нормативных актов, предоставляющих юношам широкие права на отсрочку или освобождение от воинской службы, ситуация заметно ухудшилась. Осенью прошлого года мы получили лишь восемнадцать процентов от необходимого для выполнения служебных задач количества личного состава. И, естественно, забили тревогу, предвидя, чем это может обернуться в дальнейшем. Надеемся весной получить несколько больше призывников. Больше, чем осенью, но меньше, чем нужно.

Предвижу резонный вопрос читателя: а что, если мы не сумеем выйти на запланированные показатели, войска прекратят свое существование? И как же тогда быть офицерам и прапорщикам, чьи судьбы напрямую зависят от степени укомплектованности частей и подразделений? Отвечаю: оснований для подобных тревог нет. Уже сейчас министр внутренних дел, командующий внутренними войсками принимают, скажем так, превентивные меры, способные снизить потенциальные негативные последствия недостаточного призыва. И в частности, предоставлена возможность набора десяти тысяч по контракту и двадцати шести тысяч сверхсрочных служащих на должности солдат. Что мы им предлагаем? Для них открыты вакансии механиков-водителей, старших водителей боевых и специальных машин, операторов-наводчиков, радиотелеграфистов, начальников радиостанций малой мощности, старших механиков, дежурных КПП, дрессировщиков и инструкторов служебно-розыскного собаководства, контролеров КПП, начальников постов охраны и обороны, операторов пульта управления техническими средствами охраны и другие, то есть те служебные категории, которые трудно готовить: на обучение солдат-специалистов уходит не менее полугода, включая сборы. И работа

эта проводится постоянно, без перерывов, отнимая массу сил и времени. Профессионалы несколько избавят нас от этих хлопот. Подготовленные одиножды, но качественно, они сведут на нет кадровую чехарду в низовом, весьма ответственном звене служебно-боевой деятельности.

— Практически весь состав караула может состоять из контрактеров?

— Да, и в первую очередь планируем замещать вакансии в соединениях и частях по охране важных государственных объектов, исправительно-трудовых учреждений. Сегодня этот процесс уже идет, где-то более, где-то менее удачно, но за первые два месяца этого года мы набрали по контракту свыше шести тысяч человек. Правда, среди них немало женщин. К сожалению.

— Почему же к сожалению?

— Одно дело, когда женщины — связистки, телефонистки, делопроизводители, в крайнем случае — часовые КПП, и совсем другое — часовые-операторы с автоматами в руках и с обязанностью и правом воспользоваться ими в предусмотренных законом случаях. Я не противник новшеств и не боюсь разительных, резких перемен в организации боевой службы, но абсолютно не верю в то, что данный вариант — оптимальный. Ну не женское это дело.

Мой скепсис подтверждает и подпитывает войсковая практика. Только один пример, так сказать, свежий. Женщины-прапорщики одной из частей, хорошо зарекомендовавшие себя в роли контролеров, после передачи последних в ГУИН подписали контракты о назначении на пост оператора пульта управления техническими средствами охраны. В результате по их вине допущено три побега осужденных из-под охраны. А ведь на сборах с командирами частей я просил их ответственно, а не бездумно — лишь бы ликвидировать кадровую брешь — подходить к комплектованию должностей по контракту.

Разумеется, если бы денежное содержание "добровольцев" было повыше, мы бы гораздо быстрее заполнили вакансии. Причем отбирали бы лучших из лучших, на конкурсной основе. Мы уже внесли соответствующие предложения и надеемся, что решение этой проблемы не за горами. Возможно, к тому времени, когда выйдет журнал с нашей беседой, Положение о прохождении службы по контракту будет принято, а денежное содержание увеличено.

— Если не секрет — намного?

— Не хочу до подписания документа называть конкретные цифры. Скажу лишь, что опрос на местах показал: планируемые оклады контрактерам удовлетворяют многих.

— Почти два года назад на страницах нашего журнала вы, Борис Рамазанович, изложили свою концепцию формирования и функционирования внутренних войск в условиях строительства правового государства. Насколько оправдались эти прогнозы и расчеты? Ведь посмотрите: контролеры — отрезанный ломоть, на различных уровнях поговаривают о том,

что, возможно, и с охраны ИТК постепенно снимут внутренние войска, а специальные моторизованные воинские части, которые раньше называли милиционными, передадут в ГУОП. Что же останется нам? Какова ваша нынешняя точка зрения на перспективы развития войск?

— Это уже не вопрос, а приглашение к отдельному разговору. Что ж, попытаюсь кратко изложить суть дела. Я и тогда, два года тому назад, не выступал в роли пророка, и сейчас бы не взялся, гадая на кофейной гуще, предсказывать будущее. Обстановка в стране такая, что каждый день преподносит нам новые сюрпризы. Давайте исходить, как и раньше, из реалий. А они свидетельствуют: в принципе наши прогнозы оправдались и мы теперь имеем то, что и предлагали получить. Прежде всего — четкую законодательную, правовую базу, позволяющую юридически грамотно и обоснованно строить и обеспечивать жизнедеятельность войск.

О перспективах. Ныне, в соответствии с решением VII съезда народных депутатов России, мы разрабатываем программу развития внутренних войск, предусматривающую, по всей видимости, два основных этапа: первый — до 1996 года, второй — до 2000-го. Безусловно, планируем серьезное реформирование войск, учитываем тенденции совершенствования российской государственности, возможные изменения общественных процессов, потенциальные экономические преобразования, связанные, допустим, с растущей конверсией, неизбежные коррективы в исправительно-трудовой политике. Скорее всего, опережающими темпами будут развиваться соединения и воинские части оперативного назначения, что, разумеется, диктуется напряженностью внутренней обстановки в России.

Вопреки слухам и кулуарным пересудам, в ближайшее время никуда не собираемся передавать специальные моторизованные воинские части (примерно до 1996 года их будут комплектовать по призыву, затем — смешанным способом и, наконец, по контракту). Наивно полагать, что завтра повсеместно сформируют, оснастят и обучат мощные силы муниципальной милиции, способные противостоять неплохо организованной преступности.

Далее. Охрана важных государственных объектов — тоже чисто войсковая функция, ответственная и нелегкая ноша. И вряд ли в стране найдутся ведомства, желающие добровольно взвалить ее на свои плечи. Соединения и части, охраняющие эти важные для государства объекты, правительство, хочется верить, и впредь будет совершенствовать и укреплять. В целях национальной безопасности.

Что касается охраны исправительно-трудовых учреждений — вопрос сложный. Практически ни в одном развитом государстве солдаты срочной службы не выполняют подобную миссию. Только у нас. Мы прекрасно понимаем: эта мера вынужденная. И временная. Не исключено, что на втором этапе реализации программы развития внутренних

войск и надзор за осужденными, и их охрану сосредоточат в одних руках.

А вот задача конвоирования, полагаю, останется за войсками. Исключение могут составить судебные караулы: их, наверно, передадут органам внутренних дел, и это вполне логично.

Понятно, что любые изменения не будут внезапными и неожиданными: дескать, легли спать "при исполнении", а проснулись поутру безработными. Нет, мы вправе рассчитывать на взвешенный, продуманный подход к реформированию войск со стороны Президента, правительства и Верховного Совета. Учтены будут и государственные интересы, и интересы конкретных граждан — офицеров и прапорщиков внутренних войск. Перемен страшиться не следует, ибо, убежден, они лишь улучшат положение военнослужащих.

— Товарищ генерал-лейтенант, программа, о которой вы говорите, разрабатывается в Главном управлении командующего внутренними войсками, или ее, что называется, спускают сверху?

— Предложения будем вносить, разумеется, с учетом мнений различных министерств и ведомств, без сотрудничества с которыми оптимальное функционирование войскового механизма невозможно. Как, к примеру, планировать мероприятия по улучшению физической защиты важных государственных объектов, не зная планов министерств, в ведении которых они находятся? И так — по любому вопросу. ГУКВВ выступает координирующим звеном и аккумулятором идей при разработке программы. Но в целом это коллективный труд.

— Товарищ генерал-лейтенант, поскольку организационно-мобилизационное управление — в составе штаба, то именно в его компетенции определение структуры и штатов войск. Так как, на ваш взгляд, можно их оптимизировать? Тем более сейчас, когда численность войск по охране ИТУ практически не зависит, как прежде, от количества осужденных в охраняемых колониях.

— Мы повышаем качество и обоснованность предложений по улучшению служебно-боевой деятельности войск. Командующий внутренними войсками рассматривает их с привлечением военного совета (считаю очевидным плюсом для внутренних войск возобновление его работы). Коллегиальность обсуждения вопросов, их квалифицированная служебно-техническая экспертиза позволяют выбирать наиболее целесообразные варианты. Согласен, может быть, этот процесс и занимает больше времени, нежели раньше, зато выше надежность и гарантия избежать серьезных просчетов. Таких, например, как недавнее буквально кулуарное решение о расформировании Северо-Кавказского и Центрального управлений. Практика показала не только ошибочность, но и вредность этой непродуманной акции, в результате которой не были скоординированы действия войск при осложнении обстановки на юге России. Ведь раньше региональное управление по Северному Кавказу являлось

и стабилизирующим фактором, и базой для наращивания войсковых группировок, развертывания дополнительных сил, обеспечивающих общественную безопасность в горячих точках.

Теперь об усилиях по оптимизации структуры и штатов войск, напрямую зависящих от правил определения численности личного состава. Если по всем, так сказать, видам внутренних войск, в том числе и войск по охране важных государственных объектов, методика давно апробирована, то по соединениям и частям, охраняющим ИТУ, вопрос остается открытым. Собственно говоря, это проблема давняя. Еще в 1962 году на записке об определении численности войск по охране колоний бывший тогда первым заместителем председателя Совета Министров СССР Косыгин начертил: "Согласен... И больше никакого документа, разумно и взвешенно подсчитывающего необходимое количество личного состава, как это ни парадоксально звучит, не существовало. Поэтому последние два года численность войск по охране ИТУ определялась фактической потребностью для обеспечения надежной охраны колоний и других объектов.

После принятия Закона о внутренних войсках численность их будет определять Верховный Совет России, а состав и дислокацию — Президент, для чего мы подготовили пакет документов, где и предлагается утвердить численность, структуру и дислокацию войск для выполнения различных задач, в которых воплощены чаяния не одного поколения руководителей главка. Кроме того, командующий внутренними войсками генерал-лейтенант Куликов согласовал все нюансы с министром финансов России. Подготовлен проект приказа министра внутренних дел о введении новых правил определения численности всех видов внутренних войск. Не буду комментировать этот нормативный акт, скоро войска сами с ним ознакомятся.

— Еще не так давно управление, организующее служебно-боевую деятельность воинских частей оперативного назначения и специальных моторизованных воинских частей, не входило в организационную структуру штаба войск. Ныне — входит. В чем смысл этих штатных изменений?

— В свое время, утверждая штаты ГУКВВ, бывший министр внутренних дел предоставил этому управлению статус самостоятельной структуры, подчинив его напрямую заместителю командующего внутренними войсками. Такое решение во многом осложнило нашу деятельность. Ведь практически ни одну из задач, возложенных на это управление, нельзя было эффективно выполнить без непосредственного участия офицеров штаба. Вот почему сделан закономерный и необходимый шаг, который существенно облегчит работу офицеров управления, вынужденных ранее бегать по большому кругу, утрясая любые вопросы у многих начальников различного ранга.

— Президент России подписал Указ о преобразовании управлений внутренних

войск в округа. Что это — обычная смена вывески или рождение качественно нового войскового структурного звена, имеющее целью коренное улучшение состояния дел на местах?

— Это часть программы реформирования внутренних войск. Законом о внутренних войсках определено, что наши соединения и части входят в состав округов. Указ Президента — логическое продолжение требований закона — преобразовал существующие управления в округа и, кроме того, санкционировал воссоздание Северо-Кавказского и Центрального (ныне Московского) округов, не так давно непродуманно расформированных.

Что нам это дало? Прежде всего максимально приблизило структуру внутренних войск к Вооруженным Силам, с которыми в мирное и военное время мы обязаны тесно взаимодействовать, обеспечивая безопасность и территориальную целостность России.

Нам приходится постоянно координировать усилия при внезапном осложнении обстановки в том или ином регионе, при ликвидации последствий стихийного бедствия, при комплектовании или использовании учебной материально-технической базы — да мало ли общих интересов! Единая структура, несомненно, облегчит контакты, придаст взаимосвязям паритетный и осмысленный характер. И конечно же, несколько не осложнит взаимоотношения войск с территориальными органами внутренних дел: ведь мы составные части одного министерства.

Кроме того, если рассматривать чисто организационный аспект, можно отметить, что реформирование обеспечивает наиболее оптимальную систему руководства самими войсками на местах, особенно в условиях решения задач при чрезвычайных обстоятельствах. Бывшее управление внутренних войск, по сути, подменяя, дублируя функции командования соединений, не являлось объединением в полном смысле этого слова в силу размытости, некоторой несуразности своей штатной структуры. Получалось, что и соединение отвечало за тактическое звено, и управление, обязанное работать с оперативным звеном, в сущности, тоже трудилось на тактическом уровне, то есть параллельно.

Создание округов, кроме того, предполагает сосредоточить усилия на подборе, восстановке, обучении и воспитании офицеров управления соединений, на предметном контроле за их деятельностью. Безусловно, это не означает, что представители округов не будут доходить до роты, до караула и войскового наряда: учить подчиненных работать системно нужно и должно не только советом, но и личным примером — старая армейская истина.

— Общеизвестно, что штаб — это мозг, центральное организующее звено в деятельности войск. Как вы считаете, традиционные формы и методы управления и контроля, например комплексные и целевые группы, оправдывают себя в со-

временных условиях или время диктует новый стиль?

— Давайте сразу уточним: комплексные, целевые, инспекторские группы — методы работы всего главка, инструменты, с помощью которых командующий управляет войсками и контролирует их деятельность. И убежден, они себя ни в коей мере не исчерпали, они — жизненны, а в последнее время — упорядочены. Командующий внутренними войсками утвердил годовой план работы в округах, соединениях и частях, оптимизирующий деятельность «верхов», и не сковывающий инициативу и самостоятельность «низов». Внесены также существенные изменения в систему подготовки этих групп, методике их работы и порядку отчетности.

Не думаю, что и другие, как вы сказали, традиционные формы управления войсками устарели, нет, просто они приобрели организационную стройность, наполнились качественно новым содержанием.

— Наша беседа проходит в канун 48-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Многие из тех, чьими усилиями, кровью и потом ковалась Победа, закладывались славные традиции внутренних войск, теперь оказались, увы, в незавидной категории социально уязвимых личностей. Да, они в отставке и в запасе, но это наши люди, и они многое сделали для войск. Что бы вам хотелось им пожелать?

— Что бы я пожелал ветеранам? Конечно, здоровья, выдержки (надеюсь, правительство отдаст наконец должное их бесценному вкладу в обеспечение безопасности нашего государства), мужества (его им не занимать, и оно всегда выручало их в трудную минуту), веры в лучшее! Мы всегда помним их, Ивана Кирилловича Яковлева, Федора Васильевича Бубенчикова, Ивана Филипповича Мельника и многих других фронтовиков. Кстати, недавно командующий внутренними войсками подписал приказ о подтверждении участия в Великой Отечественной войне наших бывших военнослужащих. В обширном списке — более четырехсот человек.

— А с чем бы вы хотели обратиться ко всему личному составу войск?

— Просьба одна: до тех пор, пока не утвержден новый Устав боевой службы, следует строго руководствоваться положениями действующего Устава, за исключением тех его статей, которые отменены или изъяты приказами министра, директивами командующего или совместными указаниями руководителей главков.

— Большое спасибо.

Фото старшего прапорщика
А.АЛЕКСАНДРОВА.

НЕ НАДО ПЕРЕДЕЛЫВАТЬ ПОБЕДУ

К СОВЕТСКОЙ, совсем недавней нашей истории отношение нынче у всех разное. Ее переосмысливают, переименовывают, переписывают и еще очень много чего пытаются с нею сделать. Одни — чтобы стереть в памяти народной все светлое и героическое, что было у наших людей и государства, другие — чтобы идеализировать и канонизировать то, чего не было.

Не обходят вниманием любители изящной словесности и нооявленные летописцы и май 1945 года — День Победы советского народа над фашистской Германией. Чем больше разброс мнений о второй мировой войне, тем полярнее суждения о значимости и важности этого самого дорогого еще совсем недавно для нас праздника.

Мы не ставим перед собой цель еще раз доказывать и разъяснять кому-то явные постулаты — говорить об агрессивной сути фашизма, месте и роли СССР в победе над ним, нравственных и патристических истоках массового героизма советского народа в Великой Отечественной, освободительной миссии Советской Армии в странах Европы. Это очевидно, несмотря на «переосмысливание», прошлого рядом историков и писателей. Однако, отставая сегодня подобную точку зрения, можно прослыть ретроградом и неობольшевиком, ведь в официальных документах и сообщениях уже нет ни той страны, ни того народа, ни упомянутой Армии. Есть только люди: для одних все непрерываемо и бесспорно, для других — фальсификация действительности и прокоммунистическая пропаганда. Однако суть не в этом. Тревожит другое.

Недоумение, обиду, а порой и боль вызывают все еще встречающиеся ныне равнодушные, этакая выставленная напоказ индифферентность в отношении к тем тяжким испытаниям, что выпали на долю нашего народа в минувшей войне, к ее героям и подвигам. Попытки предать забвению то, чем гордились поколения советских людей, размывают чувства Родины, патриотизма, национальной гордости, исторической правды и справедливости, наконец. Почему-то это особенно ощущается з майские дни, когда многие, несмотря ни на что, славят доблесть советского солдата. Таких, разумеется, большинство. И все же не дает покоя вопрос: как же так получилось, что некоторые соотечественники наши стали страдать «провалами», совсем недавней исторической памяти. Причем произошло это как-то вроде бы само собой, незаметно. Сначала отменили военный парад в честь победной даты, затем на груди фронтовиков поубавилось количество орденов и медалей, а возросло их число на прилавках Арбата, измайловского «верниса-

жа», на других барахолках в разных городах. Потом пошли дальше — стали крушить памятники советским военачальникам в странах ближнего зарубежья, бывших братских государствах бывшего социалистического содружества, осквернять могилы погибших в той войне, закрывать музеи и комнаты боевой славы армий, дивизий и полков. Все чаще появляются двусмысленные, с «душком», а то и прямо кощунственные высказывания в адрес вооруженных защитников Отечества в средствах массовой информации, в литературе и... словом, имеем то, что имеем.

Спросите сейчас у любого фронтовика, за что он сражался? Во имя чего столько перенес, делая тяжелую, опасную, пропахшую кровью и потом солдатскую работу?

Врядли все однозначно ответят, что во имя Сталина и коммунистической партии. Почти каждый наверняка скажет, что защищал свою Родину, свой дом, свой народ и еще очень хотел, чтобы война, через которую он прошел, была последней в истории человечества, чтобы его дети и внуки жили счастливо, никогда не слышали воя бомб и свиста пуль.

Думаю, никто не усомнится в искренности их слов. Бойцы действительно верили в это и очень надеялись, что так и будет.

Завоеванная столь дорогой ценой победа должна была стать вечной славой и почетом для одних, вечным укором и напоминанием другим, вечным предостережением человечеству, его незаживающей памятью. Нет, не все получилось так. Иначе чем объяснить, что победителей нередко оскорбляют и унижают в собственной стране, побежденные шлют им гуманитарную помощь и снисходительно советуют, как жить в демократическом обществе. А в мире продолжают посылать большие и малые войны.

И остается фронтовика российскому только память сердца, душевная боль пережитого да старые ноющие раны. А ведь ныне День Победы считают своим кровным праздником не только воевавшие с фашистской Германией, но и прошедшие Корею, Ближний Восток, Вьетнам, Афганистан, Анголу, а теперь уже и Карабах, Фергану, Абхазию, Приднестровье...

Надевают солдаты в этот день награды (если остались), поднимают чарку и вспоминают, вспоминают...

Читатель, взглядишь в этот снимок. Он сделан нашим фоторепортером в годовщину Победы. Стоят опаленные войной двое. У каждого из них был свой бой, и, судя по наградам, они выдержали его с честью. Мы не знаем степени их родства, общности или различия в убеждениях, но мы видим, что эти солдаты — русские мужчины, воины разных поколений. Судьба круто обошлась с ни-

ми. У одного нелегкая жизнь позади, и, пожалуй, у обоих не менее трудная — впереди.

Мы все виноваты перед ними. И в том, что не можем создать воевавшим нормальные человеческие условия для жизни, и в том, что не в силах обеспечить им в обществе достойного почета и уважения, и в том, что, сбившись с толку новомодными «открытиями», «историческими исследованиями», удалением «белых пятен» с прошлого, не в состоянии сегодня внятно объяснить детям, за что же в конце концов воевали их отцы и деды. Уходим от прямых ответов, отводим глаза в сторону.

Ветераны говорят, что на фронте бывало присловье — «война все спишет». Жизнь показала, что война не списала все, а записала. Записала не только в документы, архивы, мемуары, на кино- и фотопленку, но и в человеческую память, которая на генетическом уровне будет передаваться из поколения в поколение. К сожалению, пока этот материал полностью обществом не востребован. Что ж, подождем.

Но не надо переделывать Победу, оставьте ее нынешнему поколению такой, какой ее хотели видеть те, кто воевал за нее... Они это заслужили.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

"Настоящий кавказец — человек удивительный, достойный всякого уважения и участия."

Михаил ЛЕРМОНТОВ.

КАВКАЗЦЫ

(Наши, написанные с натуры)

СРЕДИ сотен офицеров Владикавказского взбудораженного чрезвычайным положением, но тем не менее по-прежнему уютного гарнизона обратил внимание на усталого лейтенанта с грустными глазами. Пересеклись с ним по служебной надобности, и когда переговорили о делах, вопрос "не из той оперы и эпохи, напросился сам собою: "А скажите честно, подпоручик, вы часом не пишете стихов?.. Он нимало не смутился (попробуй смути чем-нибудь кавказца), хотя вирши свои показывать не спешил, отнекивался: до стихов ли, мол, теперь? Передо мною сидел на солдатской койке, накрытой синим одеялом, маленького роста русский офицер с пшеничными усами на бледном лице. В стародавние времена на нем точно был бы военный сюртук по-походному, без эполет, быть может, и подкладка красная определяла бы его принадлежность к Тенгинскому пехотному полку. У этого — камуфляж, толсто, "по-дембельски, подшитый белым подворотничком, тщательно вычищенные, несмотря на слякоть, ботинки. Я дожимаю его, уже чувствую, что не обманулся: "Ну признайтесь, подпоручик, ведь пишете?.. Знакомец мой новый показал-таки листок, где обозначено было — "11 ноября 1992 года, г. Назрань.. Строки были адресованы, конечно, Ей:

*"Я с Вами так скоро расстался —
Опять загорелся Кавказ.
Но помните — жизнью поклялся
Любить лишь Россию и Вас".*

Вчера еще "статский юрист,, был он немолод для лейтенантского звания, поскольку на военную службу определен двухгодичником. Лет ему оказалось ровно столько же, сколько было когда-то на пороге бессмертия гениальному поручику, многие свои строки посвятившему Кавказу.

Другие времена, другие нравы, другие типы — не совсем по Лермонтову. Попробуй сыщи в хаосе чрезвычайного положения Максима Максимыча, Печорина, Грушницкого! А появится на Кавказе новый генерал, ему тут же

летучие щелкоперы норовят присвоить титул "Ермолов-второй". Да ведь все пустое! Нельзя похода такие вексея выдавать.

Но и теперешние наши кавказские офицеры — народ в большинстве замечательный и своеобразный. За пять лет кавказских походов уже вполне сложилась замечательная галерея уникальных мужественных портретов героев нашего времени, общей на которых будет разве что маскирующая всех под зелено-пестрый пейзаж полевая форма, в силу неоспоримых преимуществ почитаемая нынешними кавказцами, как бурка прежними, не в пример шинели, против которой и тогда, и ныне существовало сильное предубеждение.

Но не героическую галерею задумывают создавать мотыльки из снимающей и записывающей братии на Кавказе. Извращенцам и извратителям по нраву лишь криминальные герои. И вот они охотятся по странному обыкновению за трупами, кровавыми бандитами или дешесними политиками (что, увы, нередко сочетается на этой войне в одном лице), стараются ошарашить читателя, слушателя и зрителя новыми ужасными подробностями схваток между горцами. Наш офицер-миротворец попадет в поле зрения, если в чем-то "проколется", либо станет объектом нападения тех же воюющих сторон, угодит, не дай Бог, в заложники или, вопреки объявленной для него деполитизации, возьмет да и выскажет что-нибудь наболеешее, что преподнесут и разнесут как политическое воззвание всей российской стороны. Один как-то пооткровеничал в Карабахе о своем месте и своей роли в войне между армянами и азербайджанцами: "По мне, уж если двое — в драку, то третий — в...!"

Те двое, ставшие в одночасье "ненашими", все дерутся. А мы ушли... Уходим теперь из Грузии, заслужив высочайшие поощрения г-на Шеварднадзе за оставленное оружие и предоставленную ему возможность без помех вести войну с непокорными в "своей" суверенной республике.

Впрочем, Михаил Лермонтов в своем лаконично-выразительном очерке "Кавказец", грузинских кавказцев определяет **ненастоящими**. А настоящих советует искать на Линии, то есть на Северном Кавказе. Как и в его времена, там нынче средоточие приоритетных интересов России. Разница только в том, что наши кавказцы в общественном сознании не поставлены на уровень тех заморителей Кавказа, кем гордились в Отечестве всегда, несмотря на опальность многих.

СЛУЖИВШИЙ в Отдельном Кавказском корпусе генерал Иоганн Бларамберг справедливо отмечал еще тогда, что война — это привычное состояние этих народов со времен давно минувших и Кавказ давно уже должен был обзлюдеть, измениться и опустеть, если бы определенными способами они не пытались бы сдержат кровопролития и укротить свои страсти. К сожалению, они не могут предотвратить ни непрерывных военных действий, ни убийств, ни

кровной мести, что имеет место до нынешнего времени.

Наблюдения эти записаны в 1834 году и больше века хранились в архиве под грифом "Совершенно секретно", как и литературный эскерсис поручика Лермонтова. Писать кавказские пейзажи — извольте! А уж нравы здешние не троньте — поднимете смуту среди горцев! Да уж, оставим горцев, поговорим лучше о наших кавказцах, тем более что наблюдения Михаила Юрьевича во многом справедливы и по отношению к ним. Вот, к примеру, строчки: "Хотя ему порой служба очень тяжела, но он поставил себе за правило хвалить кавказскую жизнь; он говорит кому угодно, что на Кавказе служба очень приятна.. Это уж точно так! И говорит так, и служба для него приятна.

Знакомый начальник штаба части оперативного назначения, который давал мне уют и в Карабахе, и в Осетии, который костерил почем зря и "весь этот бардак, и всех этих „брюнетов", дома, на Тихом Дону, не может усидеть и трех дней, если его бойцы остаются в районе ЧП. За время, что мы с ним не видались, он еще больше осунулся, потемнел лицом, еще больше состарили сорокалетнего подполковника усы, морщины. Из Афгана привез он в свое время медаль "За боевые заслуги", и общепризнанное дополнение к уставам, приказам и наставлениям — "Восток — дело тонкое.. С тех пор заматерел, шагнул в должности, познал нравы армян и азербайджанцев, осетин и ингушей, сделался не только отменным специалистом "чрезвычайщиком", но и искусным дипломатом. При этом, однако, профессионализма не только не растерял, но и приумножил. В общем, где надо, подаст на мир руку, а уж если вынудят, тогда извиняйте — бабахнет из РПГ и не промахнется.

Мы как-то ехали с ним на командирском БТРе в расположение части. Вдруг остановка — кто и что, мне сквозь махонький триплекс в боковой броне не видать. А он с командирского креслица высунулся из люка, переговорил с кем-то.

— Ну, оборзели вконец, — матюгнулся невнятно, но понятно, — хотели наш "бэтр", про верить — не везем ли заложников, мать иху так! Мой, командирский "бэтр..! Который под российским флагом! Нет, совсем оборзели — надо что-то делать с ними.

— Да с кем?

— Гвардейцы национальные эти. Бандюги форменные! А может, мы что не так делаем, если флаг наш ни во что не ставят, как считаешь?

В гудящем "бэтре", не поговоришь, да и что мог ответить я? За пять этих лет, что воюем на Кавказе, многое было сделано не так, как надо было, — кто только не брался рулить страной, Кавказом, войсками!

Но российские офицеры как тянули, так и тянут эту лямку. Едва ли не все внутренние войска перебывали в горячих точках, и теперь встретишь кавказца в Красноярске, в Нижнем, в Питере. Кто подразделениями ко-

мандовал, кто в комендатурах "правил". Есть среди них "проармянские наместники", есть "проазербайджанские" (в карабахской войне каждая сторона старалась обвинить военных в симпатиях к "врагу", а потому ничтоже сумняшеся клеила любые ярлыки, ставила любое тавро). Но это вовсе не тот "знак позора", который вешают на многострадальных россиян в краповых погонах и беретках и вдова знаменитого академика-гуманиста, и ковырятели-"мемориальцы", и даже официальные представители России в тех "бедных, пострадавших от войны, от блокады и Бог знает от чего еще суверенных государствах". Вспоминаю наших кавказцев, сидевших комендантами по разные стороны знаменитого Лачинского коридора. Одна из сторон назвала эту горную перемычку между Нагорно-Карабахской автономной областью Азербайджана и Арменией "гуманитарным коридором", это якобы "дорога жизни", в многострадальный Карабах, по которой повезут детишкам молочишко.

"Гуманитарии", пристреляли едва ли не каждый метр этой горной дороги, где обычно встречались для переговоров обе воюющие стороны и наши кавказцы — "проармянские" и "проазербайджанские". И с одним, и с другим комендантом говорили мы по душам, один из них и вовсе мой старинный приятель, однопольчанин. Русские мужики, оба подполковники, оба не слабачки, были, как говорится, на пределе. Вдоль и поперек "гуманитарного" коридора не только снайперы стреляли, но и крупнокалиберные пулеметы долбили. Два коменданта в этом чудовищном противостоянии думали только об одном — не лупануть бы по своим. Благо оба были молодчаги: связь держали, на малейшую стычку боевиков лично выскакивали, да и в военном отношении подготовлены крепко, видно, академии не ради "поплавка", заканчивали.

Увы, потерь они не избежали. У одного на горной дороге опрокинулась машина, погибли солдаты. А у моего товарища боевики расстреляли начальника штаба. Напали подло, из засады. Прослужил тот майор в Карабахе всего-то три дня. И навеки остался кавказцем...

ТОВАРИЩ мой, у которого квартировал я несколько дней в комендатуре района весной 1991 года, на мой вопрос, приедет ли он в Карабах еще раз, ответил категорично: "Здесь воевать надо бы за большую объединяющую идею и за большие деньги, кстати, тоже. Пока нет ни того ни другого — так что проситься сюда не буду. И так камнем на сердце будет теперь смерть Игоря нашего, выходит — я не уберег своего начштаба".

Сейчас кто-то скажет: "Ну и друзья у тебя — готовы за деньги убивать. Это же безнравственно!" Во-первых, друзья у меня профессиональные военные (этот комендант не один таков) и работу свою, то бишь службу, от размера жалованья независимо, выполняли всегда исправно. И кстати, воевать для них привычнее не убивая, а защищая — такие

уж войска. А что без "большой объединяющей идеи", оставили их на кавказской войне — их ли вина? Сказали: "Вы должны защитить людей, вне зависимости от их национальности". И вот — два села друг против друга. В каждом российский гарнизон. Как тут быть? Решай, комендант... Выручало порой то самое "знание местных условий", что дается длительным пребыванием в этих самых условиях. Впрочем, об этой характерной черте кавказцев полтора века назад уже написал поручик Лермонтов: "Чуждый утонченностей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь..."

Таких кавказцев можно найти в каждой нашей части. Да кое-кто уже был в героях газетных и журнальных публикаций, о чем порою просили даже местные жители, кому наши офицеры сеяли в буквальном смысле хлеб, проводили воду на поля и в сады, выручали из плена сородичей. Этим наших кавказцев сами старейшины и местные власти зывали в председатели, директора, начальники, суля все земные и неземные блага. Но такие мужики и в России нужны, чтобы поднять ее из разлухи. Только бы вовремя их замечали и давали государственный заказ на достойное дело, которое покуда оказалось в руках пестрых процелыг.

Процелыги эти здесь, на Кавказе, стремятся найти смущенных неразберихой офицеров, а найдя, обратиться в свою веру, согласно которой "кому война, а кому мать родна". И ведь что обидно до сердечной боли — подчас получается это. Кого ржа подъела дома, тот уж на "благодатном", Кавказе вряд ли устоит от соблазнов, здешние умелье в своем коварстве льстецы самую малость подверженного корысти вмиг обратят и заразят сребролюбием, беззастенчивым лихоимством.

Зная старинную русскую пагубу, тосты здесь говорят целенаправленно и нахваливают непременно то, что наливают, — армянские "Ани", "Ахтамар" и "Юбилейный" (настоящих их почти не осталось), карабахскую тутовку, осетинские пиво и араку, а чаще "самопал", из бесчисленных подпольных винокурен. Как тут не вспомнить истого кавказца Максима Максимыча, накрепко "завязавшего", именно в этих краях.

— Да я не могу заснуть без стакана, — искренне говорил интеллигентный, выдержанный, аккуратный офицер, который грамотно держал в руках очень сложный район Карабаха. — Возвращаешься порой за полночь, после того как погоняешь боевиков на "бэтре", да если еще кровь случилась, трупы, насмотрись, наслушаешься... Вроде чертовски устал, а заснуть не можешь. Сутки бывают без сна, вторые — чуть крыша не

145

едет. Тут уж фронтовую соточку, во внеслужебное время кто воспретит? Ханжа какой или "долбист",-служака, кому пока лиха не досталось. Случается рюмка и на местных "дипломатических раутах", но тут уж сам стараешься бдительности не терять. Но уж если на серьезное дело идешь, при оружии, с подчиненными — тут сухой закон железно: потеряешь "наводку на резкость", можешь и голову потерять.

В знаменитом на всю Россию Агдаме один местный похвалялся: "Да мы, если захотим, всех вас зальем вином и коньяком — захлебнетесь, как откроем здесь все краны — и Кремль потонет". Вот такие "экспансионистские" планы. Кстати, в самом Баку — "агдамщик", то есть пьющий это вино-суррогат, самый презренный люмпен, бомж, алкаш.

А вот какое анонимное письмо было адресовано редактору газеты "Северная Осетия": "...Слушайте, все живущие в Осетии. Не думайте, что ингуши сдались. Мы еще вернемся, когда уйдут эти российские войска. Мы их купили за бутылку портвейна. Все их оружие мы купили — видит Аллах, так будет, и пойдем войной на вас. Уничтожим всех осетин, казаков, армян, греков. Здесь будут жить только мусульмане, не радуйтесь, ско-

ро головы будут висеть на колах наших заборов. Оружие у нас есть, и все, что находится в российских войсках на нашей территории, будет наше. Аллах нам поможет...".

Может, и не стал бы цитировать анонимку эту поносную, но выдавалась она официальными лицами, в пресс-центре вместе с материалами сессии Верховного Совета Северо-Осетинской ССР как раз в те дни кровавого противостояния, когда наших кавказцев, которые из нестойких, пытались вывести из строя именно бутылками с портвейном-бормотухой и водкой—"самопалом". Так что, братцы-кавказцы, будьте здоровы!

И вспомним, что у Лермонтова возвращается в Россию с красным носом не настоящий кавказец, не офицер, а всего лишь статский, который, попивая кахетинское в Грузии, выжидал там чин. Впрочем, довольно об этом искусе. Лучше вернуться к описанию настоящего кавказца.

"Между тем жары изнурительны летом, а осенью слякоть и холода. Скучно! Промелькнуло пять, шесть лет: все одно и то же. Он приобретает опытность, становится холодно-храбр и смеется над новичками, которые подставляют лоб без нужды.

Между тем, хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут. Он стал мрачен и молчалив...".

И ПРО НАШИХ написаны эти строки. Как раз шестой год воюем на Кавказе. И видим одно и то же. Правда, в отличие от ссыльных декабристов, большинство наших не сидят в жару и слякоть безвылазно на чужбине, не на повозке, а самолетом отправляются на побывку в Поволжье и Подмосковье. Опытность же гнетет порою, как тяжелый бронезилет. "Ты мужик опытный, — говорит начальство, — давай-ка разберись там-то и там-то, уж больно наглеют те-то и те-то, приведи-ка к нормальному бою... — "Понял! Сделаем! Вот только новобранцев надо бы принимать-учить... — "Да примут без тебя, куда они, к лешему, денутся, твои новобранцы. Завтра борт на Владик — с Богом!"

Что до крестов на грудь, то и они не очень-то идут. Награды какие-то новые появились в России, но пошли они пока целевым назначением для других защитников. Самые же дорогие для нынешних кавказцев ордена — "Звездочку" и "Знамя", разом отменили, и если успели уже учредить приднестровцы и осетины свои медали защитникам своей земли, то наши на Кавказе могут быть отмечены только за личное мужество и личную отвагу, но не за одну на всех суровую кампанию по замирению Кавказа. Орденосцев — на тысячу один. Остальные не знают, кому завидовать — этому ли герою, рокерам ли, кто недавно получил новехонь-

кие российские бело-сине-красные награды, а может, тем, кто сто лет назад получал строгих оттенков вороненой стали крест "За службу на Кавказе", или хотя бы медаль "За взятие штурмом аула Ахульго".

Безусловно, не ради орденов служил и служит наш кавказец. Но обидно слышать от него то ли шутило-простецкое, то ли униженно-холопское: "Да нам-то че, мы люди не гордые...". Должны быть гордыми — есть чем гордиться. Что касается недавно принятого закона, предусматривающего некоторые компенсации и льготы военнослужащим, проходящим службу в районах чрезвычайного положения, то все эти выплаты лишь "подтянут", кавказцев до уровня российских статских сограждан, не боле.

Что ж вы хотите, воскликнет обыватель, чтоб вашим кавказцам памятник поставили при жизни? Да, отечу, не худо было бы такой иметь и живым, и павшим солдатам-миротворцам. Помнится, в офицерском кругу в Степанакерте, где повстречались старые знакомые — по Спитаку еще, даже по Чернобылию, зашел об этом разговор — о павших и живых, о памяти и беспамятстве.

Опять находим у Лермонтова: "Опыт долгих походов не научил его изобретательности, свойственной вообще армейским офицерам; он франтит своей беспечностью и привычкой переносить неудобства военной жизни, он возит с собой только чайник, и редко на его бивачном огне варят щи".

Да уж, неприхотливы. Хотя и умельцы, и смышлены. Настоящий кавказец не замерзнет, не оголодает, не завшивеет. Хотя и то, и другое, и третье на нынешней войне у людей нерадивых, как говорится, имеет место. Но, повторюсь, лишь у нерадивых, кои, слава Богу, немного. Большинство же и горячий обед с колес пробуют, и баньку соорудят из ничего. Глядишь, статские (не настоящие, из тех, что за чинами приехали) уже подбивают клинья к нашим насчет котлового довольствия, баньки, а то и камуфляжа, пользующегося спросом у "временных администраторов", в районе ЧП.

БИВАЧНАЯ жизнь стала привычной для наших кавказцев, они легко научились обустроиваться в самых неподходящих для жилья обстоятельствах, и приезжий случайный гость нередко восхищенно удивлен этой способностью "краповых беретов", чувствовать себя комфортно в спортивном зале или школьном классе. Вот в "кубрике", спецназовцев стены завешены сплошь фотографиями автомобилей и женщин. Понятно, дескать, вот их вкусы — машины да женщины. "Хорошие машины и хорошие женщины", — вносят поправку лейтенанты. У них на все

свои критерии, планка весьма высока для всякого прочего люда, для статских.

Сам краповый берет для них — священный символ спецназовского братства, сплавленного из мужества, стойкости, верности долгу, честности и других добродетелей, которые не подвержены червоточине. Это вроде того ордена, который сами себе учредили наши кавказцы. Его можно заслужить, лишь пройдя самые суровые испытания. Ветераны это знают и на спецназовскую святыню похода не покушаются. Сколько разных курьезов на эту тему было!

Однажды матерый тыловик обращается к командиру части: "Командир, нужно у местных раздобыть трубу-доймовку для умывальника. Разреши надеть краповый берет для пущей важности?". Представьте себе картину — полковник (!) разрешения просит. Действительно, краповый берет на полковнике оказал магическое действие на местных князьков от сантехники — все двери открывались мгновенно, и разрешительные визы накладывались с искренними уверениями в преданности внутренним войскам. Дело было сделано, краповый берет возвращен законному владельцу, но... В тот же день полковник-тыловик был изображен в солдатской "Протирке" в виде гриба-мухомора, понуро приткнувшегося к трухлявому пеньку.

Ну, посмеялись беззлобно над дружеским шаржем и забыли. А вот в другой такой же оперативной части спецназовский берет примерил бывший начальник политотдела. Походил эдаким франтом по плацу и... от "комиссара" отвернулись и солдаты, и офицеры, которых он согласно своим функциональным обязанностям призывал честь иметь.

Для полноты картины — третий эпизод с краповым беретом. С моим знакомым начштаба части, о котором я говорил выше, спецназовцы обошлись совсем по-иному: офицеры единодушно решили, что их старший товарищ с честью и достоинством прошел все полагающиеся испытания и крапового берета достоин. Хотели торжественно вручить перед всем личным составом части, на разводе, да еще фотокарточку на память сделать. Скромняга подполковник, воспользовавшись правами временно исполняющего обязанности командира части, вручение это публично запретил. А сам весь светился изнутри от такого братского расположения к себе младших офицеров.

Пустяк? Не скажите! Может, потому и хвалит он кавказскую эту жизнь, нямало не кривая душой, что нет в ней места дрязгам, сварам, интригам, так свойственным тягучей, паутинной жизни на зимних квартирах. Известное дело: на войне любые качества в людях приобретают отчетливость, проявляются и даже закрепляются, как при фотопечати. Вот и сложится "дембельский" альбом у каждого по-разному: один будет вспоминать благодарное рукопожатие замиренных горцев-кунаков, объятие боевых товарищей после смертельно опасной операции, а другой — холодный, неустроенный быт и "туземцев, будь они неладны...".

1990 год. Ньюади — азербайджанский анклав на территории Армении. Небольшое село и железнодорожная станция в самом перекрестье интересов враждующих сторон: тут тебе и Армения, и Азербайджан, и гейдаралиевская Нахичевань, и иранские погранцы через Аракс смотрят. Здесь погиб наш младший сержант. Здесь и сегодня стреляют.

Наши офицеры сидят, чай пьют. Знакомимся. Оперативная часть из Киева (тогда еще и они были своими). Один майор оказался не слишком приветлив: "Мы вот в Фергане первыми были, а о нас нигде ни словечка. На что нам такой журнал, где о нас не пишут..".

Товарищи ему в ответ: "Да ты про себя и так все знаешь, читай лучше о других..".

А ВО МНЕ тот давешний упрек обойденно-го чьим-то вниманием офицера до сих пор занозой сидит. Сколько бы ни писал о них, передо мной, будто в зыбком знойном мареве, череда лиц наших кавказцев.

Полковник Б. КАРПОВ.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА,
О. СМИРНОВА.

Владикавказ — Москва.

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

в честь 50-летия Победы
в Великой Отечественной войне

Приближается знаменательная дата — в мае 1995 года исполнится полвека со дня Победы нашего народа над фашистской Германией. В честь этого события Главное управление командующего внутренними войсками МВД России и редакция военно-публицистического и литературно-художественного журнала внутренних войск "На боевом посту", объявляют конкурс на лучшие литературные произведения и публицистические материалы: повесть, рассказ, стихотворение, очерк, проблемную статью, фотоснимок.

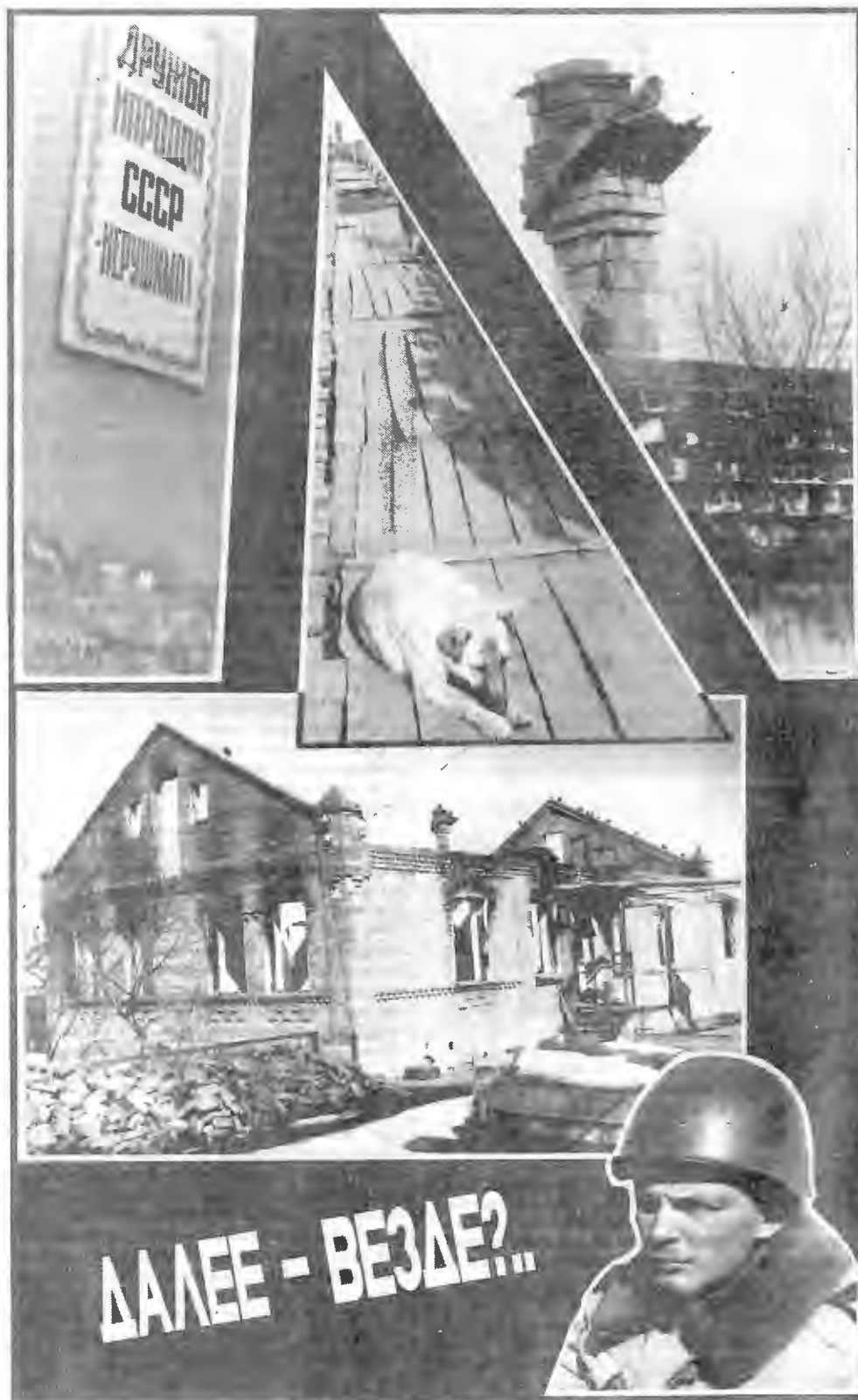
В этих работах должны найти отражение история, традиции, сегодняшний день Вооруженных Сил, внутренних войск, верность воинов своему долгу, героика и романтика боевой службы.

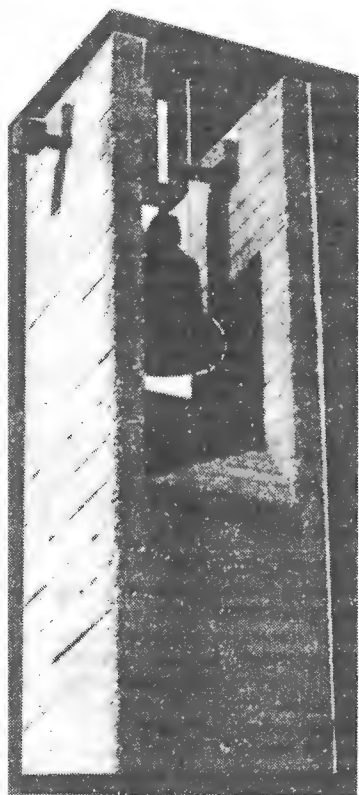
К участию в конкурсе приглашаются военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел и члены их семей, ветераны войск, а также профессиональные писатели, поэты, журналисты. Победителей конкурса ждут денежные премии — шесть первых, шесть вторых и двенадцать третьих. Предусмотрены также поощрительные премии.

Произведения должны быть оригинальными (нигде ранее не публиковавшимися), присылаться в редакцию отпечатанными на машинке через два интервала, с пометкой на рукописи и конверте — "На конкурс..".

Редакция принимает для рассмотрения конкурсной комиссией рукописи, поступившие до 1 февраля 1995 года. После подведения итогов конкурса результаты будут опубликованы в майском номере журнала за 1995 год.

Рукописи, присланные на конкурс, не возвращаются и не рецензируются. Произведения, удостоенные премии или отмеченные конкурсной комиссией, но не опубликованные до мая 1995 года, будут помещены в последующих номерах журнала.

Сумгаит, Фергана, Баку, Нагорный Карабах, Приднестровье, Абхазия... Но вот пламя братоубийства взметнулось и над нашим российским домом.

Опустевшие селения, сожженные дома, беженцы, солдаты на дорогах — так сегодня выглядит некогда цветущий Пригородный район Северной Осетии.

Фото В. УТЕНКОВА.

МИРОТВОРЦЫ В ЗАЛОЖНИКАХ,

или Поддавки поневоле

Трагическая аксиома: самые тяжкие испытания во время войны выпадают на долю беззащитных мирных жителей, особенно когда "линия фронта" проходит через сельские улицы и огороды, разделяя вчерашних добрых соседей — нынешних непримиримых врагов. А у солдат и офицеров внутренних войск в горячих точках — свой нелегкий крест...

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ НА ЧЕРМЕНСКОМ КРУГУ

"Цену смерти спроси у мертвых," — бытует метафора. Если это так, то истинная цена жизни открывается идущим на казнь.

— Сейчас мы тебя расстреляем, командир! Всю кровь выпустим! Терять нам нечего, понял? — со злорадством залпных дел мастеров приговаривали боевики, тащившие его к бетонным плитам сквозь ревушую толпу.

Старший лейтенант Юрий Соколов* почувствовал, как тяжело и часто забилось сердце, опутанное чем-то липким и колючим. "Ерунда, на испуг берут," — мелькнула было спасительная мысль и тут же угасла, не успев одарить надеждой. Слово током, шибануло по нервам обостренного всей этой дикой заварушкой шестое чувство: нет, тут не пустые угрозы, чтоб поиздеваться над русским офицером, сейчас бабахнут стволы и...

С трудом подавил желание ушпнуть себя за руку: вдруг происходящее с ним — вне реальности, ночной кошмар, из которого, пробудившись, с облегчением возвращаешься в мирную и безопасную явь. Но явь, чертова явь, что хуже самого дурного сна — вот она: утренний бой, скоротечный, как выстрел; плен; сотни чужих людей вокруг, готовых растерзать его за то, что не сдался по первому требованию боевиков.

Господи, до чего ж короток путь от вагончика, превращенного в камеру для пленников, до места казни. Еще б десяток шагов. Еще б пожить. Чуток...

У бетонных плит его заставили повернуться лицом к толпе. Хищно загнули затворы автоматов, и Юрию показалось, что все остальные звуки растворились, стерлись, исчезли, как голоса эфира в наушниках отключенной радиостанции. Собрав волю в кулак,

* По понятным причинам некоторые фамилии в материале изменены.

он открыто взглянул в прыгающие перед лицом черные зрачки смерти...

Глупо, чертовски глупо пропадать вот так, ни за понюшку табаку. Прими он вчера другое решение, забей тревогу... Да что толку казнить себя задним числом: кабы знал, где упадешь, соломки бы подстелил.

... Это было осенью прошлого года. Вечером 30 октября на КПП у черменского перекрестка примчался взволнованный сотрудник поселкового отделения милиции:

— Плохие новости, командир. Есть сведения, что готовится нападение на ваш пост. Скорее всего, этой ночью. Принимай меры.

Старший лейтенант Соколов, как и все офицеры полка, был готов к такому повороту событий. После несчастного случая, когда под колесами бэтэзра осетинских омоновцев погибла неосторожно перебегавшая дорогу школьница-ингушка, и убийства в поселке Южном водителя грузовика — тоже, как на грех, ингуша по национальности — Пригородный район Северной Осетии напоминал бочку с порохом, к которой поднесли зажженную спичку: вот-вот рванет! Экстремисты, давно, видать, ждавшие удобного предлога для выхода на "тропу войны", и разрешения старого территориального спора с позиции силы, обнажили стволы. Загремели автоматные и пулеметные очереди, направленные в работников милиции. Попал под обстрел наряд внутренних войск у села Тарское. И здесь, на черменском кругу, пришлось служивым держать удар. 22 октября нахлынула из Назрани полутьсячная толпа "заведенных", мужчин. "Немедленно, — зашумели, — снимайте все КПП с нашей земли и убирайтесь к себе в Россию. Иначе... Пуль и гранат на всех хватит... До горячей разборки в тот раз дело не дошло. Но крутые наэзранские ребята пообещали вернуться и продолжить разговор. С использованием более убедительных аргументов.

Сказать, что ночью на КПП никто не смыкал глаз, значит, ничего не сказать. Пальцы сол-

дат будто срослись со спусковыми крючками автоматов. Затаив дыхание, часовые напряженно глядели в густую темень, держали ушки на макушке, стараясь малейший шорох уловить близ поста. С каждым часом все сильнее давило на нервы ощущение опасности. Казалось, даже воздух, по-осеннему сырой и холодный, был наэлектризован тревогой.

Только под утро вздохнули с облегчением: «Кажись, пронесло, если под покровом ночи не сунулись боевики, то днем и подавно не отважатся. Ну а пожалуй непрошеные гости, что ж, милости просим, заслон на перекрестке надежный — офицер, десять бывалых бойцов, три милиционера да «бэтр» впридачу с полным боекомплектом. Отбьемся!» Увы...

Не знал, да и знать, конечно, не мог Юрий Соколов, что утром 31 октября начнется первая гражданская война «постперестроечной» эпохи на территории России и налет на «приграничное», КПП совершит не мелкая банда, как предполагали они с бойцами (отсюда и решение — не поднимать «паники», рассчитывать на свои силы и лишь в крайнем случае — на помощь из полка, благо до Владикавказа рукой подать), а многочисленный, до зубов вооруженный отряд, для которого захват стволов, брони и заложников был всего лишь ближайшей задачей. Что посланная им на выручку бронегруппа будет заблокирована огромной толпой на окраине Чермена. Что в 10.00 все вооруженные формирования одной из конфликтующих сторон получат по средствам связи сигнал о начале операции «Сбор», и через сельские улицы и огороды проляжет «линия фронта». Не ведали о том в ночь с 30-го на 31-е и начальники самого высокого ранга, обязанные по долгу державной службы не только предвидеть «час икс», как трагическое следствие зашедшего в тупик межнационального спора, но и владеть всей информацией о планах авантюристов, готовивших вторжение в Пригородный район.

В СЕДЬМОМ часу на КПП затормозил переполненный автобус из Назрани. Самый обыкновенный — мало ли таких проезжает через перекресток. Никому и в голову не могло прийти, что это троянский конь, в котором под видом пассажиров скрывается передовой отряд боевиков. Когда солдаты из группы досмотра поняли это, было уже поздно. Из автобуса с криками выскочили десятка три громил и, клацая затворами и замахиваясь гранатами, кинулись к бэтэру. Фактор внезапности дал им выигрыш в несколько драгоценных секунд — этого хватило для нанесения ошеломляющего удара.

Рвануло под ногами рядового Стрельникова, стоявшего на верхней площадке «скворечника», ГАИ. Часовой уже срывал с плеча автомат, готовясь открыть предупредительный огонь. Да так, с оружием в руках, и упал, обливаясь кровью. В это время на дороге показалась колонна КамАЗов с подкреплением. Со всех сторон заговорили бандитские стволы. Не меньше трехсот человек обложи-

ли КПП. Горстка бойцов и милиционеров очутилась в огневом кольце.

— Оружия не сдавать! Будем отбиваться! — крикнул Соколов.

Легко сказать «отбиваться», при тридцатикратном-то превосходстве противника.

Несмотря на дружный огонь из-за бетонного укрытия и стремительные маневры бэтэра, боевики все теснее сжимали кольцо. Отстреливаясь, Юрий увидел, что на рядового Петренко налетел здоровенный детина с бешеными, как у дикого зверя, глазами. Солдата природа тоже силушкой не обидела, засветит — мало не покажется. Сцепились насмерть. Соколов рванул на помощь, но его опередили налетевшие боевики. Один из них выстрелил Петренко в спину. В тот же миг перед глазами офицера полплыли круги: сзади оглушили ударом приклада...

Раненых солдат напавшие сразу же отправили в Назрань. Остальных пленников заперли в строительном вагончике неподалеку от поста ГАИ.

К полудню на черменском кругу разлилось людское море. Горячие головы требовали немедленной расправы над «непослушными», военными.

Вскоре Юрия вывели из вагончика и подтолкнули к пожилому представителю мужчине. «Народный депутат, — почему-то решил Соколов. — Авось выручит».

Возбужденные крики в толпе умолкли.

— Тебе кто дал право стрелять по безоружным людям? — начальственным тоном спросил старейшина.

— Безоружные? — опешил офицер. — Да у них стволов на батальон хватит. А гранату кто в солдата бросил? Мы защищались...

— Что ж, ты сам подписал себе приговор, — садясь в машину, равнодушно произнес назранский шеф.

Едва он уехал, на Юрия набросились боевики.

... Теперь они, посмеиваясь с издевкой, целятся в него. Чувствуют себя хозяевами положения: босс разрешил...

В самый критический момент из толпы послышался требовательный голос:

— Остановитесь, не трогайте офицера!

Это был мулла. Он подошел к боевикам и, протестующе махнув рукой, что-то сказал.

Неизвестно, служитель Аллаха или кто-то другой решил участь Соколова с бойцами, главное — им сохранили жизнь. К вечеру заложников под конвоем переправили в Назрань, а через несколько часов освободили.

В тот день были захвачены еще пять КПП и разоружена конвойная рота в поселке Дачное...

КОМГАРОНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ТРУДНО смириться с вопиющим фактом: хорошо вооруженные и оснащенные военнотехнические оказались бессильными перед примитивной, но коварной тактикой боевиков. Горько сознавать, что искушенных политиков и генералов, набивших немало шишек в стреляющих регионах бывшего Союза, натурально обвели вокруг пальца: на переговорах в конце октября лидеры экстре-

мистов заверили — сила в разрешении спорных вопросов исключена, а через несколько дней после встречи в республиканских «верхах», запылал костер братоубийственной войны. Но самое страшное — получить удар в спину. От тех, кого готовились защищать.

... — Все, разговор окончен, майор, сейчас ты снимаешь с постов часовых, открываешь склады, и мы забираем оружие и танки.

В спину Бориса Абрамова уткнулся пистолетный ствол. Два дюжих молодца крепко схватили его за руки и повели к боксам, где стояла техника, вслед за ними пенистой волной хлынула толпа, запрудившая дорогу у въезда в учебный центр. Офицер повел плечами, пытаясь освободиться от захвата, но угрожающе клацнувший затвор «Макарова», напомнил: плетью обуха не перешибешь.

— Делайте что хотите, но никаких команд часовые от меня не услышат, — выдохнул майор Абрамов.

— Не кипятись, командир, если жить хочешь.

Расстояние между боксами и «группой захвата», неумолимо сокращалось. Еще немного, и экстремисты переступят границу ближнего поста. Последние мгновения надежды: может быть, там, в канцелярии, комбат ухитрится выиграть «дипломатический поединок», и местные вожаки в самый роковой момент удержат толпу от кровопролития. Или подоспеет долгожданная помощь...

С поста ударила автоматная очередь...

... Первые колонны грузиков из Октябрьского и Сунжи подкатили к учебному центру Владикавказского высшего военного командного училища МВД вскоре после полудня, когда маховик братоубийственной войны начал раскручиваться с устрашающей силой. Тогда еще, пожалуй, можно было прорвать не успевший уплотниться заслон. Но, во-первых, никто не предполагал, что агрессивные настроения внезапно нагрянувших «гостей», сорвут попытки офицеров удержать переговоры в рамках мирного диалога. А во-вторых, не могли военные уехать, оставив без защиты жителей близлежащего села Комгарон. Когда поступили известия о вторжении в Осетию ингушских формирований, председатель комгаронского колхоза Олег Тотров обратился к командиру учебного батальона за помощью: «Выручай, комбат, в нашем отряде самообороны народу не густо, нагрянут боевики — боюсь, не устоим...». Времени было в обрез, с минуты на минуту обстановка могла потребовать самых решительных действий, поэтому, не тратя лишних слов, подполковник Владимир Богатырев предложил свой план: если селу будет угрожать опасность, разместим у себя в лагере стариков, женщин и детей, силами курсантов прикроем подступы к Комгарону со стороны учебного центра. На том и порешили.

Теперь с ходу пришлось перестраиваться для решения новой «вводной», да такой, что и врагу заклятому не пожелаешь.

— Мы приехали за оружием, боеприпасами и бронетехникой. Добром не отдадите — силой возьмем, — ввалившись в канцелярию комбата, предъявили ультиматум шестеро

воинственно настроенных «парламентеров». — В райцентре со стволами напряженка, не с гольями же руками в бой идти... Войска, говоришь, защитят? Где они, твои войска?!

Дилемма: не имеет права командир в нарушении всех законов раздавать оружие направо и налево по требованию неизвестных лиц, чем бы это требование ни мотивировалось; санкционировать вооружение добровольцев при чрезвычайном положении правомочны только органы государственной власти. Но попробуй растолковать это людям горячий кавказской крови, у которых боль за погибших, священное стремление стать на защиту родных очагов, жгучая жажда мести, распаленная — чего уж скрывать — алкоголем, словно kloкочущая лава в жерле вулкана, заглушают голос рассудка, толкая на преступление.

— Понимаю вашу беду, но разоружения курсантов не допущу. Мы обещали защищать ваших земляков из Комгарона — и тоже не с гольими руками, — спокойно и твердо произнес подполковник Богатырев.

Пока он выходил на связь с командованием и вел изнурительную «дипломатическую игру», с вожаками толпы, у КПП сосредоточилось несколько тысяч охотников за стволами (наивно полагать, что этот внушительный по численности отряд был переброшен из одного поселка в другой на голом энтузиазме и патриотизме, без участия местных руководителей — одних только грузиков сотни две потребовалось). Готовая свирепым паводком захлестнуть курсантов и офицеров, занявших круговую оборону на территории лагеря, толпа завалила себя угрозами и отборной бранью. Замкомбата по работе с личным составом майор Абрамов хриплым от напряжения голосом пытался унять бушующие страсти. Где там: легче было до мертвого докричаться, чем уговорить экстремистов с миром вернуться в лагерь.

Снимаю часовых — и basta!

... Курсанты, охранявшие склады, расстреляли вверх все патроны. Устав давал им право — более того, обязывал! — открыть огонь на поражение, но сделать этого они не могли: жизнь взятого в заложники Абрамова и так висела на волоске.

Завладев оружием бессильных перед живым тараном часовых, «группа захвата», бросилась к боксам. Не прошло и пяти минут, как победные крики полупьяных грабителей утонули в реве танкового двигателя: в числе экстремистов оказался бывший механик-водитель, который вывел из бокса ПТ-76.

ПОД ПРИКРЫТИЕМ захваченной брони толпа пошла на штурм лагеря, а скрывавшиеся до поры до времени боевики, просочившись на фланговые высоты, открыли беспорядочную пальбу, чтобы отвлечь внимание курсантов. Другая группа вооруженных экстремистов образовала «второй эшелон», пропустив вперед бснующихся пацанов. Тактика столь же подлая, сколь и беспроницательная: ни у кого из военных не поднимется рука расстрелять безоружных юнцов — и не только по причине органически присущей внутренним войскам (что бы там

ни сочиняли лжецы и хулители) гуманности. Был у боевиков еще один туз козырный, против которого бессильны и автоматы, и пушки: у офицеров в городе остался незащищенный тыл — семьи; прольется в Комгароне кровь хотя бы одного из нападавших, и вся тяжесть последствий обрушится на ни в чем не повинных женщин и детей — многие квартиры наверняка уже “на крючке”.

Но даже пожертвуй ради сохранения воинской чести родными людьми и решишь на крайние меры, военные имели бы немало шансов оказаться в роли главных виновников кровопролития. Вспомним, сколько раз державные мужи подставляли армию и внутренние войска, превращая их в мальчиков для битья, в громоотвод от молний парламентских трибунов и виртуозов пера, вместо того чтобы взять своих ратников под высокую защиту, четко и недвусмысленно заявить: “Люди в погонах выполняли приказ, действовали по закону. Все! Главную ответственность за применение военной силы и последствия этого применения несут политики”. Кто мог поручиться, что там, “наверху”, после решительного отражения налета “своих”, подполковнику Богатыреву не заявят: “Ты сам, комбат, подписал себе приговор, а мы умываем руки”.

В больших политических играх генералами жертвуют, как пешками, а комбатов, ротных и вообще за фигуры не считают. Чуть что, сдадут, глазом не моргнув, будь хоть сто законов — международных и отечественных — на твоей стороне. Не эта ли игра в поддавки и порождает тбилисские, ферганские и прочие синдромы?

Куда ни кинь — всюду клин...

Дикая, абсурдная, безысходная для живых ситуация с неумолимостью горной лавины гнала события к трагической развязке. Шаг за шагом отступая от наседавшей толпы, курсанты строчили в воздух, но шумовой эффект только усиливал ярость “волонтеров”. Комбат и подоспевший из Владикавказа заместитель начальника училища по тылу полковник Сергей Мартынов предпринимали последние отчаянные попытки удержать “парламентеров”, от рокового шага. А те упрямо гнули свое: оружие, боеприпасы — и расходимся друзьями.

Спасти военных от расправы могла только авторитетная в глазах местных боевиков сила. Подразделение ОМОНа к примеру. Или народные депутаты.

Позже автор этих строк задаст министру внутренних дел республики генерал-майору Георгию Кантемирову вопрос: почему МВД не использовало такую возможность?

Ответ: “Прежде всего командованию надо было проявить гибкость, ведь оружие требовали для защиты от агрессоров. Что касается оперативной помощи... Мы не могли разорваться на два фронта. К тому времени все омоновцы находились на боевых позициях. А депутатов разгоряченная толпа послала бы подальше. Хорошо еще, что удалось предотвратить захват оружия в других военных городках гарнизона”.

Суровая логика войны: организаторы оборонены все силы бросают на прикрытие на-

правления главного удара извне. Согласно этой логике, работники МВД посчитали заблокированный “своими”, учебный центр второстепенным участком. Не исключены и другие, скрытые мотивы пассивного реагирования на преступную акцию в Комгароне (как утверждают очевидцы, в толпе крутились местные милиционеры — с какой целью, можно только догадываться).

Военное командование тоже оказалось бессильным перед организованной “стихийной”, масс. Срочно посланные на помощь курсантам армейские БМП увязли в толпе у села Тарское. Попали в осаду училище и две части внутренних войск.

Трагический излом (и парадокс!) кровавой междоусобицы: противоправные действия совершаются с благородной целью; соседи, сограждане, соотечественники разделяются трещинами конфликта на непримиримые лагеря “своих”, и “чужих”; ну а войска — в самом пекле, меж двух огней. Впрочем, как всегда. Теперь это с чьей-то легкой руки называется “мировотворческой функцией”.

... Исчезло последнее препятствие, сдерживавшее беспредел: у курсантов кончились боеприпасы, выпущенные в воздух. И ударили по парням пулеметы: с фронта — танковый, в спину — из прорвавшейся в тыл БРДМ, тоже захваченной боевиками.

Наступила расплата за вынужденную игру в поддавки: “Вы, ребята, пули — в воздух (да здравствует гуманизм военных!), а мы — на поражение”.

Смертельно раненный, упал ничком курсант Аркадий Тептяев. Он умрет, так и не придя в сознание.

И — стенка на стенку.

“Оружие не сдавать!”, Черменский круг — Комгарон: одна на всех война — один для военных рок — один приказ.

Первокурсники. Вчерашние школьники. Семнадцати-девятнадцатилетние парни, за три месяца учебы не успевшие еще обмять автоматными ремнями погоны. Русские и осетины (россияне) против таких же россиян. Один к тридцати. Держаться!

Они падали, сбитые с ног шквалом ударов. Поднимались и снова падали. Грудью на автоматы, тяжестью тел прижимая их к земле (“Оружия не сдавать!”). Офицеры заслоняли своих питомцев, принимая удары на себя: мальчики — молодые, отчаянные — сражались с яростью обреченных, не жалея жизни (лучше смерть, чем позор!). Ни один добровольно не сложил оружие. Ни один не отступил, не побегал.

— На моих глазах погиб курсант Дмитрий Базаров, расстрелянный бандитом в упор, — расскажет мне полковник Мартынов. — Я не смог, не успел спасти его. На меня и на комбата навалилось несколько мужиков. Скрутили руки. Поставили к стене столовой. Прицелились из автоматов, угрожая расстрелять, потом сорвали погоны и хлестали ими нас по щекам. Разбили головы гранатами...

Беспредел продолжался всю ночь. После дележки захваченного оружия, сопровождавшейся пьяными драками, “волонтеры”, начали грабить учебный центр. Если бы не

отряд самообороны из Комгарона, который привел Олег Тотров для защиты попавших в беду военных, перепившие боевики могли бы учинить расправу над заложниками: угрозам не было числа.

Утром прилетели войсковые вертолеты и началась эвакуация курсантов и офицеров. Таким был эпилог комгаронской трагедии.

Из письма родителей курсантов 1 курса ВВВКУ МВД министру внутренних дел России: "... Выражаем сердечную благодарность офицерам училища за спасение наших детей. Мы скорбим по погибшим Дмитрию Базарову и Аркадию Тепляеву — молодым ребятам, безвременно ушедшим из жизни. Мы понимаем, что жертв могло быть значительно больше, если бы не мужество офицеров, которые, рискуя своей жизнью, вывели наших детей из этого ада. Толла разъяренных бандитов готова была на все ради завладения оружием. Спасибо офицерам, что не бросили ребят на растерзание, до конца выполнили свой долг. Низкий родительский поклон им...

Гордимся этими людьми, их беспримерным мужеством, стойкостью и счастливы тем, что нашим детям есть у кого учиться мужеству.

Просим Вас поощрить командиров, которые были рядом с нашими детьми и заменили им нас, родителей".

(Всего сорок подписей).

Но комгаронской трагедии была дана и другая оценка.

Группа эвакуируемых курсантов приземлилась на аэродроме в момент прибытия самолетов с десантниками. Высадкой "голубых беретов" руководил генерал ВДВ. Майор Абрамов подал подчиненным команду "Смирно!", и, как принято в таких случаях, представился старшему должностному лицу.

— Значит, это те тусы, что сдали бандитам оружие, опозорили себя и войска? — вскинул брови генерал. — Я тебе, майор, руки не подам, так и знай! — сказал, как плетью хлестнул.

На ребят было больно смотреть. Мужественно державшие удар в ожесточенной схватке, показавшие себя в экстремальной ситуации настоящими мужчинами, воинами, сейчас они не могли сдержать слез: круто почесал солью свежие раны десантный генерал.

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ?

Вряд ли у кого повернется язык осудить боевого начальника десантников за смертельное оскорбление героев и жертв комгаронского противостояния. Он ведь не мог знать подробностей схватки и рубанул наотмашь, искренне возмущенный развязкой: сдали оружие — к позорному столбу! Ему, наверняка прошедшему Афган, имеющему бесценный боевой опыт, очень трудно понять, как можно с двумя сотнями стволов отступить перед безоружной толпой гражданских. Окажись генерал ВДВ на месте командира батальона, скорее всего не стал бы тратить времени на дипломатические уговоры, а поступил по законам чрезвычайного

положения, дабы уберечь оружие и броню от захвата.

— И был бы прав, — отрезал коллега из популярного армейского журнала, сам в прошлом десантник, когда я поведал ему эту невеселую историю. — Ни при каких обстоятельствах нельзя нам выставлять себя мальчишками для битвы. На войне как на войне.

Железно и бесспорно! Если бьешь супостата, посягнувшего на священные рубежи Отечества, или послан отстаивать державные интересы на чужой земле, "за речкой". А вот как вести себя во враждебном кольце "своих", здесь, в своей стране? Зная, что пролитая тобою кровь станет страшным топливом, подлитым в пылающий костер междоусобицы. Терзаясь мыслями о семьях, совершенно беззащитных перед сообщниками экстремистов в охваченном волнениями городе. Как обеспечить безопасность многочисленных войсковых нарядов на постах, удаленных от пунктов дислокации частей (не перевелись и вряд ли в ближайшем будущем переведутся конструкторы троянских коней для черменского и прочих перекрестков в зоне конфликта), — еще один злободневный вопрос в порядке рассуждения на мучительную, как ожог, тему: войска меж двух огней.

Нет нужды понапрасну ломать копыя, доказывая, что кровавая междоусобица вчерашних мирных соседей — это не война отечественная и командиры в горячих точках несут особую ответственность за жизни солдат — молодых парней, идущих под пули из-за ошибок и преступлений бездарных политиков. Стало быть, говоря словами Суворова, "нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю; напротив того, в том и состоит военное искусство, чтобы вовремя отступить без потери... Уступленный пост можно снова занять (добавим: захваченное оружие и технику — отбить, восполнить урон из арсеналов. — Ю.К.), а потеря людей невозвратима; нередко один человек дороже самого поста.."

Понимаю: рассуждения эти, несомненно, близкие сердцу матери каждого русского воина, весьма уязвимы с точки зрения потерпевшей стороны. Ведь через "уступленные", посты боевики быстро прорвались на территорию Пригородного района, "подкачав мускулы", за счет "трофейных", стволов и брони. Как логическое продолжение — обвинения внутренних войск в предательстве. Кроме того, еще один повод для оправдания необходимости неконституционных формирований: коль скоро военные не в состоянии уберечь республику от агрессии, мирным гражданам ничего другого не остается, как запастись стволами, а органам власти официально санкционировать создание гвардии и ополчения.

Так что же, единственной альтернативой игре в поддавки, навязанной служивым политическими "гроссмейстерами", и военными стратегами, был императив далекого 41-го? Насмерть? До последней капли крови? Повторение подвига героев Бреста на черменском кругу? По примеру взорвавшего себя и врагов последней гранатой красноармейца Кокорина — в Комгароне? А может, все-таки

горький опыт службы в горячих точках бывшего СССР подскажет военным другую, беспрюгиршную композицию жестокой партии?

Не нужно обладать государственной мудростью и полководческим гением, чтобы понять очевидное: регион, где стрелка общественного барометра приближается к отметке "буря", и надежда на мирное политическое урегулирование конфликта тает, как снег по весне, необходимо надежно страховать дополнительными силами и средствами, не ожидая, пока клюнет "жареный петух". Экономить на мощном мобильном резерве, готовом в любую минуту усилить заслон на пути вероятных действий экстремистов, прийти на подмогу заблокированным частям, подразделениям и нарядам, — себе дороже. Тут, как говорится, лучше пересолить, чем недосолить — золотое правило для смутного времени. Иначе беда: слишком велик шанс заполучить российский Карабах.

Какие еще элементы нужны в системе самозащиты?

РАЗМЫШЛЯЯ над вопросом, отчего военные с их броней и разнокалиберными стволами так часто становятся заурядной мишенью, заложниками, легкой добычей экстремистов и бандюг, приходишь к до удивления простому выводу: сила войск не только в мужественных людях, оружии и грозной боевой технике, а и в том, что за ними должны стоять мощь и авторитет державы. Много ли охотников найдется взять в заложники американских джи-ай либо пожить у них оружием, в какой бы части света те ни находились? То-то! Одна оскорбительная вылазка против янки за пределами Соединенных Штатов может обернуться Панамой или Гренадой. На территории страны — Лос-Анджелесом. Этот урок хорошо усвоили противники "жизненно важных интересов", США.

Пора бы и наших доморощенных национал-экстремистов заставить считаться с силой войск. Спокойно, господа либералы, речь не о карательных экспедициях против мирного населения, не о захватах заложников в отместку за бандитские налеты на воинские подразделения. Необходимый минимум для обуздания боевиков — жесткие санкции правоохранительных органов против режиссеров и участников боевых "операций", неукоснительное исполнение должностными лицами законов, регламентирующих права и обязанности внутренних войск при чрезвычайных обстоятельствах, реальное (а не декларативное) обеспечение гарантий личной безопасности военнослужащих.

А если по максимуму?

Помнится, несколько лет назад в одной из телепередач прозвучало сенсационное известие о том, как американский полисмен застрелил подростка. Решив подшутить над "фараоном", сорванец прицелился в него из игрушечного пистолета, за что и поплатился жизнью. Суд оправдал блюстителя порядка: издали пластмассовый ствол неотличим от боевого, а инструкция предписывает полицейскому открывать огонь при малейшей угрозе вооруженного нападения. Независимо

от возраста и пола правонарушителя. Раньше мы называли это "звериным оскалом проклятого капитализма". Сегодня, сбросив идеологические шоры, расцениваем решительные превентивные действия западных коллег как суровую необходимость. И в свою очередь сопрягаем священные принципы гуманности с задачами укрепления общественной безопасности.

Обратимся к статьям Закона Российской Федерации о внутренних войсках МВД, определяющим права по применению оружия и боевой техники. Без преувеличения: это надежный юридический щит для военнотружущих, которым все чаще и чаще приходится действовать в зонах повышенного риска. Даже к женщинам и несовершеннолетним дозволено применять исключительные меры в случае оказания ими вооруженного сопротивления либо группового нападения, угрожающего жизни людей.

Закон суров (какое время на дворе!), но это закон. Не поворачивали б только его, как дышло, в угоду политическим конъюнктурам и штатным перестраховщикам. Не ставили бы служивых в такие условия, когда самозащита становится сиоцином самопожертвования. Не попирали бы на самом высоком державном уровне почитаемый еще древними принцип неотвратимости наказания, как не раз случилось в горячих точках распавшегося Союза. Ибо пока априори сохраняется уверенность, что боеготовность войск заканчивается там, где собирается толпа, броню, стволы, заложников и впредь будут захватывать голыми женскими и детскими руками.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ПОСЛЕ комгаронской трагедии в МВД республики заверили: организаторы преступной акции, убийцы курсантов Базарова и Тепляева не уйдут от наказания. Не знаю, на какой стадии находится следственная работа по выявлению преступников. Знаю другое. Не так давно у КПП воинской части (за сотни километров от Владикавказа) появились два вежливых типа кавказской наружности и осторожно, как бы невзначай, стали выспрашивать, не здесь ли служит офицер по фамилии... Визитеры имели в виду командира маневренной группы, подбившей БМП с пьяными гвардейцами, которые ночью на площади Дружбы народов открыли пальбу из пушки, а потом обстреляли патрульный БТР.

Длинными оказались руки у "мстителей". А мы... Будем и дальше играть в поддавки?

Подполковник Ю. КИСЛЫЙ.

Гонорар перечисляется в Фонд помощи военнослужащим внутренних войск, пострадавшим в межнациональных конфликтах.

Боль

И БУДЕТ КАРТОЧКА ПЫЛИТЬСЯ?

КОСТЮ РУСАКОВА с днем рождения поздравил министр внутренних дел России генерал-полковник внутренней службы Виктор Федорович Ерин. Так уж совпало, что именно десятого февраля, когда Косте исполнилось тринадцать лет, в министерстве состоялся прием вдов и детей офицеров внутренних войск и сотрудников милиции, погибших в Афганистане. Кто еще из мальчишек может похвастаться тем, что его с днем рождения поздравил министр? Костя может. Но в любую секунду он "махнул бы не глядя", это поздравление на возможность услышать те же добрые пожелания из уст отца. И министр не был бы на мальчишку в обиде, думаю, что Виктор Федорович отдал бы многое за то, чтобы это было возможно. Но увя... Старший лейтенант Петр Владимирович Русаков героически погиб в Афганистане двадцатого октября 1980 года, когда сыну его от роду шел девятый месяц.

Костя знает отца по рассказам матери, по бережно хранимым фотографиям, по очерку, опубликованному в нашем журнале три с половиной года назад. В двух кварталах от Костиного дома расположена войсковая часть, в которой служил его отец. В части по сей день служат еще офицеры и прапорщики, знавшие старшего лейтенанта Русакова. В комнате боевой славы под стеклом, которое не мешало бы протереть, висит его фотокарточка, под ней плакатным пером выведены строки, сухо сообщающие, кто здесь изображен, где воевал и погиб, чем награжден...

Только Костя этих строк не читал, портрета отца на стенде не видел, в комнате боевой славы не был, да и в части тоже. Не приглашали его туда. Костина мама, Тамара Владимировна, в части была дважды: в первый раз — в январе 1981 года, когда ей вручали орден Красного Знамени, которым посмертно был награжден ее муж, а во второй — через несколько лет, когда из Москвы прислали юбилейную афганскую медаль. Но в комнату боевой славы и ее не пригласили.

Будучи в командировке, посетил эту комнату и должен признать: есть в ней интересные экспонаты, хотя и в запущенном состоянии. Непонятно только, какую роль она играет в части. В порядке эксперимента я установил на плацу нескольких солдат и каждо-

му задал один и тот же вопрос: что он видел в комнате боевой славы? Один заявил, что видел там танк. Надо полагать, он спутал комнату боевой славы части с городским музеем-панорамой, рядом с которым на постаменте действительно стоит танк. Еще один из опрошенных мною солдат сообщил, что в интересующей меня комнате есть несколько красивых "дембельских" альбомов. Что ж, уже ближе к истине, если учесть, что фотоальбомы с любительскими снимками, призванными отражать историю части, сильно смахивают на солдатские "дембельские" реликвии.

Некоторые солдаты в ответ на мой вопрос молча пожимали плечами, а последний сказал, мол, в увольнении предпочитает ходить в кино. Видимо, полагает, что комната боевой славы находится за пределами части.

После такого экспресс-опроса почти не сомневался, что ни один солдат или сержант в части не сможет мне сказать, кто такой старший лейтенант Петр Владимирович Русаков, и убедился в этом в тот же день, когда личный состав собрали в клубе для занятий.

Из нескольких присутствовавших офицеров один заявил, что помнит Петра Русакова, другой сообщил, что принял под свое начало взвод, которым Петр когда-то командовал.

И все. Был человек в штатном расписании части, был и выбыл. Ну и, как говорится, с глаз долой — из сердца вон. А что, товарищи сослуживцы, разве не так? За двенадцать с лишним лет, минувших со дня похорон старшего лейтенанта Русакова, кто из вас навещал его вдову и сына? Кто хоть раз поинтересовался, чем они живут, какие у них беды и заботы, не надо ли в чем по дому помочь?

А помощь ой как нужна была! И не однажды. Ведь дом остался без хозяина, без мужчины. Случилось так, что квартиру Русаковы получили буквально накануне отъезда Петра в Афганистан. В тот день он, купив замок, пошел врезать его в дверь нового жилища, но по пути его догнал посыльный и передал приказ срочно прибыть в часть и приготовиться к отъезду. Так хозяину и не довелось побывать в долгожданной квартире и испытать первые радости и заботы новосела. А когда через два месяца Петра привезли домой, он уже ничего испытать не мог. Зато на

долю Тамары Владимировны забот, мытарств и расходов вышло больше чем достаточно. Кто квартиру в новом доме получал, знает, что это такое...

Тамара Владимировна Русакова стойко борется с бытовыми и прочими неурядицами уже тринадцатый год. Борется безуспешно, но в одиночку. Теперь, правда, сын подросток — помогает. А ведь с ними в одном доме живет немало офицеров — сослуживцев Петра. Казалось бы, чего проще — зайти поинтересоваться, не нужна ли какая помощь. Ан нет, никто не догадывается. Хата с краю может быть даже тогда, когда все "хаты" — под одной крышей, поскольку это понятие не географическое, а морально-нравственное. А в этой области нашего бытия у нас на сегодняшний день образовался удручающий изъян. Нам из года в год в дни соответствующих дат трубили о том, что никто не забыт и ничто не забыто, потрясали нас помпезномасштабными мероприятиями, гипнотизировали всеохватной заботой, и мы постепенно привыкли, что за нас кто-то все помнит, все организует и в нужный момент даст команду проявить чуткость, охватить заботой, принять меры по обеспечению вниманием... А если нужно вдове и сына погибшего товарища просто с Новым годом поздравить, если у них температура в квартире непосредственно зависит от температуры на улице, если у них случилось несчастье, кто должен об этом напоминать и извещать?

А несчастья действительно не оставляли семью Русаковых. Народ давно уже приметил характерную особенность превратностей судьбы и выразил ее в поговорке "пришла беда — отворил ворота". На каникулах, у бабушки в Тюмени, Костя опрокинул на себя кастрюлю крутого кипятка. Ожоги были ужасные. Пришлось делать операцию по пересадке кожи. А каково было матери?! Сколько слез пролила! Ведь над сыном более чем реально нависла угроза инвалидности. А чего стоило ей привезти его через полстраны домой, когда малейшее прикосновение к телу отзывалось нестерпимой болью, одежда жгла, будто была соткана из крапивы. Понадобились лекарства, овощи и фрукты, калорийное питание. И все это — на скудные выплаты по больничному листу от не Бог весть какого заработка редакционного бухгалтеря. И ни помощи, ни слова сочувствия.

Разговаривая с инструктором из группы по работе с личным составом, спросил его, навещал ли хоть кто-нибудь из офицеров вдову Петра Русакова. В ответ услышал:

— Тут как-то из Москвы на ее имя посылка пришла с гуманитарной помощью. Так вот, отнесли и передали. Но у меня сложилось впечатление, что нам там не очень-то рады.

А что, был повод для радости? Не прошло и тринадцати лет — вспомнили. Вернее, вынуждены были вспомнить. А теперь оправдываются, лутая праведное с грешным: мол, Русакова нас не жалует, и брат ее мужа из войск уволился, в демократы подался, и так далее. Словом, в огороде бузина, а в Киеве дядька. Не по-мужски это и тем более не по-офицерски.

Побывали мы на кладбище. В свое время могила была убрана достойно: памятник из полированного гранита, ограда... Сегодня здесь все ухожено руками Тамары Владимировны и Кости. Что им по силам, то сделано. Но вот цоколь памятника уже нуждается в реставрации, надпись тоже. А у бывших сослуживцев героя то ли руки не доходят, то ли память ослабела.

Присев на корточки, с трудом разобрал слова гравировки: "Вечно помним, любим и гордимся тобой. Мужу и папе от жены и сына". Прочитал и подумал: неужели вечно помнить — это удел только родных?

Как ни печально, но семья Русаковых не одинока в своем одиночестве и забытости — прошу прощения за невольную тавтологию, поэтому, обращаясь ко всем, с кем рядом служили когда-то наши павшие "афганцы", предлагаю список ежедневной проверки:

майор **ЗИМАКОВСКИЙ** Анатолий Григорьевич,

майор **КОЖУХАНОВ** Василий Иванович,
майор **ЛОЗОВСКИЙ** Анатолий Владимирович,

майор **МОЗГОВОЙ** Николай Дмитриевич,

майор **РОМАНОВ** Александр Васильевич,

старший лейтенант **РУСАКОВ** Петр Владимирович,

майор **СТАРОВЕРОВ** Владимир Анатольевич,

капитан **ФАЙЧУК** Владимир Викторович.

В этот мартиролог надо включить и подполковника **ЧЕКМАРЕВА** Вячеслава Михайловича, выжившего в Афганистане, но погибшего в Армении, и всех павших при исполнении воинского долга. И пусть список этот выполнен не на мраморной плите, а на бумаге и не золотом, а типографской краской. Это неважно. Гораздо важнее, чтобы он был в памяти и в сердцах. Вступая в свой последний бой, каждый из этих людей верил: если суждено ему погибнуть, мы, сослуживцы, не оставим без внимания и помощи его мать и отца, жену и детей. Нет у нас права обмануть их в этой вере. Нет права на беспамятство! И не нужно для проявления внимания к человеку искать повод в виде коробки гуманитарной помощи с нашлепкой "made in...". Милосердие и участливость — самое что ни на есть отечественные проявления души, свойственные русским людям с незапамятных времен. Неужто мы и их растопчем, как растоптали уже многое в стадном устремлении к счастью по чужому образцу?

Подполковник **Б. БУЛГАКОВ.**

Продолжаем разговор, начатый майором М.Кибакным в статье "Замполит умер... Да здравствует „замполуд“?" (На боевом посту, 1992, N 11 - 12)

ДАВАЙТЕ СТРОИТЬ ХРАМ

КОГДА Я выслушиваю различные суждения о месте бывших офицеров-политработников в структуре нынешних Вооруженных Сил, невольно припоминаю слова одного из героев романа Валентина Пикуля "Каторга": "Если же каждая из религий считает самой правильной только себя, значит, все они ошибаются... Одни, начиная с уничтожающего очернительства системы политорганов, опускаются до унижения и оскорбления большей частью порядочных и честных людей, занимавшихся этой необходимой войскам работой. Другие, словно зашоренные, пытаются реанимировать ветхие идеологические принципы, формы и методы, обряжая их в старую, изрядно потрепанную одежку, к тому же — не по сезону. Третьи старательно исполняют ностальгически-заупокойный реквием безвозвратно канувшим временам, когда у армейского руля были "ум, честь и совесть", вкупе с политорганами... Сколько людей — столько мнений. Я же уверен: человек, познавший горький вкус "замполитовского хлеба", не станет огульно хулить всех бывших политработников.

Само понятие "политработа" — многогранно и полисемично. Солдатом я такого слова не знал. Но до сих пор помню подполковника Рябуху, начальника политотдела полка. Со мной, молодым и зеленым, как ранняя весенняя трава, он беседовал почти полтора часа. И не было ни малейшего намека на то, что разговор ему в тягость. Да, по плану он обязан был потолковать по душам с каждым новичком. Но так уж сложились обстоятельства (а так они складываются почти у каждого новобранца), что эта беседа нужна была прежде всего мне. И пусть не упрекнул меня в юношеской наивности, но я со всей своей деревенской простотой посчитал тогда офицера своим другом. Не просто начальником, командиром, наставником, а именно другом. И он, подполковник, бывая наездами в нашей отдельно дислоцированной роте, ни единым словом или жестом не пытался разуверить меня в этом. Я же изо всех сил старался, можно сказать, из кожи вон лез, чтобы он не услышал от командира роты ни одного плохого слова в мой адрес: дружбой дорожил, вниманием к себе. Скорее всего, под влиянием авторитета и обаяния этого человека я и поступил в политучилище. Не

повернется у меня язык назвать его "главным большевиком полка", или того похлеще.

После училища судьба свела с тогда еще майором Зезеро Виктором Капитоновичем. Вот кто по призванию был истинным воспитателем. Воспитателем с большой буквы. От него впервые узнал историю своей Краснознаменной части, которую он излагал так, будто сам служил вместе с будущим разведчиком Абелем или изобретал горючую смесь с начимом полка Салдадзе. О чем бы ни говорил Виктор Капитонович — слова шли от чистого сердца и, видимо, потому доходили до наших душ. Позднее узнал (молва донесла), что его становление как политработника проходило отнюдь не гладко: многим не по нутру были безоглядная принципиальность офицера и деятельная жизненная позиция гражданина. Многим, но не подчиненным. Мы видели в нем и формального, и неформального лидера, мудрого, опытного, заботливого. Ныне не принято ставить это в заслугу: Зезеро был секретарем парткома. Но я не вспомню, как ни стараюсь, ни единого эпизода, когда бы он попытался партийные каноны поставить выше общечеловеческих ценностей. Лев Толстой в свое время говорил: "Важно не то место, которое мы занимаем, а то направление, в котором мы движемся". Виктор Капитонович двигался в том, в нужном направлении, какой бы пост ни занимал. И нас вел за собой.

Трудно сказать, кто виновен в том, что на "ратном поле", Д. Викалюка, считающего, что "пора вернуть традиции господ офицеров", не встретились такие политработники, а попадались сплошь и рядом "твердокаменные ортодоксы", (впрочем, что мы знаем о человеке, то в нем и видим). Судя по всему, не суждено этому выпускнику политучилища стать авторитетным воспитателем. Не дано. Но его несправедное негодование и разудалое осквернение исторических святынь, увя, примета времени. Поднаторели мы в навешивании ярлыков на все и вся, весьма неместных и, к стати, однообразных: если партия — то непременно кормушка номенклатуры и "ум, честь и совесть", если вождь — то обязательно ироничное — "всех времен и народов", если политработник — то (с желчью и ядом) "душа воинского коллектива", и "инженер человеческих душ". Откуда в нас

столько злобы и стремления к отрицанию, бескомпромиссному, с пеной у рта? Откуда необузданная страсть к разрушению "до основанья, а затем..."? Ломать — не строить...

ОДНА ИЗ ПРИЧИН, объясняющая, на мой взгляд, столь негативное отношение к замполитам (дескать, командиры — пахари, политработники — бумагомаратели и прихлебатели), кроется в прежних, ничем не оправданных попытках возвести эту категорию в ранг исключительности, избранности, кастовости. Так давайте же проявим благородство (кто старое помянет...) и без пристрастия скажем: у них действительно было высокое предназначение — воспитывать солдат в духе... Впрочем, это уже второй вопрос — в каком духе. Но ведь воспитывать — то все равно нужно, и реформа воспитательной работы как раз на это, мне кажется, и направлена. И, между прочим, на то еще, чтобы лишить бывших политработников ореола непогрешимости — понятия, сходного в нашем незатейливом быту с депутатской неприкосновенностью, независимо от того, какой человек занимает должностной пост. Хорошо, конечно, если он и раньше всегда осознавал полноту своей власти как тяжкое бремя ответственности за людей, предьявляя высокую требовательность в первую очередь к себе. И не меньшую — к другим.

А ведь были и такие, которые росчерком пера вершили судьбы людские, как Бог на душу положит, не интересуясь тем, что там, в этих душах. Именно они и исказили принцип единоначалия, при каждом удобном и неудобном случае прибегая к партийно-политической дубинке. Их усилием и рождался тот бумажный "девятый вал", который захлестывал живую, творческую работу с людьми: есть бумага — в роте порядок, нет — вакханалия. Так легче контролировать, не утруждая себя. Это ведь тогда появилось полушутливое (в каждой шутке, как известно, есть доля правды): "провел мероприятие — запиши, не провел — запиши дважды.."

"Позвольте, какая ж под всем этим партийная подоплека?! — воскликнет внимательный и нетерпеливый читатель. — Это же чистойшей воды бюрократизм!". И будет прав. Но живучесть его обеспечивала именно та политизированная, донельзя идеологизированная примесь, которая делала воспитателя политработником, а среду ППР как бы недосигаемой для понимания простыми смертными. Главное: на бумаге гладко, а то, что в жизни все шито белыми нитками, — вторичное, наносное.

Будем считать это днем вчерашним. Политическая оболочка в целом разрушена, бюрократическая система дышит на ладан (правда, дыхание ровное, пульс — нормальный). Радоваться бы надо. Ан нет. Нестя числа воздыхателям по ушедшему времени. Большею частью это те самые люди, которые привыкли работать на бумаге и по бумажке, а не с конкретными людьми во плоти и крови. Последних они не просто боятся — не замечают. До тех пор, пока они, люди, не начи-

нают мешать им работать. С бумагами. Вот бы кого за ушко да на красно солнышко. "Дабы дурь всякого видна была..". А что предлагают иные радикалы: косою косить! И правых, и неправых. Только за одну причастность к политработе. Не беда, мол, если из десятка девять невинно посрамлены будут, зато один виноватый от расплаты не уйдет.

Да, детально разобраться в вопросах организации воспитательной работы, посоветоваться с офицерами и ветеранами, которым не безразлична судьба армии и войск, — благородная миссия. Но тон и выражения, которые позволяют себе некоторые оппоненты, оказывают и "замполитам", и "замполудам", медвежью услугу. Они-де очень страдают от всех этих несуразных реформ... Чувствуете? Кому-то выгодно опять, пусть ненавязчиво, исподволь, но противопоставить и без того оплеваных "политруков", остальным офицерам. Потому и стонут, делано, театрально: если кому и живется невмоготу сейчас на Руси, так это вчерашним политработникам.

Позвольте не согласиться: лиха на всех хватает с избытком. Но я не знаю (к счастью или к сожалению?) ни одного "идеологического бойца", при погоне, который всерьез пострадал бы от того, что избавился от партийно-политической опеки. Есть и такие, кто ступил на командирскую стезю, но большинство остались воспитателями. Несладко им приходится, да. Добавлю: как и всем офицерам сегодня. Причины одни, набившие оскомину своей банальностью и незрелостью: необустроенность быта, социальная незащищенность, туманная военная политика правительства. И все же те, кто остался верен избранной профессии офицера-воспитателя, получили возможность для большей инициативы и самостоятельности. Попробуйте возразить.

Я АБСОЛЮТНО не понимаю уныния своего санкт-петербургского коллеги, который сокрушается, что ему нечего пропагандировать и не за что агитировать (не очень то свежим душком веет от этих понятий). Бог с ним, заменим опостылевшее слово "пропаганда" современным "реклама". Ведь в принципе этим мы и занимались в былые времена: рекламировали свой образ жизни, от которого сами были не в восторге, и осыпали проклятиями загнивающую до обидного долго и красиво капиталистическую систему. А сейчас все перевернулось с ног на голову (или с головы на ноги, поди разобраться?!): нынешние политики социализм нарекают ошибкой истории, а сами уже с удовлетворением повизгивают в объятиях недавних идеологических супостатов. Так разве этим должен заниматься воспитатель? Нет и еще раз нет! Не должен он стать орудием в руках очередных политиканов. Сегодня мы, наверно, впервые получили редкий шанс сделать так, чтобы постулат марксистско-ленинской диалектики "бытие определяет сознание" заработал действительно.

Какое сознание может определить нынешнее бытие у большинства соотечественников, кроме сознания безысходности на грани отчаяния? И солдаты, плоть от плоти народа, — не исключение из правил: ищут ответы на волнующие их вопросы у офицеров. Одни приходят, чтобы вместе поразмыслить — что же ждет их после службы? Другие, познавшие до армии прелести «фарца», козыряют тем, что их стихия — рынок и всякие иные ценности, кроме материальных, — чужь и блажь. Вот твоё поле непаханое, офицер-воспитатель! Аккумулируй в себе настроения людей, советуй, чем заняться тому или иному после «дембеля», «делать жизнь с кого», ведь ты же их хорошо знаешь, по крайней мере — должен знать. Вникай во все сложности и тонкости жизни, рассказывай правду, пусть решают вместе с тобой, анализируют, выбирают достойное место под солнцем.

Это одно. Другое: многие идут с конкретными проблемами: родители приватизируют жилье, помогите оформить нужные документы; выделяя отцу жилплощадь и определяя метраж квартиры, меня не учли — выручайте; похороните, чтобы председатель колхоза матери дров выделил... Вперед, коллеги, на социально-бытовые баррикады! Если не служба по работе с личным составом, то кто проконсультирует и окажет практическую помощь, выступит адвокатом в конфликте между молодым человеком в военной форме и освободившимся от «оков социализма» предпринимателем или обнаглевшим от вседозволенности администратором? Кто? Мы в последнее время много говорим о социальной защищенности военнослужащих. Слова, слова... Прекрасные, обнадеживающие, но слова, не более. Нормативные акты не работают, приходится буквально идти в штиковую, выбивая то, что положено военнослужащим по закону.

И еще один момент. Чем дальше, тем больше превращаемся в Иванов, не помнящих родства. Социалистическое прошлое настолько оплевано, что едва просматривается бессмертный подвиг советского (именно — советского!) народа в Великой Отечественной войне. Скромно замалчиваем, а то и вовсе предаем забвению героические страницы истории Вооруженных Сил, внутренних войск, их славные традиции. Думается, заместители по работе с личным составом должны первыми преодолеть эту ложную стыдливость, повести солдат в войсковые музеи и комнаты истории и боевой славы. Ведь готовность к подвигу во имя Отечества воспитывается только на примерах подвигов.

Делая первые шаги на поприще офицера-политработника, я, помнится, мечтал о том, чтобы люди, мои подчиненные, шли ко мне как на исповедь, со своими горестями, печалью, радостями. Сейчас вижу: ошибался. Истинный профессионализм воспитателя предполагает умение заглянуть в душу солдата и увидеть, кто нуждается в такой исповеди. Воспитатель должен сам идти к людям, не дожидаясь паломничества.

НЕДАВНО возвращались в поезде из спецкомандировки. Мимо моего купе несколько раз прошел молодой солдат, подчиненный, а потом, потоптавшись в нерешительности, все-таки заглянул, подсел. Завязалась беседа. О чем? Обо всем, как говорится, «за жизнь». Час пролетел незаметно. Солдат засобирился, и тогда я спросил, что же ему было нужно, может, совет какой или помощь? Он несколько растерянно ответил: «Нет, что вы, просто захотелось поговорить. Извините, если помешал». Тут уже настал мой черед извиняться; и то правда, как солдат может помешать воспитателю на службе? Понимаете суть: человек заглянул просто поговорить, поделиться мыслями, вспомнить о недавних событиях, подумать о будущем. Мы и после не раз разговаривали по душам, он увлеченно рассказывал о семье, об Алтае, откуда был призван. И уходил успокоенный, если не сказать — окрыленный, как верующий из храма после исповеди. Хорошо, если он нашел во мне такого же друга, каким я в бытность солдатом считал подполковника Рябуху.

Банально, но все же: постоянная индивидуальное-воспитательная работа — ключ ко многим тайнам, в том числе и к успехам подразделения в служебно-боевой деятельности, в профилактике неуставщины и самовольных уходов из части. Это — прерогатива, прямая обязанность офицера-воспитателя.

Древняя притча: к группе работающих людей подошел путник и спросил: «Что вы делаете?». «Я тяжелые камни ворочаю, будь они неладны. Все руки в кровь избил», — ответил один. «Я выполняю тяжелую работу, спины не разогнуть, чтобы кормить свою семью», — сказал другой. «А я строю храм, — промолвил третий, — в который будут приходить люди и очищать свои души от скверны». Может, многие наши беды кроются не столько в том, что мы делаем, сколько в том, как мы трудимся и зачем? И до тех пор, пока мы будем bestолково перетаскивать с места на место тяжелые камни, сбивая руки в кровь, не разгибая спину, проку не будет. Давайте строить храм!

Майор И. МУЧАК.

ОСОБЫЙ ПРЕДМЕТ ВООРУЖЕНИЯ

НЕСКОЛЬКО неожиданный и любопытный факт: 20 мая сего года исполняется 112 лет со дня рождения российской... полицейской дубинки. Дата, понятно, не круглая и вряд ли будет отмечаться широко всем прогрессивным человечеством, что не суть важно. Дело в том, что у нас в стране существует по меньшей мере две версии истории использования этого атрибута вооружения блюстителя порядка. Одни полагают, что резиновая палка — порождение в прошлом загнивающего и паразитирующего, а ныне — демократического и свободного Запада. Другие в антибольшевистском угаре считают, что это — дьявольское изобретение конструкторов и инженеров советской власти, якобы люто ненавидевшей свой народ и охотно патентовавшей подобные новинки для укрощения наиболее строптивых его слоев. Правда, ни те ни другие не сомневаются в необходимости и эффективности применения дубинок при возникновении острых криминальных массовых волнений. Ради установления истины обратимся к документам фонда Департамента полиции России.

**“Доклад Министра внутренних дел
“О вооружении нижних чинов
С.-Петербургской городской полиции
деревянными палицами,
Всеподданнейшим долгом считаю испрашивать Высочайшего Вашего Императорского Величества соизволения на вооружение нижних чинов С.-Петербургской городской полиции, взамен шашек драгунского образца, деревянными палицами, согласно прилагаемому при сем описанию.**

20 мая 1881 года.

Описание деревянной палицы, составляющей вооружение нижних чинов С.-Петербургской полиции

Деревянная круглая точеная палица, длину 10 вершков и шириною у верхнего конца 1/2 вершка и у нижнего — 1 вершок. Передний конец снабжен выточенною насечкою рукояткою с прикрепленным наружным ремнем, нижний конец налит внутри свинцом. Палица носится в черном кожаном футляре, прикрепленном лопастью с двумя ушками к поясному ремню, застегивающемуся черною крашеною застязною пряжкой”.

Из архивных документов следует, что инициатором предложения, которое “всеподданнейше” докладывал царю министр, был градоначальник Санкт-Петербурга, намеревавшийся “осовременить” и “разоружить” городскую полицию, заменив “шашки драгунского образца”, на уже известные и апробированные за рубежом “деревянные палицы” (дубинки). Не являясь холодным оружием, они тем не менее позволяли полиции ряда стран Западной Европы и Америки эффективно воздействовать на нарушителей спокойствия.

Судя по всему, предложение о замене шашек на палицы насторожило царя, что и доказывает последовавший вскоре ответ:

“30 мая 1881 г. N 2320

По Высочайшему повелению

Г-ну С.-Петербургскому
Градоначальнику

По всеподданнейшему моему докладу
изложенного в представлении от 20

мая... ходатайства, Государь Император... соизволил: вооружение нижних чинов С.-Петербургской полиции, взамен шашек, деревянными палицами отложить впредь до рассмотрения вопроса об организации полиции в особом Высочайшем учреждении под председательством Свиты Его Императорского Величества генерал-майора Черевича...

О таком Высочайшем распоряжении имею честь уведомить Ваше Превосходительство...

Генерал-адъютант
Граф Игнатъев”.

Характерно, что, несмотря на завуалированно-дипломатичный отказ Санкт-Петербургскому градоначальнику, уже изготовленные ранее полицейские деревянные палицы выдали некоторым должностным лицам. Об этом, в частности, свидетельствует архивная расписка, оставленная 26 мая 1881 г. (то есть до получения ответа) начальником Санкт-Петербургской исправительной тюрьмы: “Деревянную палицу для вооружения чинов полиции в футляре получил”. И подпись — как полагается.

Из документов более позднего периода следует, что “шашку драгунского образца”, с вооружения нижних чинов полиции все-таки сняли, заменив ее саблей армейского образца, которая в отличие от своей предшественницы обеспечивала защиту руки.

Однако вопрос о необходимости палицы не снимался вплоть до 1917 года. При этом власти большей частью ориентировались на опыт союзников — Франции и Англии. К примеру, еще в 1883 году “палки со свинцовыми набалдашниками”, ввозились в Россию из-за границы.

В этой связи особый интерес представляют сведения, изложенные в совершенно секретной Инструкции чинам московской полиции на случай возникновения беспорядков в столице, датированной 8 января 1917 года.

“1-е Положение... п.3. Ротный командир”, по получении этого (о беспорядках) сообщения, обязан приготовить дежурную часть своей роты к выходу, проверить боевую готовность дежурной части и распоряжается о выдаче дополнительных патронов и стеков...

Московский Градоначальник
генерал-майор Шебеко”.

Таким образом, стек, являясь, по-видимому, заменителем не санкционированной свыше деревянной палицы, не был постоянным предметом экипировки городских полицейских и выдавался им наряду с “дополнительными патронами, лишь в особых случаях — при возникновении массовых беспорядков. Кроме того, личное оружие пешего полицейского включало в себя револьвер на 6 или 7 патронов и саблю армейского образца. Конный полицейский оснащался карабином системы Маузер, шашкой (саблей), нагайкой. И тот и другой имели патронташ, нох установленного типа и свисток.

ИТАК, АНАЛИЗИРУЯ архивные справки, можно прийти к выводу, что в конце XIX — начале XX века в России на вооружение нижних чинов городской полиции предлагались сначала деревянные палицы, а затем и стeki, близкие по назначению и способам применения к известной в мировой полиции

* Должность в городской полицейской иерархии.

ской практике дубинке. Предлагались, но не нашли широкого практического применения — факт доказанный. Почему? Историки объясняют это тем, что в дореволюционный период заметно возросшая активность и самооружение боровшихся за свержение самодержавия классовых сил послужили причиной привлечения к их усмирению армейских частей, не нуждавшихся в дубинках. Если кавалеристы и пользовались стеком, то лишь для управления лошадью при верховой езде, а не для наведения порядка.

В послеоктябрьский период вопрос о вооружении советской милиции резиновыми палками ставился не раз. Но в условиях тоталитарного государства с процветающим культом личности практической нужды в них не усматривалось. Только в июле 1962 года — время так называемой «оттепели» — в целях усиления охраны государственных, общественных интересов и личных прав советских граждан от посягательств преступных элементов в соответствии с приказом МВД РСФСР «О принятии на вооружение милиции резиновой палки и наручников», эти атрибуты вооружения блюстителей порядка стали реальностью правоохранительной деятельности. Порядок применения дубинки и наручников определяли специальные инструкции. В приказе министра оговаривалась необходимость «последовательного ввода» резиновой палки в автономных республиках, краях и областях Российской Федерации. Причем незаконное ее применение считалось абсолютно недопустимым и влекло за собой довольно серьезную ответственность.

Не прошло и четырех лет, как приказ МООН РСФСР ввел новый порядок ношения и применения резиновой палки. Читаем:

«Разрешить ношение резиновой палки в обнаженном виде в руке, а также на ремне с левой стороны... Резиновые палки вводить только с разрешения МООН РСФСР по ходатайству министров ООП автономных республик, начальников управлений ООП крайоблсполкомов, согласованным с соответствующими обкомами, крайкомами партии».

Поскольку среди читателей журнала немало тех, кому по роду службы приходится обеспечивать общественный порядок на улицах городов, думается, нелишне будет привести некоторые основные положения утвержденной тогда инструкции о применении резиновой палки. Рекомендовалось прибегать к ее помощи для «пресечения буйства и бесчинства хулиганов и других преступников, а также в отношении нарушителей общественного порядка, отказывающихся выполнять законные требования работников милиции, отражения нападения на работников милиции или дружинников, должностных лиц государственных, общественных организаций и граждан». Но категорически запрещалось наносить удары по лицу и голове и пускать в ход дубинки против женщин, детей, стариков и инвалидов, а также в помещениях милиции.

ВЕРОЯТНО, небезынтересно будет сравнить, как используется резиновая палка зарубежной полицией.

У них дубинки относятся к видам ударного оружия и изготавливаются из дерева, резины или эластичной пластмассы диаметром 2,5 — 4 см и длиной 30 — 65 см. Удары могут быть прямыми и боковыми (и те и другие влекут довольно серьезные ранения).

Конная полиция Великобритании применяет удлиненные дубинки (65 — 90 см). А колониальная британская полиция оснащена дубинками «против мятежников», изготовленными из твердых сортов дерева со свинцом. Эта дубинка снабжена ремешком, и удар ею наносится двумя руками.

На вооружении некоторых подразделений американской полиции — дубинки с рукоят-

кой длиной 15 см, составляющей прямой угол с боевой частью. Считается, что она более эффективна и ее трудно вырвать из рук полисмена. Существенный недостаток: имеет участок с минимальной прочностью и при нанесении слишком сильного удара часть ее обламывается. Полиция США использует также нунчаки — приспособление, состоящее из двух пластмассовых стержней длиной 30 — 50 см, соединенных нейлоновым шнуром или цепью. Если один из стержней убрать, а цепь сделать достаточно тяжелой, то получается оружие, которое при метании под ноги может остановить демонстрантов.

Во многих западных странах в ходу дубинка, имеющая металлический стержень, окруженный резиной. Оканчивается она гибким участком из резины или кожи (иногда со свинцом). С помощью этого оружия наносятся, как правило, оглушающие удары. Кроме того, служащие американской полиции снабжают перчатками из грубой кожи со свинцовыми включениями, что существенно увеличивает силу удара руки.

В Японии помимо разного вида дубинок сотрудники органов охраны правопорядка используют палки из пластмассы в виде дробовиков и копий.

Широкое применение в США, Германии и Гонконге находят так называемые химические дубинки, содержащие раствор на основе Си-Эн и Си-Эр, выбрасываемый под действием фреона. Это оружие эффективно лишь на короткой дистанции. Во Франции и некоторых других странах используют аналогичные устройства для распыления аэрозолей. Подобным же способом распространяется на небольшие расстояния ядовитая пена из приборов, изготовляемых в Израиле.

Для разгона несанкционированных демонстраций и усмирения массовых волнений применяют и электрические дубинки, в которых используются малогабаритный аккумулятор, катушка Румкорфа, повышающая напряжение тока, прерыватель и два электрода. При соприкосновении дубинки с кожей происходит электрический разряд, равноценный прикасанию рукой к голым проводам электросети напряжением 220 В. Последние сообщения из Китая свидетельствуют о том, что и тамошняя полиция, и органы общественной безопасности довольно часто прибегают к помощи дубинок при наведении порядка.

По справке старшего научного сотрудника Института США и Канады доктора юридических наук В. М. Николаичика, в Америке полицейские применяют дубинки лишь в соответствии с инструкциями (правового акта нет). Как правило, дубинками вооружаются наряды, несущие службу при объявлении особого положения, при ночном патрулировании и патрулировании территории с высоким уровнем преступности. Боевое применение резиновой палки рассматривают наравне с применением огнестрельного оружия. Кстати, о новинках: последние образцы дубинок снабжены специальными звуковыми устройствами для распугивания нарушителей общественного порядка еще на стадии подготовки к акции.

Следовательно, мировая практика свидетельствует: дубинка — необходимый предмет вооружения блюстителей порядка. С одной стороны, ее применение строго регламентируется, с другой — принимаются меры для улучшения ее боевых свойств и эффективности воздействия на нарушителей.

Полковник внутренней службы
Ю. ЛИСКИН.

Дела давно минувших дней

Пожалуй, не было такого государства, которое не заботилось бы о внутренней безопасности. Хрестоматийный пример: буквально через месяц после Октября 1917 года создаются органы и отряды ВЧК «для защиты завоеваний революции». От них и принято вести родословную внутренних войск СССР и Российской Федерации. А так ли это?

"В ПОМОЩЬ ИСПОЛНЕНИЮ ЗАКОНОВ"

Из истории внутренней и конвойной стражи России

СКАЖЕМ СРАЗУ: однозначное утверждение о том, что Советской России пришлось чуть ли не с нуля создавать части для охраны общественного порядка и конвоирования заключенных, не соответствует действительности. Думается, настала пора ликвидировать еще одно белое пятно в войсковой истории, восстановить прерванную связь времен.

Некоторые ученые мужи могут решительно возразить: существует приказ наркома по военным делам Л. Д. Троцкого от 20 апреля 1918 года N 284 о формировании конвойной стражи Республики Советов. Однако в этом документе всего лишь уточнялись основные принципы комплектования на новых условиях уже существовавших конвойных команд, а также производились некоторые переименования и реорганизации старых структур управления.

При внимательном ознакомлении с текстом приказа выясняется, что должность главного инспектора по пересылке арестантов, которому подчинялись конвойные команды царской России, существовала вплоть до апреля 1918 года. Несмотря на отмену в армии чинов и званий, в конвойном ведомстве на протяжении некоторого времени сохранялись должности штаб- и обер-офицеров для поручений при главном инспекторе.

Факты таковы: российская конвойная стража практически в полном составе перешла на сторону новой власти и, счастливо избежав расформирования, продолжала вы-

полнять свои функции, правда, теперь уже под сенью красных знамен. Имея за плечами более чем вековую историю...

В XVII—XVIII веках в России еще не было специальных вооруженных формирований для «препровождения», арестантов к местам отбывания наказания. Поначалу эти задачи выполнял Стрелецкий приказ. Для сопровождения каторжников в Сибирь наряжали специальных «посыльчиков», которым давали наказ (своеобразный приказ на службу): «...Убегут от тебя колодники или ты сам, взяв с них откуп, отпустишь — то воеводы будут бить тебя кнутом и сошлют самого...». Нетрудно догадаться: после такого «напутствия», стрельцы «блюли» каторжников «пуще глазу».

Позже партии колодников переправлялись под конвоем «вооруженных команд башкирцев». Издавна занимавшиеся скотоводством, они и арестантов гнали, как гурт скота.

В начале XIX века к сибирскому ссыльному тракту для несения этапно-конвойной службы был приписан казачий полк. Благодаря такому нововведению сократилось количество жалоб на жестокость конвоиров.

В городах конвойные функции наряду с полицией выполняли подчинившиеся губернаторам гарнизонные батальоны и так называемые инвалидные команды, которые комплектовались нижними чинами, получившими ранения в батальях. К «препровождению», больших партий арестантов, особенно после подавления «бунтов и возстаний», привлекались и армейские подразделения.

Коренные реформы в организации конвойной и вообще всей внутренней службы произошли в годы царствования Александра I. В октябре 1810 года военный министр генерал-фельдмаршал М. Б. Барклай-де-Толли «испросил высочайшего повеления, о сформировании корпусов». В начале 1811 года всесторонне обоснованная военными стратегами корпусная система организации вооруженных сил была принята. Тогда же создается особый род войск — внутренняя стража, включающая местные воинские команды, которые ранее находились в ведении гражданских властей и вместе с полицией отвечали за «охранение тишины и спокойствия». Указ об этом 16 января 1811 года подписал император. «...Существующия ныне губернская роты и штатная команды, — говорилось в «высочайшем» документе, — привести в лучшее устройство, настоящему роду службы их и общему порядку сообразное, повелеваем все команды сии передать из гражданского ведомства в военное начальство...»

Указом императора от 27 марта военному министру предписывалось передислоцировать штатные губернские роты и команды в

столицы губерний и сформировать из них батальоны. А 30 апреля по решению Военной коллегии эти батальоны сводятся в двадцать бригад. 3 июля 1811 года "высочайше" утверждается "Положение для Внутренней стражи".

Сравнив задачи современных внутренних войск России и их предшественников, найдем много общего. Не удивительно: меняется характер преступлений и правонарушений, но суть воинской службы по защите интересов государства, общества и личности, "охранению тишины и спокойствия", остается прежней. Согласно Положению, подразделения внутренней стражи "могли быть употребляемы: в помощь исполнению законов и приговоров суда; на поимку воров, преследование и истребление разбойников и рассеяние запрещенных законом скопищ; на усмирение неповиновения и буйства; на поимку беглых и ушедших преступников...". По согласованию с местными властями команды стражников привлекались к "охранению порядка" на ярмарках, торгах, народных и церковных празднествах, сопровождали казну, партии рекрутов и просрочивших отпуска военных нижних чинов к месту их службы, оказывали помощь в работах по ликвидации последствий стихийных бедствий.

В Положении особо подчеркивалось, что отдельные воинские команды, наряжаемые от батальонов внутренней стражи для выполнения каких-либо задач, попутно имеют право захватывать сборища воров и разбойников, брать под стражу и доставлять губернскому начальству лиц, застигнутых на месте преступления, а также людей, "найденных с окровавленным оружием либо платьем".

Для "препровождения" преступников и "на отряжение нужных часовых к присутственным местам, тюрьмам и острогам", в составе батальонов выделялись специальные этапные команды.

Дальнейшему совершенствованию российских "сил правопорядка", помешала Отечественная война 1812 года. Во время нашествия Наполеона некоторые батальоны стражи, дислоцированные в западных губерниях, принимали активное участие в боевых действиях. Например, могилевский губернатор, как свидетельствует один из архивных документов, узнав о приближении французов, "послал 30 человек Внутренней стражи открывать (т. е. разведывать. — Н. С.) неприятеля. Они дошли до первых французских пикетов, взяли в плен француза и от него получили дополнительные сведения...".

После изгнания наполеоновских войск осуществляется новый этап военной реформы. "Высочайшим" указом от 12 декабря 1815 года закреплено организационное деление вооруженных сил империи на две армии и семь отдельных корпусов, в числе последних — и корпус внутренней стражи, находящийся в "точном ведении Военного министра".

В европейской части России создаются восемь округов внутренней стражи во главе с окружными генералами, наделенными правами начальника дивизии. Каждый округ территориально охватывал две-три губернии. Столичная Санкт-Петербургская губерния, например, входила в первый округ внутренней стражи со штабом в Риге, а Московская — в шестой со штаб-квартирой в Калуге.

В 1818 году корпус разделили на двенадцать округов (всего 50 батальонов). Интересная деталь: организация этих тактиче-

ских звеньев во многом схожа со структурой конвойных батальонов современного типа. Они состояли из нескольких, как мы сейчас говорим, отдельно дислоцированных подразделений. К примеру, в составе Нижегородского батальона, по данным на 1861 год, помимо караульных, насчитывалось семь уездных конвойных команд численностью до 30 и более человек каждая (в зависимости от служебной нагрузки).

В 1817 году вводится этапная система доставки арестантов и ссыльных к местам отбывания наказания. Суть ее такова: этапные команды сопровождают осужденных до границы с соседней губернией, там их принимают местные конвоиры и этапируют далее.

Партии заключенных сосредоточивались в Нижнем Новгороде, где начинался Главный нижегородско-тюменский ссыльно-этапный тракт, откуда их и отправляли в Сибирь.

Служба эта была тяжелой и опасной. Несмотря на кандалы, преступники часто совершали побег, нападали на конвоиров с целью завладения оружием. Для повышения надежности охраны "препровождаемых", заключенных в августе 1825 года утверждается новый порядок пешего этапирования: арестантов предписывалось приковывать к металлическому пруту. Эта застежка, бесцелозачная новация принесла больше вреда, чем пользы. Снизилась побеговая активность, но вместе с ней и скорость передвижения этапных партий. Про ущерб здоровью узников и говорить нечего. Впрочем, тогда до самоубийства арестантов мало кто беспокоился. Лишь спустя восемь лет вместо тяжелого негнущегося прута стали использовать цепь, к которой "пристегивали", этапников с помощью быстро закрепляющихся наручников (изобретение командира отдельного корпуса внутренней стражи генерала П. М. Капцевича).

Говоря о становлении российских сил "охранения порядка", нельзя обойти вниманием вопрос о форме одежды стражников. Большинство нынешних солдат и офицеров наверняка не подозревают, что краповый цвет околышей их фуражек, погон и петлиц впервые был учрежден как отличительный признак внутренних войск... более 160 лет назад. В начальный период существования отдельного корпуса офицеры и нижние чины носили мундиры с такими же, как в пехоте, красными выпушками. Единообразие военной одежды у армейцев и стражников часто приводило к путанице и неразберихе. Конец этому был положен в октябре 1829 года введением краповых выпушек на форменном обмундировании внутренней стражи.

Считая своим долгом "пещись" о совершенствовании служебной деятельности, командование корпуса старалось, конечно, по мере возможности, идти в ногу с техническим прогрессом. Когда между Петербургом и Москвой пролегли рельсы, из штаба поступило "наверх", предложение об организации конвоирования заключенных в железнодорожных вагонах. Инициативу оценили и в марте 1858 года "высочайше" утвердили "Положение о перевозке арестантов по Николаевской железной дороге". Основные требования: специально оборудованные арестантские вагоны должны прицепляться в конце товарных поездов; арестанты в вагонах размещаются на скамьях и на всем пути следования содержатся в кандалах, скованные попарно в специальных "железных ук-

реплениях; конвойные располагаются тут же, среди заключенных, и наблюдают за их поведением.

Что и говорить, по нынешним временам правила драконовские — как для стражников, так и для узников. И все же это легче, чем топтать пехом, скованными одной цепью, сотни и тысячи верст: колеса есть колеса.

В штабе корпуса велся скрупулезный учет численности этапированных арестантов. Любопытна конвойная статистика за 1861 год — год отмены крепостного права. Через Нижегородскую губернию под конвоем внутренней стражи проследовало: арестантов — 20995; «навроде оных», (т. е. приравненных к ним. — Н.С.) — 3649.

К слову, в то время заключенные подразделялись на две категории: «важных», и «мало важных». К первой относились лица, осужденные за государственные, политические и опасные уголовные преступления. Ко второй — все остальные. Соответственно, «важных», арестантов внутренняя стража конвоировала в ручных и ножных кандалах, под усиленной охраной и постоянным наблюдением.

После освобождения крестьян возникла необходимость в дальнейшей реорганизации этапной системы. В ноябре 1861 года по «высочайшему повелению», учреждается специальный комитет «для составления новых правил пересылки арестантов в Сибирь». В него вошли представители пяти министерств и ведомств — военного, внутренних дел, юстиции, инженерного и путей сообщения. Все губернаторы и командиры батальонов внутренней стражи представили в комитет свои соображения по этому вопросу.

Члены комитета, основательно проработав предложения по замене пешего этапирования на конвоирование с использованием конных повозок, и где это возможно, водного и железнодорожного транспорта, сошлись во мнении: наиболее приемлемым и доступным средством передвижения является телега. Разумеется, «специально оборудованная». Каким же выдось «специальное оборудование», подвод тогдашним корифеям «конвойной науки»? Командир Каменец-Подольского батальона майор барон Клодт фон Юргенберг предлагал в повозках иметь на каждого арестанта по четыре металлических кольца для приковывания обеих рук и ног. «... Но главное здесь, — подчеркивал барон в своем послании в комитет, — чтобы арестанты были хорошо укреплены к телегам и строжайше воспрещено было освобождать их из укреплений во время пути, не принимая во внимание никаких естественных потребностей...» Каково!

Разумеется, и после «тележной», реформы на короткое расстройство узников конвоировали в пешем порядке. Особые мучения при передвижении причиняли им ножные кандалы. Слишком короткая цепь между обручами, охватывающими щиколотки, вынуждала кандалников идти гусиным шагом. Металлические обручи в кровь растирали ноги. Все обращения по поводу облегчения участи заключенных вместо рассмотрения их в тюремном ведомстве со свойственным российским чиновникам бюрократизмом пересылались в конечную инстанцию — штаб отдельного корпуса внутренней стражи.

Отвечая на эти жалобы в феврале 1863 года военному министру, командир корпуса генерал В.Ф. фон дер Лауница раздраженно пи-

сал: «...В продолжение шестилетнего начальствования вверенным мне Корпусом ежегодно препровождалось командами Внутренней стражи около 60 000 арестантов, в том числе до 10 000 человек в ножных кандалах, и во все это время не возникало никакой переписки о необходимости изменить в чем-либо указанные укрепления, а потому я не вижу никакого основания изменить этот порядок...».

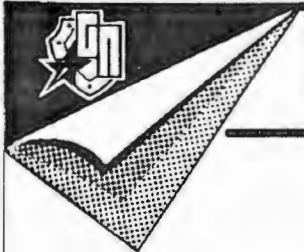
Очевидный для всех должностных лиц вопрос разрешили только после вмешательства Санкт-петербургского военного губернатора графа А.А. Суворова — внука прославленного генералиссимуса. К его мнению прислушивались даже особы, приближенные к императору. Однажды граф стал свидетелем высадки арестантов из вагона, прибывшего по Варшавской железной дороге. Вскоре из Министерства внутренних дел поступает к военному министру обращение следующего содержания: генерал-адъютант Суворов обратил внимание, что на большинстве арестантов «ножные кандалы были слишком коротки и туго пригнаны, отчего арестанты стерли ноги...». Далее министр внутренних дел подчеркивал: столичный генерал-губернатор «признает полезным установить нормальную длину ножных кандалов...». Не потому ли спустя месяц после этого командир отдельного корпуса неожиданно изменяет свою точку зрения. В донесении фон дер Лауница в Главный штаб сказано: «Имею честь уведомить... что с мнением Санкт-Петербургского генерал-губернатора о необходимости установить нормальную длину цепи арестантских ножных кандалов в один аршин с вершком я совершенно согласен...».

Вопрос особой важности — комплектование частей внутренней стражи. Еще в 1818 году Александр I в письме начальнику Главного штаба указывал, что в губернские батальоны нередко определяются люди, совершившие проступки, «не быв еще достойными, пользующие тем правом, которое приобретает службой долговременную или увечиями, на оной полученными». Царь приказал таких людей во внутреннюю стражу не зачислять.

С тех пор военное ведомство строго придерживалось «августейшаго», требования. Переводу в губернские батальоны из армейских частей в первую очередь подлежали отличившиеся в кампаниях и отмеченные боевыми наградами. Нижним чинам, нерадиво исполнявшим службу или не имевшим прочных военных навыков, путь во внутреннюю стражу был закрыт. Чести служить в отдельном корпусе удостаивался и далеко не каждый офицер. В одном из приказов предписывалось «выбор офицеров для назначения начальниками местных уездных команд производить с крайней разборчивостью, в чине не ниже подпоручика...». Среди командующих округами, командиров батальонов встречались бароны и графы. Так, округом со штаб-квартирой в Витебске руководил генерал-майор барон А.А. Дельвиг — отец поэта Антона Дельвига, близкого друга А.С. Пушкина.

Майор Н. СЫСОЕВ.

(Продолжение следует)

Литература и мы

ВОЙНА БЕЗ ВОЙНЫ

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА наступит пятидесятая весна великой Победы нашего народа и всего прогрессивного человечества в войне с фашистской Германией. В прежние годы средства пропаганды и агитации уже давно бы включились в подготовку к этой поистине знаменательной дате. Во всяком случае еще в девяностом году многие издательства, журналы приступили к разработке планов достойной встречи полувекового юбилея Победы. Знаю об этом не с чьих-то слов: ко мне самому тогда обратился руководство "Московского рабочего", с предложением возглавить рабочую группу редакционного совета издательства по подготовке двадцатипятилетней библиотеки "Москвичи в боях за Родину". Первая книга ожидалась в 1991 году... Но, увы, жизнь сломалась, планы порушились, бывшие государственные и партийные издательства либо приказали долго жить, либо влачат жалкое существование. И, естественно, ни о каких сериалах и библиотеках больше речь не идет, а периодика занимается в основном "политической ламбадой", далекой от проблем национальной жизни, в которой немалую роль играет историческая память.

Однако все это, конечно же, преходяще. Здравый смысл возьмет свое. А потому и верю, что мы вернемся к истории Великой Отечественной, литературе о ней. И начнется не новый разговор, а продолжится тот, который шел в периодике 80-х годов, поскольку перерывов и пропусков в движении человеческой мысли не бывает.

РАСКРУТИВШИЙСЯ с перестройкой маховик переоценки идеологических, социальных, исторических ценностей не мог не коснуться и святой темы — Великой Отечественной. Именно к началу девяностых стали появляться не только статьи, эссе, повествования, рисующие защитника Родины в неприглядном обличье, но и подделки под фольклор. Вот одна из них.

К длинной очереди за пивом подошел ветеран войны и попросил кружечку: замучила жажда. Глотнув, старик сморщился, сплюнул и выплеснул жидкость на землю.

— Что так? — спросили окружающие.

— Кислятина! Пить невозможно.

— А что ж ты, батя, рогами упирался под Сталинградом?! Сейчас бы баварское посасывали...

Выявленное в столь обnoxiousной форме негативное отношение к Победе, как это ни кощунственно, активно приживлялось и на страницы многочисленных печатных изданий. Примеров тому предостаточно. Сошлюсь хотя бы на беседу политического обозревателя "Комсомольской правды", А. Афанасьева с ведущим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма Г. Бордюговым "Украденная победа", многомиллионно растиражированную в канун 45-летия Победы и вызвавшую негодующую почту фронтовиков.

Не думаю, что собеседники преднамеренно хотели

обидеть ветеранов войны, но безусловно их высказывания несли в себе немало оскорбительного для чувств не только людей, переживших лихолетье, но и вообще соотечественников. А все потому, что разговор велся не ради уточнения, уяснения трагических и героических сторон нашей победы. С помощью великого исторического события авторы решили еще раз "колебнуть", основание социалистической системы, не считаясь с тем очевидным фактом, что речь в войне шла по большому счету не о системе как таковой, а о самом существовании нашего государства, народов, его населяющих. Потому-то приводимые собеседниками высказывания рядовых труженников относительно части руководящих работников, что трусливо засели в тылу, а затем примажуются к народной победе, и однозначно расцененные как негативное отношение людей к чуждой им системе, выглядят по меньшей мере наивно.

Я совсем не собираюсь оспаривать чужого мнения во взгляде на историю или современность, тем более делать это задним числом. Каждый волен судить и рьяить по-своему. Но меня, честно говоря, и сегодня смущает видение событий профессионалом-историком. Я имею в виду заявление Бордюгова о том, что победа в войне, дескать, самый "убойный" аргумент в оправдание системы, созданной у нас в стране в 30-е годы. Мне же кажется, что это совсем не "последний плацдарм", на который отступили ее сторонники, а всего лишь исторический факт, требующий объяснения, исторического обоснования.

Естественно, возникает и другой вопрос, метко подмеченный в свое время критиком В. Кисунько после просмотра кинокартины "Сталинград": "Куда же при этом девать Сталина? Очень хочется переделать историю, но куда его девать?".

Так вот, ни Бордюгов, ни Афанасьев, ни другие, касавшиеся этого большого вопроса, так и не смогли ответить на него. И ссылки на недовольных Верховным в тылу и на фронте ничего изменить не могут. Да и не секрет — никогда, ни в одном обществе не было и не может быть единодушие по поводу решений официальной власти. Тем не менее для того же Афанасьева этого достаточно, чтобы сделать вывод — дескать, победа достигнута вопреки ненавистной народу системе. Ну а дальше — больше: "Кризис системы, быть может, первым и учуял Сталин, когда он 22 июня впал на даче в проstration, при появлении же членов Политбюро решил, кажется, что пришли его арестовывать". Вот так: Сталин боится за себя, а чуёт, по мнению обозревателя "Комсомолки", кризис системы. Но еще более странным представляется "ход", историка в поддержку высказываний собеседника: "Почему же — кажется? В конце войны Сталин признался: народ в 41-м не прогнал правительство, хотя имел право..."

Не буду касаться сложного, далекого от эмоциональных представлений вопроса о предвоенной политике Сталина, его роли в войне. Однако не могу не привести насчет затронутой детали — событий 22 июня — высказывания Ивана Стаднюка. Когда бравший у него интервью корреспондент "Литературной России" заметил, мол, считал проверенным факт, что первые дни войны Сталин провел на даче в Кунцеве, устроившись от дел, а у вас в романе "Москва, 41-й", он появляется в Кремле за два часа до начала войны, писатель отрезал: "Это наивная выдумка тех, кто хотел бы списать на Сталина свои и

своих близких ошибки. С 22 июня и по 29 июня Сталин ни на час не покидал Кремля. Разве могли без его подписи принять постановление о создании Ставки Верховного Главнокомандования? Это было сделано 23 июня. У меня записано, какие ученые, наркомы, полководцы были у Сталина все дни до 29-го. Я держал в руках подписанные им документы. Могу с любым историком спорить, как это было со второй книгой "Войны", когда мне пришлось доказывать свою правоту, чтобы книга вышла в свет..."

Речь идет об истории. И тут эмоциональные всплески, наши представления о минувшем, наше неприятие той или иной фигуры никоим образом не должны включаться в оценку самого события, ставшего историей. Любые неосторожные, невзвешенные суждения ранят людей, переживших лихолетье. Все это можно отнести и к литературе, искусству, которые также нельзя политизировать в угоду текущему моменту.

Именно об этом говорил и Виктор Астафьев три года назад в декабрьской книжке журнала "Пограничник": "Сейчас вот все бросились писать на тему о репрессиях. С наскуко такие грандиозные темы брать нельзя. Я, например, просто считал, что не готов еще, не созрел для того, чтобы писать о войне. Все мои подходы к военной теме — это пока очень далеко от окопов, где-то в госпитале события происходят. Так же и о репрессиях. Я на Урале такого рассмотрел, что считал: надо быть гением, чтобы осмыслить все это. Ведь история нашей страны — тягчайшая история. Само явление Сталина, все процессы, какие происходили, — грандиозная сатанинская тема. А тут какая-то детская наивность, что Сталин захотел, то и сделал. В любой судьбе человеческой, тем более в судьбе страны, есть какая-то логика... Если антилогично, значит, и в этом есть логика. Безвременье — тоже время. Понимаете? Страшное время — это тоже время. Это как-то в общем группируется и дает человеку возможность осознать историю хотя бы через себя. Ни в коем случае в такие темы нельзя бросаться наскуко..."

ДАВАЙТЕ ВСПОМНИМ произведения 70-х — начала 80-х годов о войне, в которых запечатлен Сталин. Его фигура в них какая-то неживая. Он там — функция верховной власти, своеобразный символ, но никак не живой человек. Он списан с мемуаров. И не случайно. Я разделяю точку зрения кинорежиссера Станислава Ростоцкого: "Сталин никогда не был нашим идеалом. Нам его навязали в качестве символа того, во что мы верили, а верили мы, что сумеем сделать жизнь справедливее, разумнее, лучше, счастливее. Но на нашем пути встал враг — фашизм..."

Что и говорить, сегодня легко рассуждать о "слепом", поколении, обладая знаниями, открывшимися в последние годы. Но дважды прав тот же Ростоцкий в споре с автором повести "А зори здесь тихие..." Борисом Васильевым, замечая, что не может комсомолка, доброволец Рита Осянина перед смертью сказать: "Мы не за Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина воевали... Мы за Родину воевали!". Не надо корректировать представления людей 40-х. Здесь нет исторической правды военных лет, здесь взгляд из другого времени, и скорее всего, взгляд, ошеломленный открытиями XX партсъезда.

"После войны я продолжал служить в армии. Я да и любой фронтовик о войне не то что читать — слушать не хотели, — признается

писатель Василь Быков. — Война была еще слышим жива в нашем сознании. Каждый вспоминал ее как кошмарный сон, от которого следует отрешиться, забыть его. Прошло немного времени, я стал кое-что читать о войне, написанное маститами, известными в стране писателями. И с огорчением понял, что эти книги меня не удовлетворяют. То, о чем они писали, расходилось с моим личным опытом войны. Так появилось желание написать всю правду о войне.

Аналогичное чувство испытал и Вячеслав Кондратьев, рассказывавший, что в начале шестидесятых на него буквально навалилась ностальгия по своей военной юности, заставила поехать на места боев, протопать пехом двадцать верст по грязи и распутице от станции Чертолино до бывшей передовой.

Нечто подобное пережили практически все писатели-фронтовики, прежде чем выговорить то, что мучило, жило в сознании как память об изведанном сполна фунте лиха. В каждом вызревала своя тема войны, отливалась в слова собственной правды о ней.

В упомянутом уже интервью В. Астафьев говорил и о том, что ныне о войне написано предостаточно — «не вместить в эшелон, вагонов двести мы написали книг». А на виду у нас что? Что можно назвать по-настоящему литературой? Задаю он сам себе вопрос и отвечает: «Десяток книг о войне. Ну, может, прибавить к этому еще пяток, ну, пятнадцать книг. Это и очень много, и очень мало».

Понимаю, что столь категоричный отзыв о «библиотеке» Великой Отечественной — от несовпадения своего «вкуса правды», со вкусами товарищей по перу. Но сам ход мысли писателя объясняет многие причины разгоревшейся литературно-критической «войны», вокруг военной прозы.

«Основной поток литературы о войне сделал страшную удручающую работу, он избразил нам войну, которой не было на свете, — считает Астафьев. — Особенно мемуарная литература порадела».

Не бесспорной мне представляется и его другая мысль: мол, беда еще в том, что о войне стали писать журналисты, поскольку знания побывавшего на фронте по заданию редакции никак не сравнятся с пониманием войны человеком, сидевшим в окопе на передовой. Выходит, решающим в творческом переосмыслении войны выступает личное участие в «деле», что и предопределяет знание правды о ней?! Впрочем, ощутив явную недостаточность аргументации, Астафьев поправляется: мол, бывшие фронтовики, хоть и знают правду о войне, не всегда могут ее выразить.

Жаль только, что Виктор Петрович забывает очевидный факт: во все времена происходило нечто подобное с литературой о том или ином историческом событии. Будь то Отечественная война 1812 года, русско-японская, первая мировая...

Именно участники войны двенадцатого года, жившие во времена Льва Толстого, предъявляли к нему очень много претензий. И что же? Мы сегодня не можем воспринимать ту войну без «коррекции» Толстого. Мы можем соглашаться или не соглашаться с Кутузовым или Наполеоном, но тем не менее для нас события 1812 года существуют «через Толстого».

И разве ныне не такое же отношение к событиям почти полувекковой давности у читателя молодого? Великая Отечественная для Астафьева, для его сверстников — их день, их боль, их сны, их муки. И потому они

не соглашаются с тем, как описано то или иное сражение, состояние в нем участвующего бойца. Для рожденных же после войны она существует, с одной стороны, «по Виктору Некрасову», с другой — «по Ольге Кожуховой», с третьей — «по Ивану Стаднюку», и т. д. Таков объективный закон взаимодействия читателя и художественной литературы. Поэтому, как бы ни спорил со своими товарищами по перу В. Астафьев или кто другой из писателей-фронтовиков, их несогласие продиктовано прежде всего несопадением личного опыта («я такого не переживал и не видел на фронте») и опыта художественного («я бы так не написал, это не в моем стиле»). Но в том-то и сущность художественного мира, что он многообразен, близок читателям в своем многоголосии, позволяющем отыскать каждому то, что созвучно с его эмоциональным состоянием.

ПО СУТИ ДЕЛА, вся проза фронтовиков — это их «мемуары», — лейтенантские или солдатские, это их воспоминания о самом страшном, потрясшем души. Потому-то в них такая жесткая «привязка» к местности, ко времени, к реальным операциям. Да и герои книг, сражающиеся с фашистами, со страхом в собственной душе, — их «двойники». Свидетельств тому немало.

На обелиске, возвышающемся над братской могилой, что на Кировоградчине, в ряду фамилий значится и имя Василя Быкова. О том, как это произошло в начале сорок четвертого, сам он рассказывает так:

«Мы наступали по всему фронту. Стрелковый батальон, в котором я воевал, вел тяжелые бои под Большой Севериновкой. Ночью на кукурузном поле нас внезапно атаковали немецкие танки. Здесь-то меня и ранило в ногу... Привезла меня на подводе санитаров в село. Возле церкви располагалась санчасть... Под утро вроде задремал. Слышу, кто-то тормозит: «Быков, Быков». Открываю глаза. Надо мной стоит комбат. Спрашивает: «Ранен? Ходить сможешь?», — «Нет». — «Жаль, я на тебя рассчитывал... батальон разбили... надо организовать оборону...».

Утром танки атаковали село. Немцы смяли нашу не очень прочную оборону, прорвались к церкви. Я выполз из хаты на дорогу. В руке противотанковая граната. Лежу, думаю: «Вот тут будет мне каюк, но хоть что-то сделаю...». На мое счастье, проезжала мимо повозка, кто-то подобрал меня. А хату, в которой я ночевал и куда приходил командир батальона, немецкий танк в упор расстрелял. Комбат, наверное, видел это... Вот так я уцелел, остался живой... А домой полетела похоронка».

Впрочем, все это отражено в моей повести «Мертвым не больно».

Воспоминаниями о фронтовой юности наполнены повести писателей, вступивших в литературу в конце 50-х — начале 60-х годов. Многие из них через десятилетие сели за романы, в которых лично пережитое обогащено документами, архивными материалами, свидетельствами военачальников. Эти произведения и поныне читаемы: «Горячий снег», Ю. Бондарева, «Блокада», А. Чаковского, «Война», И. Стаднюка, «Крещение», И. Акулова, «Истоки», Г. Конавалова, «Ударная армия», В. Конюшева. К ним присоединился и опубликованный недавно роман Василя Гроссмана «Жизнь и судьба», вызвавший немало споров, разноречивых суждений. Одно из них, принадлежащее кинорежиссеру А. Симонову, хочу привести:

“Мы уже отходим на ту временную дистанцию, на которой находился Толстой по отношению к войне 1812 года. И как бы мне ни нравился роман Гроссмана, мне кажется, что время его написания — конец 50-х — короткая дистанция, недостаточная дистанция, и живет она в романе, и это, наверное, и не позволяет сравнить его с Толстым. Роман Гроссмана азартнее — в нем есть не только желание понять, но и желание разоблачить. У Толстого это проявилось только в его личной неприязни к Наполеону, скажем. Во всем остальном — желание понять. И тогда время 12-го года становится твоим временем, встает в строй вечности. А роман Гроссмана — это просто замечательный роман о Великой Отечественной войне.”

В этом высказывании нельзя не ощутить давней, относящейся к 60-м годам ностальгии по эпохе о Великой Отечественной тила “Войны и мира”, и надежды, что она непременно появится, что кто-то из живущих и работающих в литературе писателей-фронтовиков одарит читающее человечество такой книгой. К тому времени уже был забыт наем на подобное художественное обобщение минувшей войны, связывавшийся в первые послевоенные годы с именем Шолохова, с его “эпопеей”, “Они сражались за Родину”. Но годы шли, приходила переоценка самих событий, главных действующих лиц, художник замолчал...

Жажда обрести эпическое повествование о Великой Отечественной вновь пробудилась к концу 60-х. Попытки удовлетворить читательские запросы предприняли К. Симонов и А. Чаковский. Но, увы, масштаб художественного постижения исторического события определяется не объемом повествования, а масштабом личности художника, эпической природой его дарования. А ни лирик Симонов в трилогии “Живые и мертвые”, ни журналист Чаковский в пятикнижке “Блокада”, этих качеств не продемонстрировали.

Попытался создать свою эпопею И. Стаднюк, но опять-таки неудачно. Есть три книги “Войны”, и два романа “Москва, 41-й” и “Меч над Москвой”, в центре которых те же самые персонажи. А эпопеи, повторяю, нет. Отчего? Да все оттого же: слишком “вяжёт”, писателя личный опыт, не отпускают “воспоминания”, как свои, так и тех, что своими свидетельствами расширял панораму видения изображаемых событий. Ссылкой на их авторитет писатель доказывает и правоту созданного им: “Почему я не должен верить Жукову, Василевскому, Мерецкову, Коневу, Рокоссовскому, Штеменко, Хрулеву, Исакову, Кузнецову, Сабурову, Громыко? И, наконец, Молотову, с которым встречался более двадцати лет? Он был для меня своеобразной академией. Мне могут сказать, что это была “не та” академия. Но кто может назвать “ту”, другую академию среди всех, функционировавших у нас после войны?...”

А МЕЖДУ ПРОЧИМ, есть такая академия. И именуется она — правдой художника. Все остальное — документы, архивные материалы, свидетельства очевидцев — коловращение фактов, та самая туманность, в которой, образно говоря, и должен обозначиться его Андромеда, какую он один способен заселить по своему произволу, по своей единственной правде. Во всяком случае, не в выборе концепции, а в создании собственной, опирающейся на личное, востраданное понимание истории, видимо, крестя успех. И здесь мы сходимся с Астафьевым:

“Потому-то я и подступаю много лет к ро-

ману о войне, к такому полному, чтобы вытолкнуть из сердца ту тяготящую пробку, которая не дает вздохнуть полной и освобожденной грудью. Хочется написать свою книгу, вложить в нее свой жизненный опыт. Моя жизнь, мой военный опыт не схожи ни с чем и не могут быть похожи на жизнь и опыт другого человека. Любой, взявшись за что-то самостоятельно, всегда должен создать что-то свое: свой дом, свою книгу, даже свои грабли, шлею, дугу, как это раньше было у всякого уважающего свое дело крестьянина. А в данном случае речь идет ни больше ни меньше, как о романе... Уже есть большинство героев. Они живут, воюют, любят, погибают, каждый тянет сюжет в свою сторону, но еще не выросла та главная, последняя, все обнимающая мысль, которая всему определит место, все примирит и упорядочит в душе, найдет печальному моему опыту совершенное и исчерпывающее выражение...”

Иными словами — писатель долгие годы искал именно ту самую правду и ту самую мысль, которые бы позволили написать свой, непохожий на другие произведения роман о войне. И на сей раз, как мы убеждаемся, речь идет не о создании национальной эпопеи, а о романе, возрастающем на памяти пережитого. То есть об еще одном “мемуарном”, произведении, которых с 60-х годов читатели получили немало.

НЕ ОПОЗДАЛА ли в строй книга Астафьева? Не ушло ли “время той войны”, из нашей жизни, переполненной конверсионными процессами и крушением прежних идеалов? Тем более что ныне все, что хоть как-то соединено с понятием “военный”, подвергается нападкам со стороны общест-венности, не исключая и писательскую.

“С шумом, с размахом отпраздновали сороклетие Победы. Не жалели восторгов и эмоций. Потом наступил естественный спад интереса к прошлой войне, а значит, к литературе о ней... Беспокоит то, что наши взгляды на жизнь, на литературу, искусство в значительной мере подвержены кампаниям.”

С Василием Быковым трудно не согласиться. Более того — последние годы военная тема вообще оказалась чуть ли не вне разумения общества. А если и говорится что-то о минувшей войне, то чаще всего с заметной девальвацией представлений о подвижничестве отечественного воинства.

И вместе с тем никто не произнес категорического отрицания самой военной темы в нашем искусстве. Да и можно ли в здравом уме это сделать? Даже в обществе, где навсегда будет покончено с угрозой новой войны, где дети разучатся играть в военные игры, где, наконец, люди будут исповедовать совершенно непохожую на ту, что исповедовало мое поколение, идеологию — идеологию подготовки к грядущим военным испытаниям, — так вот, даже в этом обществе, убежден, не иссякнет в памяти поколений Великая Отечественная. Она будет представляться, конечно же, другой, чем нам. Но как сюжет великого народного потрясения — не уйдет никогда. Потому что останется Отечество, а стало быть, и любовь к нему, и готовность пожертвовать собой ради него.

Борис ЛЕОНОВ,
доктор филологических наук.

Владимир Максимов. Русский писатель. Хорошо известен на Западе. Да и у себя на Родине он тоже известен, сейчас... Только сейчас.

Родился в 1930 году в рабоче-крестьянской семье. Писал стихи, повести. Одна из них — «Мы обживаем землю», была высоко оценена Константином Паустовским и опубликована в его знаменитых «Тарусских страницах». В 1973 году Максимов выпускает в свет роман «Семь дней творения». В этом же году его... исключают из Союза писателей СССР, объявляют диссидентом и вынуждают покинуть Отечество.

Во Франции Максимов создает многие интересные произведения — роман «Заглянуть в бездну», повесть «Ковчег для незваных», пьесы (все они, к слову, вошли в состав восьмитомного собрания сочинений писателя, которое выходит сейчас в издательстве «Терра»). С 1975 года он главный редактор журнала «Альтернативной», литературы и философии «Континент», выходящего в Париже. Побывать на Родине Максимов смог лишь недавно.

С известным деятелем русского зарубежья беседует литературовед Дмитрий КОРОЛЕВ.

Владимир МАКСИМОВ:

“ЕСЛИ Б Я ЗНАЛ, ЧТО ВСЕ ТАК ОБЕРНЕТСЯ...”

— Владимир Емельянович, многие годы вы боролись с тоталитаризмом. С чем вы будете «воевать», теперь?

— Вы знаете, в конце жизни у Александра Керенского спросили, с чем бы он боролся, окажись вновь в России на положении ее официального правителя. Он ответил: «Я бы боролся с керенщиной!»

Так и я. Я боролся против Идеологии. Но когда я вижу, что с ней более или менее покончено, а разрушение государства, страны, культуры продолжает углубляться, то я теперь часто, скажу вам откровенно, задаю себе вопрос: а стоило ли все начинать? Если б я знал, что все так обернется...

Проблемы в России — и не только — стали еще более сложными, более кровавыми. Да — кровавыми! И еще неизвестно, чем все это может кончиться. В мирной, красивой Югославии вдруг все в буквальном смысле взорвалось. Море крови! Как это могло произойти?

Ко мне часто приходят общественные деятели из Польши, Югославии и говорят то же самое: «С крушением коммунизма наши беды не закончились...»

А возьмем проблему границ между республиками. В России никогда никаких границ не было! Многонациональное единое образование, Америка восточного типа. И все границы, установленные некогда в СССР, — искусственны. Что это, спрашивается, за государственное образование — Удмуртская республика, где 70 процентов населения русские? Или, скажем, Еврейская автономная область, в которой почти нет евреев? Искусственно вносимый национальный аспект — ущербен.

Но, что ни говори, границы теперь существуют. И люди, уставшие от тоталитаризма, спешат разойтись по национальным квартирам. Но зачем?!

Я готов был бы и с этим согласиться, если б это остановило трагедию. Но, увы... Грозит самая настоящая гражданская война. И не только в Грузии. Посудите сами: у многих республик есть территориальные претензии друг к другу. Скажем, у Татарии — к Башкирии, у Башкирии — к Татарии и так далее...

Считаю, "разводиться" нам не следует. И это все чушь — разговоры о колониализме. Абсолютная! Я работал в юности под Батуми, в совхозе. Еще тогда я обратил внимание: все рабочие — украинцы и русские, а начальники — грузины. Где же вы видели такой народ-колонизатор, который бы выполнял за порабощенных самую черную работу? Какой же это колониализм?

Когда имею возможность, я всегда говорю политикам-националистам: "Вы обрекаете и свой народ, и самих себя на погибель!". Но они, как видно, мало прислушиваются к здравым словам, откуда бы они ни исходили. Ведут себя как бегуние к пропасти свиньи, в которых, по библейскому преданию, вселились бесы. А пропасть уже близка.

Если не будет объединяющего центра, то наша страна очень скоро превратится в вечный Ливан, который втянет в свою черную дыру весь мир...

— Владимир Емельянович, в одном из своих интервью (июнь 1991 года) вы говорили: "Я приезжаю в Россию третий раз. В первый раз уезжал с осторожным оптимизмом. Затем — с еще более осторожным оптимизмом. Сегодня я уезжаю, взирая на будущее страны с осторожным пессимизмом". И вот вам предстоит вернуться в Париж уже в четвертый раз... Кем вы себя сегодня считаете — оптимистом или пессимистом?

— Теперь себя ощущаю глубочайшим пессимистом: я не уверен, что моей родной стране удастся выйти из тупика.

Наряду с восстановлением тканей жизни происходят разрушительные процессы — все те же межнациональные столкновения, дележ национальных богатств, географическое изменение границ. Вот с этими-то бедами, господа, как справиться? Точно не знаю. Но выход, возможно, есть...

— Какой именно?

— Диктатура... Я имею в виду не реакционный переворот (узнав об августовских событиях, я сразу сказал: ничего хорошего из этого не получится), а цивилизованную диктатуру. Я убежден: рынок, даже самый радикальный, пияшевского толка, может быть осуществлен в нашей многонациональной стране лишь в условиях абсолютного гражданского и правового порядка. И не надо заговаривать себя словами демократических лозунгов. Необходим переходный период. В политике надо умело сочетать Пияшеву с Пиночетом...

— ?

— Скажу вам так: при проклятом всеми Пиночете существовало — после двухгодичного, правда, перерыва — около сорока (!) оппозиционных газет. Въезд и выезд были свободными. И перед первыми демократическими выборами генерал Пиночет пригласил в страну всех своих противников, предложил им участвовать в "президентской гонке".

Выборы, как вы знаете, он проиграл — передал страну демократам. И сегодня Чили процветает — и экономически, и "демократически" — страна...

А я, например, до сих пор знаю о возвращении мне советского, то бишь российского, гражданства из сообщений в прессе. Мне не удосужились даже официально сообщить об этом, хотя бы через нашего посла в

Париже. Я уже не говорю о том, что никто не приглашает меня к участию в политической жизни. Вот и считай: приехал — для тебя это большая удача. Разница есть?... А они еще называют себя демократами...

Повторюсь: для России просто необходим переходный период, нам есть чему поучиться и у Пияшевой, и у Пиночета... Стране, вступающей в рынок, просто необходимо хотя бы временный порядок во всем. А не хотите — приготовьтесь к трагическому концу. Погибнут все — и правые, и левые. Страна погибнет!

— Возлагаете ли вы в связи с этим надежды на армию? Может ли она, на ваш взгляд, положить конец сползанию общества в пропасть?

— Не знаю... То, что происходит сейчас в армии, я не могу расценить иначе, как разложение. И виновато в этом прежде всего общество, которое не хочет позаботиться о своих защитниках. Более того — зачастую подвергает их злобным нападкам, унижениям. Я имею в виду не только бедственное материальное положение военнослужащих...

В истинно демократических странах, на опыт которых стало модным ссылаться, вы не встретите в прессе огульно-критической информации по адресу армии: там хорошо понимают, что армия — это такая институция, которая является гарантом целостности страны. И это при том, что на Западе тоже не избежали серьезных просчетов в организации военной службы. Зачастую там они даже больших масштабов. По самым что ни на есть официальным данным, в американской армии в мирное время гибнет в два раза больше людей, чем в российской. При гораздо, замечу, меньшей численности.

Один русскоязычный журналист на Западе мне сказал: "Происходит это потому, что маневры американской армии проходят в условиях, максимально приближенных к боевым". Я же ему сразу в ответ: где, мол, они максимально "приближены" — так это у нас, в России; так что указывать сей причины не надо.

Недопустимо, на мой взгляд, и вообще муссировать подобные темы: к добру это привести не может. К сожалению, последнее понимают далеко не все... Почему у нас не могут (а точнее — не хотят) цивилизованно относиться к армии? — вот в чем вопрос.

— А как бы вы сами на него ответили?

— Я думаю, что нападки на армию не случайны. Кое-кому очень выгоден ее окончательный развал. Не надо забывать: мы живем не в золотом веке. Ошибочно представление, что на Западе живут лишь милые, великодушные люди, которые не строят никаких агрессивных планов.

Пока что в мире идет ни на минуту не прекращающаяся борьба за сферы влияния, за территории и сырьевые источники. Возьмем, к примеру, цивилизованную Англию. Несмотря на свои либерально-демократические традиции, она не постеснялась задействовать авиацию, флот, сухопутные войска для того, чтобы отстоять крошечные Фолклендские острова.

Другой пример: американцы высаживаются в Саудовской Аравии. И опять не стесняются, заявляют, что это — сфера их национальных интересов. Нальцо не борьба за демократию или чью-то там свободу, а погоня за сырьевыми источниками, от которых зависит судьба Америки и, быть может, всего западного мира.

Сегодня там все уяснили: от нас больше не исходит никакая угроза. Но, несмотря на

это, форсировать сокращение своих армий не спешат, ибо там прекрасно понимают, что по-прежнему существует такое понятие, как национальные интересы. Мы же о нем, к сожалению, забываем напрочь! Как позорно забываем и о тех, кто должен защищать эти самые интересы.

Случай с офицером милиции Сергеем Парфеновым — идиотизм, вероломное предательство. Если хотите, судите тех, кто отдавал эти, возможно, преступные приказы. Вызовите в Латвию, скажем, Горбачева, пусть сажают Горбачева, пусть сажает за решетку его. Это будет много честнее, да и справедливо...

А вообще-то негоже великой России идти на поводу у государств, где правят фашистские режимы.

— ?

— Я не оговорился. В Прибалтике действительно установились фашистские режимы. И это отчетливо видно в тамошних законах о гражданстве. Они — откровенно расистские. Прямо говорю, по меркам цивилизованного общества — фашистские законы. На содержащихся в них ограничениях прав граждан настаивал в свое время и Ле Пен, которого ненавидит вся Франция.

Лично я от всего сердца желаю свободы народам Прибалтики. Но с горечью вижу, что на смену тоталитаризму там приходит... тот же самый тоталитаризм, но теперь — с националистической, нацистской окраской.

А уж дойти до такой гнусности, безмерно унижающей самих литовцев, — удержат у себя мрамор с могилы Черняховского!.. Это же самое настоящее мародерство! Ничтожно-мелочное, торгашески-базарное.

Когда мне, кстати, рассказывают о якобы имеющем место демократизме прибалтов, их устоявшихся демократических традициях, я всякий раз возмущаюсь: вешайте лапшу на уши кому-нибудь другому... Прибалтика была независимой лишь очень короткий промежуток времени — с 20-го по 40-й год, да и тогда там правила диктаторские, полуфашистские режимы.

История, таким образом, повторяется. Не видеть этого может разве что слепой или тот, для кого горе народа — надежное средство к быстрому обогащению.

— Владимир Емельянович, а не бонтесь ли вы, что ваша позиция как по гражданским, так и по военным вопросам вызовет ярость тех, для кого слово "патриот" является ругательным?

— Волков бояться — в лес не ходить. Я и раньше об этом не заботился. А теперь, на седьмом десятке, и подавно.

Принципы — для меня это свято. Великое право и великое счастье — говорить то, что думаешь. А "эти" — пусть кричат что хотят.

Те же, скажем, "Московские новости"... Я вот Лена Карпинского знаю тридцать лет. Как-то ему говорю: "Послушай, дорогой, в твоей газете меня критикуют уже... с антикоммунистических позиций (!). А ведь всего полтора года назад две странички „МН" были посвящены величайшему событию в истории человечества — твоему возвращению в лоно коммунистической партии... Да где, говорю, предел твоему безстыдству?" В свое время он топал на нас ногами, а в 63-м году, когда был секретарем ЦК комсомола по пропаганде, кричал: "Я вам покажу демократию!". А теперь ты смотри-ка!

Перевертышей в так называемом СНГ нынче хоть пруд пруди. Не верю я им, бывшим махровым партократам, а теперь "авангарду демократии", хоть убейте — не верю! Таким людям, считаю, верить просто нельзя!

В дни августовского путча я услышал по радио "Свобода", заявление генерал-полковника Кобеца, которое обошло затем все газеты мира. Кобец заявил тогда буквально следующее: я согласен, мол, быть министром обороны России, но лишь в том случае, если мне поручат командовать расстрельным взводом. Доверять то есть казнить путчистов (!).

Я считаю, каждый, конечно, человек может выражать свои скверные наклонности. Но генерал, который готов стать палачом, должен быть немедленно отправлен в отставку, исключен из офицерской корпорации, а не, наоборот, повышен в воинском звании!

Есть ли у названного генерала хоть какое-нибудь представление об офицерской этике и чести? Думаю, что нет. Иначе бы он так не подставился...

Вскоре после путча я написал в "Комсомольскую правду", большой материал, где рассказал и о "проколе" Кобеца. Но, увы... Этот важный абзац из статьи безжалостно вырвали. Вот вам и гласность...

И тогда я посоветовал президенту Ельцину побыстрее избавиться от такого "министра". "Если он сегодня, — говорю Борису Николаевичу, — не моргнув глазом, готов расстрелять своих вчерашних начальников, то завтра, когда политическая конъюнктура, возможно, изменится, хладнокровно „шлепнет" и вас. Не роите себе сами яму..."

— И что же президент?

— Молчит, улыбается. О чем он тогда думал, я не знаю. Что же касается слова "патриот", от которого президент почему-то отмахивается... Французы, к примеру, те все патриоты. Президент страны постоянно в своих выступлениях говорит: "великая Франция", "великий народ", "великая культура". Почему же мы стали самих себя стесняться? У нас много больших недостатков, но у нас есть немало и достоинств. У нас есть чем гордиться! Мы не хуже других народов!

Мазохизм же самоубийствен. Читаешь статьи: Чехов, мол, ничтожество, и Толстой — тоже, и культуры никогда не было. За границей никому в голову не придет взять и задним числом потоптать Бальзака или Стендаля, или, скажем, даже Наполеона.

Зачем? Что это даст, разве народ тогда лучше заживет?... Раньше Достоевский писал о Смердякове, а теперь Смердяков получил высшее образование и пишет о Достоевском. Так?

— Владимир Емельянович, раз уж разговор зашел о литературе, задам вам такой вопрос: могут ли, на ваш взгляд, хорошие книги изменить мир к лучшему?

— Изменить — да. Но не спасти. Если бы влияние печатного слова на дела и помыслы людей, выражу свое субъективное мнение, было столь велико, то нам вполне хватило бы и одной книги — Библии.

Но книги, которые учат читателя Добру, Мужеству и Благородству, безусловно, очень нужны.

— И последний вопрос: что бы вы пожелали читателям журнала внутренних войск МВД России?

— Мужества и чувства собственного достоинства. Это — главное во все времена, — сказал в конце нашего разговора писатель Владимир Максимов, а затем, немного подумав, написал на своей фотографии — первой странице романа "Заглянуть в бездну": "Читателям и сотрудникам — с Надеждой. В. МАКСИМОВ."

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Анатолий ШЕЛКОВ

ВЕСЕЛЯЙСКИЙ ГАРНИЗОН

Повесть

1. ДВОЙНИК

Когда немцы вошли в Шяуляй, Казимирас Бубнис арестовывал тех, кто считался активистом при Советах. Так убрал всех своих врагов, всех, кто хоть раз посмотрел на него искоса.

Нет, пожалуй, не всех. Остался на свободе Янулис Казлаускас, парень на два года моложе его самого. Злые языки поговаривали, будто мать Янулиса родила сына от Бубниса-старшего. Парень и в самом деле по-братски походил на Казимираса: и ростом, и цветом волос, и овалом лица. Его надо было арестовать и шлепнуть одним из первых, но Бубнис-старший сказал коротко и ясно:

— Сделаешь это — считай, что потерял меня.

— Значит, правду люди говорят: твоих он кровей, да?

Тот ничего не ответил, вышел из дома и курил во дворе папиросы до глубокой ночи.

Вскоре отец умер, но исчез из поля зрения и Казлаускас: подался к русским.

А Казимирас добросовестно выполнял все задания немцев, потом, когда линия фронта пролегла через Прибалтику, ушел в леса.

Попался, как говорится, на горячем: при вооруженном нападении на сельсовет. Под усиленным конвоем его и еще одного арестованного, лейтенанта СС Вернера, везли из поселка в райцентр на машине, и Бубнис понимал, что это его последняя поездка в жизни.

И тут ему крупно повезло: то ли мина, то ли старый снаряд попал под колеса машины, и взрыв был такой силы, что выкинул из кузова людей далеко за обочину дороги. Кто остался жив, кто убит, кто ранен — это, понятное дело, Казимираса не интересовало. Он, едва придя в себя, сразу зашпел в лес. Бежал не оглядываясь, хотя и слышал, что кто-то топает за его спиной. Понимал: были бы это охранники — стреляли бы. Знакомой тропой проскочил через болото и лишь тут позволил себе короткую передышку, упал в траву. Через полминуты рядом с ним опустился еще один беглец, Вернер.

— А говорят, чудес не бывает, — тяжело дыша, сказал лейтенант.

— Чудо будет, если нас не догонят, — ответил Бубнис. — Я знаю их: даже раненные, и то по нашему следу поползут. Отрываться надо.

Они опять побежали, привалов не делали до самого вечера, пока не оказались на берегу Немана. Там зашли в воду, держась за бревна, поплыли вниз по течению и вновь вышли на берег лишь тогда, когда уже совсем стемнело.

Здесь они расстались: немец углубился в лес, искать пути, чтобы пробраться к своим, а Бубнис отправился в Шяуляй, где жила его тетка по матери.

Нельзя сказать, что родственница очень уж обрадовалась при виде

Полковник в отставке А. Шелков — очевидец и участник событий, о которых идет речь в повести. "Веселяйский гарнизон" — первое произведение нашего автора.

племянника. Казмирас попытался ее успокоить: мол, в этом районе его никто не знает, он здесь редко бывал, но услышал в ответ:

— Появился на днях тут один общий знакомый, рядом живет. Казлаускаса помнишь?

— Янулиса? Вернулся?

— Вернулся. По ранению. Орден, медали... Правда, собирается на днях уезжать, у него ведь в городе никого не осталось, мать при бомбежке погибла, а отец... — Она выразительно взглянула на племянника, вздохнула. — Знаешь, Янулис к нему на могилку ходил... Вы так похожи, так похожи...

— Да, — сказал Бубнис, — мне ему на глаза попадаться нельзя. А когда он уезжает? И куда?

— Дня через два, в Веселяй, есть такое местечко, слышал? Там его дядя родной живет. Они, правда, последний раз виделись, когда Янулис пешком под стол ходил... Дядя-то ничего живет, зажиточно. Узнал как-то о родственнике, переправил письмо в Шяуляй: приезжай, мол, племяш, ко мне, я один как перст остался, здоровья нет, на ладан дышу, так что передам тебе все свое хозяйство. Вот туда и едет Янулис.

— Веселяй, захолустье, — задумчиво сказал Бубнис. — Мне бы туда, чтобы отсидеться какое-то время.

Тетка кивнула на окно:

— А вон и Янулис, легок на помине.

По дорожке к соседнему дому шел, прихрамывая, высокий русоволосый мужчина в солдатской гимнастерке.

— Осколком ему ногу порвало, — пояснила хозяйка. — И с правой рукой что-то случилось: пальцы едва шевелятся. Но врачи говорят, рука восстановится.

— И что он, вечерами дома сидит?

— Нет, я просто уверена, что сейчас возьмет удочки и к речке пойдет, он все время туда ходит.

— Это хорошо... Я, тетя, тоже уйду, не буду вам надоедать, да и опасно здесь торчать.

Уже темнело. Бубнис вышел на улицу, огляделся. Недалеко от теткиного дома виднелись развалины многоэтажки — следы недавней бомбардировки. Он походил по битому кирпичу, подобрал толстый металлический прут, взвесил его на руке. Потом выбрал такое место, откуда хорошо был виден дом Казлаускаса...

Дядя Янулиса, Ионас, действительно был тяжело болен, уже несколько дней даже не поднимался с постели. Родственника он встретил тепло, в первый же день пригласил соседей, сказал принародно: вот он, мой наследник. Но следующим утром произошло вот что. Племянник проснулся оттого, что почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Оказалось, это Ионас, лежавший на кровати у противоположной стенки, внимательно рассматривает его.

— Ты что, дядя?

— Вчера, во время встречи, все я забыл, старый дурень. Мне же говорили, нога у тебя изуродованная. Врали, что ли? И потом, помню, родинка была у тебя на плече...

Никто не удивился тому, что старый Ионас помер. Все говорили: "Вишь как, выпил стопку на радостях, а ведь нельзя ж было, сердце и так еле дергалось...". И хвалили племянника: не поскупился на поминки.

2. РАЙСКИЕ КУЩИ

Местечко Веселяй, куда прибыл сержант Ларцев, ему очень даже понравилось. Вид — как на художественной открытке: небольшая площадь, мощеная брусчаткой, старинный костел, стены которого увиты плющом, аллея огромных лип, синяя гладь озера, а по берегам — дома с островерхими крышами, крытыми красной черепицей. Было тихо, по-домашнему мирно, дружелюбно гудели шмели.

— Хорошо тут у вас, — не выдержав, сказал он старшему лейтенанту Нолину, начальнику гарнизона, после того, как завершилась их краткая беседа по поводу прибытия сержанта к новому месту службы.

Офицер, похоже, восторженности Ларцева не разделял, ответил раздраженно:

— Да уж... Райские кущи. Ладно, пойдемте, представлю вас вашим подчиненным.

Шестеро бойцов выстроились на площадке внутреннего дворика. Первым стоял ефрейтор Егоров. Высокий, широкий в плечах, чуть грузноватый, он, судя по двум медалям на гимнастерке, был уже закаленным бойцом, и это обрадовало Ларцева. Рядовой Таиров, пулеметчик, такого же роста, но худой, со злыми темными глазами. Рядом с ним замер рядовой Беленький — как он ни тянулся в струнку, но доставал головой лишь до плеча соседа. Однако и живая улыбка на губах, и веселые чертики в глазах солдата говорили о том, что лихости, энергии ему не занимать, а это качество для военного человека совсем не второстепенное. Полуэктот — такова была фамилия следующего бойца. Ларцев подумал, что он музыкант: мечтательные голубые глаза, тонкие полупрозрачные пальцы. Пятым в строю стоял рядовой Дудка, низкорослый, но широкогрудый и потому кажущийся квадратным. Таким же квадратным был и подбородок на его плоском невыразительном лице. Замыкал строй худенький боец с редкими белесыми волосами, больше похожий на мальчонку-пастушка, чем на солдата. Казалось, что медаль, сияющую на груди, он выпросил у кого-то поносить на время. И фамилию тоже заимствовал, улыбнулся про себя Ларцев, ну разве для такого хилыка фамилия Громов?!

Нолин ушел, разошлись и солдаты, сержант остался на плацу с ефрейтором Егоровым. Его-то и спросил в первую

очередь о Громе: за что, мол, награду имеет?

— За танцы, — хохотнул Егоров. — Во всем Союзе второго такого чечеточника не найдете... А если серьезно, следопыт он классный. Благодаря ему мы тут и взяли одного бандюгу. Представляет, собака след не держала — сыпанул он чего-то, а Боря Громов ребят повел, еще и поучал по пути: вот веточка сломана, вот цветок сбит, вот след от правого каблука... Не тыкал бы он нас носом — не увидели бы мы этот след ни за что...

— И что, арестовали бандита?

— Нет, пристрелили. Он на хуторе засел, мог бы половину из нас положить... Да и не дался бы живым: при немцах лютовал тут, своих же сельчан не щадил. Громов его как раз и выцелил.

Егоров говорил об этом таким спокойным и будничным тоном, что Ларцев пожелал, спросил:

— И часто у вас такое? Бандиты, перестрелки? Население против нас все настроено, да?

— Да нет, мужики тут в основном спокойные, тихие. А по лесам шляются не местные. Называют себя защитниками народа, а грабят своих же. И убивают даже. Уголовники, одним словом. А часто или нет — это когда как. Раньше без роздыху по лесу да по хуторам за ними бегали, сейчас вроде тише стало, а что завтра будет — кто скажет?

Мимо них прошла молодая женщина, большие темные глаза словно бы подчеркивали болезненную бледность ее лица.

— Нюлочка, у нас с этого дня еще один едок прибавляется, сержант. Ты его, будь добра, покорми как следует, тем более что он и не завтракал еще.

Женщина окинула Ларцева быстрым взглядом, едва заметно кивнула, то ли здороваясь, то ли просто давая знак, что приняла слова ефрейтора к сведению.

— Это сестра нашего начальника гарнизона старшего лейтенанта Нолина, — пояснил Егоров, глядя ей вслед. — На ее глазах немцы мать и четырехлетнего братишку расстреляли, представляете? Вот и случилось с ней что-то: разговаривать не может. Все слышит, все понимает, а ни слова не скажет. На кухне работает... Кстати, пора на обед идти.

Ларцеву, как, впрочем, и другим, подали большую тарелку украинского борща со сметаной, жареный картофель с куском индюшатины, компот и пончики с кремом. Еще были на столе соленья, свежая зелень. После школы сержантского состава, где бойцы питались хоть и не впроголодь, но далеко не сытно, где веточка укропа за деликатес считалась, нынешний обед воспринимался как царский или, по крайней мере, праздничный.

— Вас что, каждый день так кормят? — спросил он соседа по столу.

— Бывает, и получше.

— А индюшатины откуда?

— У местных на американскую тушен-

ку меняем, у нас этих консервов до черта.

После обеда бойцы не спеша потянулись в курилку, вместе со всеми пошел и Ларцев. Там уже были только что возвратившиеся с задания солдаты первого отделения сержанта Петина. Выглядели они так, словно из театра вернулись: шутили, смеялись.

— А чего, — сказал Петин, знакомясь с Ларцевым и отвечая на его вопрос, как прошел день, — ягоды наелись, хорошие травы для чая собрали, привал пару раз устроили... Нормальный день. Мы же не к "Лепсне" ходили, а тут, неподалеку были.

"Лепсной", оказывается, назывался самый дальний от Веселяйского колхоз. На катере по воде до него — шесть километров, а если идти по суше, в обход болот, то больше десяти. Создан он на месте бывшего графского имения и пользуется дурной репутацией у бойцов. Часто там шалют "лесные братья".

Первый председатель от них едва убежал и не захотел больше туда возвращаться, второго бандиты повесили, хоть тот каждую ночь прятался от них в схроне. Сейчас в "Лепсне" третий председатель, "одноногий дьявол", Альгис, человек отчаянный, умеющий постоять за себя, но во всей округе как уже о чем-то неоспоримом говорят о том, что рано или поздно националисты сведут и с ним счеты. Бойцы гарнизона в районе того колхоза постоянно бываю, и стычки с бандитами там же чаще всего случаются, но прищучить врага трудно: густые леса, болота...

— Впрочем, чего я тебе все рассказываю, — закончил Петин. — Скоро сам все увидишь. В тех краях, между прочим, сады хорошие и рыбалка есть.

Подошел Егоров:

— Вы, товарищ сержант, в футбол играете? "Ястребки" пришли, хотя с нашими сразиться.

— Когда-то играл, — ответил Ларцев. — На левом крае.

— Ну так переодевайтесь.

"Индюшатины, сметаны, ягоды, рыбалка, теперь вот футбол... Ну чем действительно не райские кущи?" — подумал Ларцев и довольно улынулся. Нет, черт возьми, здорово все-таки, что после учебки он попал именно сюда.

— Вы только, товарищ сержант, против ихнего капитана играйте внимательней, — дал ему совет ефрейтор. — Сильный, бык, по ногам лупит, будто за свою хромоту мстит.

— А кто у них капитан?

— Вы же все равно не знаете. Янулис Казлаускас...

"Ястребки", или "истребки", — так называли бойцов истребительных батальонов, комплектованных из числа советских активистов, способных владеть оружием, без отрыва их от постоянной работы. Организовывали их при городских, районных и уездных отделах НКВД. Оперативные работники НКВД создавали в колхозах, совхозах, на отдельных промышленных предприятиях группы содействия. Командиром одной из таких групп и был Янулис Казлаускас. (Прим. автора).

3. СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Уже на похоронах старого Ионаса Бубнис-Казлаускас ходил, заметно прихрамывая на левую ногу. В документах, которые Бубнис изъяз у убитого им Янулиса, была справка о ранении.

Военком, когда Бубнис пришел становиться на воинский учет, сразу обратил на нее внимание.

— Кость, говоришь, цела? Это хорошо, потому как мясо всегда нарастет. А потому определяю тебя, товарищ, в истребительный батальон. Воевать ты, судя по наградам, умеешь, человек в наших краях не чужой, так ведь?

— Так, — быстро согласился Бубнис, не желая вдаваться в подробности на эту тему. А про себя отметил: «Может, это и к лучшему. Буду делать то, что захочу, и иметь официальное прикрытие».

Новые обязанности его не очень обременяли. Он так вошел в роль, что, даже когда оставался один, все равно подволакивал ногу. В поездках, как и положено командиру, наставлял своих «ястребков», соблюдать дисциплину, часто покрывал на них, реквизируя на хуторах самогонные аппараты и считался на хорошем счету у начальства. Несмотря на огромное желание выйти на след «лесных братьев», и установить с ними контакт, сделать это долго не удавалось. А когда такая встреча состоялась, то поначалу Бубнис горько пожалел о ней...

С двумя бойцами своей группы он отправился на дальний хутор, где всегда было тихо и мирно, где можно было разжиться хорошим медом, попить парного молока. Хозяевам было наплевать на политику, во всяком случае в разговорах они ее тщательно избегали, интересовавшись лишь ценами на продукты и барахло. Чувал Бубнис, что не такие они простые, как хотят показаться, потому и желал наведаться сюда лишней раз.

Все шло вроде как обычно. Посидели, языки почесали, молочка попили. Но только в обратный путь отправились, еще хутор за деревьями не скрылся, как почувствовал Бубнис тревогу. В крови это у него было — чувство опасности. Рука уже к кобуре потянулась, но все равно было поздно: спереди и сзади затрещали кусты, несколько человек с оружием на изготовку вышли на тропинку. Тот, который оказался ближе к Бубнису, не говоря ни слова, совершенно неожиданно сделал короткий замах и ударил Казимираса прикладом автомата в висок.

Очнулся он, судя по всему, нескоро. Земляной лежак, темные земляные же стены, свеча на грубо сколоченном столе. Понял: успели его уже притащить в бункер. Один из мужиков, сидящих за столом, заметил, что Бубнис зашевелился, спросил:

— Что, «ястребок», отлетелся?

Не зная, что ответить, он более внимательно осматрелся. В двух метрах от него сидел, покачиваясь, боец его

группы. Еле узнал: лицо все залито кровью. Второго бойца не было.

— Дружка своего ищешь? Так он по своему собственному усмотрению пошел дерево выбирать, на котором скоро висеть будет, вместе с тобой, естественно. Гордый и идейный, молчит, хоть мы ему шкуру и попортили малость.

Бубнис знал, что это означает: сам ножиком баловался, когда с активистами Советов «по душам» говорил.

— Этот-то, — продолжил мужик, — умнее оказался, все выложил. Даже то, как храбро ты на фронте сражался и медали от коммунистов получал, иуда. Этот жить останется, а ты, Янулис Казлаускас, ответишь за то, что хозяев разоряешь, что ведешь пропаганду против своих.

«Грамотно говорит, — отметил про себя Бубнис. — Такому трудно будет что-то сейчас доказать. И ведь действительно могут повесить. Вдвойне обидно от своей смерти принять».

— Я бы мог кое-что сообщить вашему руководству, — просипел он пересохшим вмиг горлом.

— А нам от тебя ничего и не надо. И потом, с предателями мы не торгуемся.

— Готовится большая операция, в войска поступил приказ, — начал Бубнис, словно не расслышав реплику мужика.

— Да? — тот поднялся с места, подошел к избитому «ястребку», несильно ударил его в лицо. — А чего же ты молчишь?

— Я бы сказал, если б знал. А Казлаускас с начальством якшается, он в курсе. А я бы сразу сказал, если б знал...

— Ладно, помолчи, — прикрикнул мужик и оценивающе взглянул на Бубнису, словно пытаясь угадать: не врет ли тот? Придя к какому-то решению, повернулся к столу, обратился к парню, пьющему чай из кружки: — Слышь, а ну смотайся за немцем.

Парень вышел, и в землянке воцарилось молчание. Мужик словно потерял к задержанным всякий интерес, принялся листать старую потрепанную книгу, и Бубнис почувствовал: какая-то тоска наваливается на него. Не страх, а именно тоска: по жизни, которую он очень любил. Сама пуля или петля — это ничто, он сам убивал и вешал, и сам осознавал, что рано или поздно грань между жизнью и смертью переступит, но сейчас... Он не любил женщины, не приобрел верного друга — все это, думалось, будет со временем... Теперь — все!

— Что тут у вас? — на пороге появился высокий худой человек с удивительно знакомым голосом.

— Не «что», а «кто», господин лейтенант. — Бубнис завозился на землянном полу, пытаясь встать, но со связанными руками и ногами сделать это оказалось нелегко.

— Казимирас? — удивился вошедший. — Вот так встреча! Ну-ка, выйдем на воздух, расскажешь что к чему.

Говорили они долго и пришли к заключению, что Бубнису следует возвра-

тяться в Веселяй. Сделать это теперь, конечно, будет непросто, поскольку появились свидетели — два «ястребка». Но сам же Бубнис и нашел хороший выход.

— Одного надо шлепнуть, того, который сейчас в землянке. Он видел, что мы знакомы. И потом, единожды предавший... А со вторым поступим проще...

Когда тот, второй, в ссадинах и кровоподтеках, появился вновь в бункере, он увидел своего командира связанным и стонущим.

— Вешайте! — с трудом выдавливал он слова. — Мы до вас, бандитов, все равно доберемся!

— Вы не доберетесь, — хохотал сидящий за столом мужик. — А если и доберетесь, то завтра утром — до ближайшей осины, на которой вас уже петли дожидаются.

— Ничего, другие придут, отомстят за нас.

На ночь их поместили в схрон, снаружи приставили часового. Казлаускас зубами развязал узлы на руках своего «ястребка», тот полностью освободился от пут, помог то же сделать командиру. Лаз в схрон открылся на удивление легко. Часовой спал, пригравшись у костерка. Беглецы незамеченными растворились в гуще деревьев.

По возвращении к своим Янулис Казлаускас стал чуть ли не героем. Еще бы: побывать в логове врага, совершить дерзкий побег — это многое значит.

Сразу же в день возвращения он повел бойцов батальона к тому дальнему хутору. Бандитские убежища нашли быстро, но, к сожалению, они были уже пусты. Впрочем, этому никто не удивился. «После побега «ястребков» бандиты, конечно же, предвидели, что сюда нагрянут внутренние войска, и сменили «квартиры», — заключил старший лейтенант Нолин, и с ним согласились все.

4. «ПРОБУКСОВКА»

Начальник гарнизона инструктировал Ларцева долго. Служит он тут недавно, ни в людях еще не разобрался, ни на местности как следует не ориентируется, а задание не из простых. Надо с отделением сопровождать председателя волисполкома и двух уполномоченных по заготовкам. Обеспечить им охрану, это во-первых, а во-вторых, брат на заметку, запоминать все, что имеет отношение к «лесным братьям».

Сержант вышел, а Нолин опять углубился в свои невеселые мысли. Ерунда какая-то... Сколько раз в последнее время получал он верную информацию о бандитах (а то, что информация верная, он не сомневался: давали ее люди надежные), сколько раз бросал к местам предполагаемого сбора бандитов бойцов, выставлял засады — все попусту. Теплая зола в их печах, неостывшие чайники, дым махорочный еще под

потолком витает — а их самих застать не получалось. Начальство сверху высказывало недовольство: «буксуешь», Нолин, раньше за тобой этого не замечалось.

Старший лейтенант в войсках не новичок, на мякине его не проведешь, и причины «пробуксовки», он чувствовал ясно. Идет утечка информации! Потому условленными обозначениями он пишет на листке фамилии тех, кто был посвящен в ту или иную операцию. Располагает столбцами, по числу операций. Даже сестру, Нюру, заносит в списки: бывало, некоторые детали обсуждались во время обедов, когда она накрывала на стол...

Шесть человек во всех столбцах... Страшно даже про себя произносить, но кто-то из них — информатор бандитов. Казлаускаса, наверное, можно из списков вычеркнуть. Воевал хорошо и тут уже отличился...

Нолин поочередно останавливает взгляд на каждой из оставшихся фамилий. И их тоже, получается, можно вычеркнуть. Нет причин, чтоб не доверять.

Причин нет, а утечка информации есть. «Буду проверять всех! — Комендант собирает в стопку листы с непонятными для непосвященных обозначениями, убирает в стол. — О будущей операции из этой шестерки пусть узнают, к примеру, двое...»

Председатель волисполкома Янкаускас показался Ларцеву человеком нелюдимым, угрюмым. Сержант ехал с ним на первой подводе, и как ни пытался завязать разговор — ничего не получалось. На все расспросы ответы следовали сухие, односложные, создавалось впечатление, что председатель просто не желает общаться с военными. «Националист! — ругнул его про себя Ларцев. — Надо бы прощупать этого начальничка, может, враг?»

— Не бойтесь, что свои изругают вас за эти заготовки, а?

— Свои? — спросил Янкаускас, ожидая разъяснений.

Ларцев смутился:

— Я хотел сказать, земляки.

Председатель криво улыбнулся и ответил на вопрос сержанта после небольшой паузы:

— У меня есть свои убеждения, и против них я никогда бы не пошел.

Для Ларцева эти слова не совсем понятны, но у такого сурового собеседника разъяснений не добьешься.

Впереди показывается первый хутор. Дом, сарай — на сваях, видно, грунтовые воды близко. Хозяин — маленький, шустрый, обличьем страшно похож на Гитлера: та же челка, усики, мешки под глазами... Может, Адольф был кумиром хуторянина? Держи ухо остро, сержант.

Но тот только здоровается по-русски, а все переговоры с уполномоченными ведет на литовском. Ларцев в это время вроде бы бесцельно слоняется по

подворью, а сам старается замечать все, что кажется подозрительным. Подвал бы проверить, чердак, в сундуки заглянуть — не прячет ли там оружие или даже самих бандитов хозяин?

К сержанту подходит Янкаускас, видно, догадывается, о чем тот думает, спрашивает:

— Пушку найти здесь не хочешь? — и, видя смущение на лице командира отделения, поясняет: — Нет, я серьезно: загляни в сарай.

Ларцев внутренне готовый к тому, что это розыгрыш, улыбаясь, идет все-таки к сараю, открывает дверь... Пушка! Самая настоящая, противотанковая, ствол смотрит на него. Янкаускас уже рядом, поясняет:

— Не удивляйся и не хватайся за оружие, сержант. Такое на каждом хуторе найти можно. Хозяева у нас рачительные — все, что подвернется, к себе тащат. Тут после боев много техники по болотам стояло.

— А зачем же ему пушка?

— Колеса на возок приспособит, ствол вместо трубы пойдет... У мужика ничего не пропадет. А ты, сержант, прошу тебя, не смотри на каждого литовца как на потенциального врага. Не так это. А бандиты, что по лесам прячутся, — они для многих и есть бандиты. Хуторянин ничего хорошего их политика не принесет. И чтоб уж недосказанности между нами не было: я и под Москвой воевал, и Сталинград защищал... Из-под Курска в госпиталь попал, думал, не выкарабкаюсь. Так вот, я там и за Литву с немцами дрался, понимаешь? А теперь поехали дальше.

До сумерек еще в четырех хуторах побывали, потом Янкаускас сказал:

— Я с уполномоченными тут останусь, домой к себе заеду — недалеко отсюда, а ты, сержант, передай Нолину: в четверг ночью что-то затевается у большой водяной мельницы. Меж собой наши мужики об этом так говорят: сбор там будет у "братьев".

Сообщение Ларцева совпало с тем, которое Нолин получил другими путями. В ночь с четверга на пятницу на мельнице назначено совещание представителей формирований буржуазных националистов. Все съедутся сюда в крестьянской одежде, чтобы следующим днем, не вызывая подозрений, вместе с теми, кто приедет молотить зерно, покинуть место сбора. На мельницу в эту пору съезжается целый караван подвод, следовательно, всю операцию по захвату бандитов надо проводить в безлюдье, то есть ночью.

Нолин опять смотрит на составленные им списки. Кого посвятить во все свои замыслы? И когда? Сегодня уже среда. "Бойцы всегда в готовности, — думает старший лейтенант. — А этим, двоим из шести, скажу все в последний час. Мало того, попрошу кого-то из сержантов, к примеру Ларцева, быть внимательней..."

— Когда выступаем? — только и спросил офицера Казлаускас, узнав от него о планах предстоящей операции. — Мне надо людей оповестить.

— Это сделает наш боец. А к мельнице выходим уже через час.

Бойцы экипировались, выходили строиться, когда Нолин поинтересовался у Ларцева:

— Как, сержант, все нормально?

— Никто к нам даже не приближался, товарищ старший лейтенант. Правда, только что, минут пять назад, "ястребок", проходил, Казлаускас его папирсой угостил. А из посторонних никого не было.

— Точно "ястребок"?

— Ага. Новенький. Тот, которого сам Казлаускас и рекомендовал.

— Ладно, выступаем.

В три часа ночи отряд подошел к мельнице. До начала операции было еще около часа: за это время воинам предстояло занять намеченные позиции, привыкнуть к темени, а Нолину — получить информацию от разведчиков, которые таились тут еще с вечера, и, если надо, предпринять новые шаги для того, чтобы блокада объекта была полной. Хорошо продумал Нолин все варианты...

Кроме одного. Разведчики доложили: десять минут назад к мельнице подъехал всадник, и теперь с той стороны слышится подозрительная возня, скорее всего, "лесные братья", готовятся или разбежаться, или вступить в бой.

Эффекта внезапности не получилось. Вести людей вслепую на штурм наверняка небезоружных преступников не хотелось, и не было времени обдумать другие варианты. Его, Нолина, переиграли, он понял это. Завертел головой, пытаясь в свете бледной, тусклой луны разглядеть, где находится Казлаускас. И тут с чердака мельницы ударил пулемет.

Отвлекают огнем, подумал комендант, хотя бы мы ответили им тем же, все внимание переключили на чердак и не увидели, с какой стороны будут отходить в лес бандиты. Надо распорядиться...

Но никаких распоряжений Нолин не успел сделать. Пуля, точная, прицельная пуля, вошла ему в висок в то время, когда пулеметные очереди срезали ветки высоко над головой.

5. ИЕРОГЛИФЫ

В бою у мельницы погибло трое солдат и Нолин. Солдат похоронили здесь же, в Веселяе, Нолина — в уездном центре. Проститься с братом приехала еще одна сестра, старшая, Настя. С ней же уезжала отсюда и Нюра.

Сержанту Ларцеву поручили проводить женщину до станции, посадить в поезд. Тяжким было для него это поручение. Они не переставая плакали — теперь у них никого из родных не осталось.

До отхода поезда еще было время, и женщины стали переключать вещи в чемоданах: собиравшись в спешке, чтоб не опоздать. Тогда-то Нюра и протянула ему листок, исписанный Нолиным. Жестами объяснила: лежал, мол, вместе с письмами и другими личными вещами брата. Ларцев взглянул — ничего не понял: иероглифы какие-то, и все. Сунул в карман и вспомнил об этом листке только вечером, когда сидел в казарме. Почерк у Нолина был до того своеобразен, что сержант не сразу понял: в колонках проставлены инициалы. Некоторые повторяются, и тогда возле них появляются вопросительные и восклицательные знаки, плюсы, минусы. До отбоя ломал он голову, мало в чем разобрался...

А утром в Веселяй приехал из госпиталя оперуполномоченный капитан Виткаускас. Ранили его еще до прихода в гарнизон Ларцева, и потому он пригласил сержанта на беседу: каковы, мол, первые впечатления от службы, как настроение, почему бодрости на лице не видно? Поинтересовался и подробностями боя у мельницы. Он знал уже, что той ночью погиб и солдат из отделения Ларцева, рядовой Беленький.

— Как это произошло? Пулемет скошил?

— Нет, товарищ капитан. По своей же ошибке. Понимаете, накануне Нолин попросил меня...

И сержант рассказал оперуполномоченному о том, что начальник гарнизона попросил вести негласное наблюдение за двумя людьми. По этой причине рядовой Беленький не упускал из поля зрения "ястребка", Казлаускаса, но все было чисто: тот никуда не удалялся, ни с кем не разговаривал. Разве что со своим же подчиненным, да и то так: смеясь, парой фраз обменялись да куревом угостил. А у мельницы Беленькому вдруг показалось, что прямо у здания, у низкого окна, стоит тот, подчиненный Казлаускаса, блокирует, очевидно, бандитам прорыв на волю. "Я помогу ему, товарищ сержант", — сказал Беленький и, не дожидаясь ответа, побежал к окну. Граната взорвалась у него прямо под ногами...

— Ошибся он, товарищ капитан. Луна еле светила, как можно было человека разглядеть?!

Виткаускас согласно кивал головой, подбрасывая сержанту новые вопросы и вроде бы совсем незаметно, сама собой, речь зашла о том, как сам Ларцев оценивает события той роковой ночи.

— Мне трудно судить, товарищ капитан. Но вот тут Нюра Нолина нашла в вещах брата листок с иероглифами... Думаю, комендант исчеркал его за день, ну, максимум за два до боя: только во вторник вечером в батальоне появились флаконы с такими ярко-синими чернилами... Но лично я мало что понял в его столбцах.

— Мало — это уже кое-что. Выкладывай свои мысли...

6. БЕДА В "ЛЕПСНЕ"

Нового начальника гарнизона старшего лейтенанта Шальнова фамилия характеризовала на все сто процентов. По черту в черных глазах, легкая прыгающая походка, веселый звонкий голос. "Беспроволочный телеграф", — солдатские языки — быстро разнес информацию: сюда старший лейтенант назначен с понижением, чудом избежав более сурового наказания за то, что открыл из пистолета стрельбу в ресторане, где кто-то из посетителей нелепно отозвался о его жене. Все ломали головы: ну что же можно сказать плохого о Ядвиге, белокурой ясноглазой плячке, всегда улыбчивой, шустрой, как и ее муж?!

В обстановку Шальнов вник быстро. Объездил хутора, на удивление скоро запомнил фамилии солдат, в свободное время вместе со всеми гонял мяч, но в служебное не допускал никакого панибратства, ни в чем не отступая от уставов.

Чаще, чем раньше, воины стали отбывать на задания, но "лесные братья", оказывались неуловимыми, хотя в последнее время появлялись то тут, то там, отбирали у крестьян продукты, одежду, грозились расправиться с теми, кто помогает Советам. Бойцы возвращались в гарнизон усталые, злые, а Шальнов, внимательно выслушавая их, утешал то ли себя, то ли сержантов и офицеров одной и той же фразой: "Отрицательный результат — тоже результат". Почти всегда рядом с ним был при этом капитан Виткаускас, серьезный, сосредоточенный, — полная противоположность коменданту.

Отделение Ларцева на очередное задание подняли ночью. Инструктировал Шальнов. По его сведениям, на одном из хуторов появятся к рассвету бандиты: человека два-три, не больше. Придут они туда за хлебом, мясом, и надо постараться не упустить их.

Бойцы отбыли в указанный на карте район без особых надежд встретить там "братьев": уж который раз информация Шальнова не соответствовала действительности. Но все сделали как и положено: заблокировали тропки, ведущие от хутора, и стали ждать утра.

В легком предрассветном тумане двоих мужчин, вышедших из леса, они увидели издали. Те не таились — курили, переговаривались. Может, это вовсе и не бандиты? Гости, родственники, да мало ли кто может пожаловать на хутор?

Ларцев подал голос, когда незнакомцы были шагах в десяти. На его требование остановиться, поднять руки те отреагировали молниеносно: тут же отпрыгнули в разные стороны, в сосну, за которой стоял сержант, ударили сразу две короткие очереди. Бойцы тоже ответили огнем. На несколько секунд установилось затишье, Ларцев приказал незнакомцам сдать, но в ответ — ни звука, ни движения в высокой густой траве.

Соблюдая предосторожность, бойцы приблизились к тому месту, откуда стрелял один из "братьев". Тот, окровавленный, лежал, уткнувшись лицом в землю. Его перевернули на спину, он застонал, кусая губы. А что со вторым? Ранен, убит? Каково же было удивление солдат, когда второго бандита на том месте, откуда он вел огонь, не оказалось. Неужели за считанные секунды, пока отделение выжидало, а потом подбиралось к его напарнику, он смог незамеченными отползти к овражку с облепленными высокими папоротником и густой березовой порослью склонами? По этому овражку он может добраться до леса, и тогда...

С раненым остались ефрейтор Егоров и рядовой Полузтков, а Дудка, Громов и сам Ларцев закружили по траве, отыскивая следы беглеца.

— Видите, товарищ сержант, земля чуть пропахана? — спросил Громов. Ларцев, как ни старался, ничего не разглядел, но хлопнул бойца по плечу: молодец, мол, давай теперь веди.

Они двинулись, ежесекундно ожидая, что враг может послать в тебя пулю. Мешал ветерок: тербил траву, она волновалась и не выдавала того, кто уходил сейчас от них.

Громов, как ищетка, шел не оставиваясь. Овражек впереди заканчивался, растекаясь на узкие, как ручейки, промоины. От них до густого мрачного леса было рукой подать. Если Громов идет верно, то сейчас бандит должен или открыть огонь, упрятавшись, как в окоп, в одну из промоин, или, опять же стреляя, рывком преодолеть чистое пространство и затеряться среди деревьев. Надо быть особо внимательным.

Преследуемый выбрал второе. Он побежал, держа на отлете автомат, стреляя длинными очередями, и пули, как шмели, жужжали над головами то справа, то слева. Учитывая паршивую видимость и то, что беглец то и дело петлял, попасть в него было трудно.

— Не стреляйте, товарищ сержант, дайте мне! — закричал Громов.

Он прицелился с колена и, когда "лесной брат", почти поравнялся с первыми деревьями, хлопнул выстрел. Беглец упал и лежал теперь на виду.

— Молодец, — похвалил сержант бойца. — Наповал.

— Нет, товарищ сержант. Я ему в ногу метил, так что вы поосторожнее...

На хуторе взяли подводу, доставили бандитов в Веселяй. Там их встретил хмурый Виткаускас.

— Молодец, сержант. По нашим данным, взятые тобой — из той банды, которая захватывала Казлаускаса. Очень бы хотелось, чтоб они заговорили... А твоему отделению, к сожалению, отдохнуть не придется. Быстрый завтрак — и в путь. В "Лепсне, у нас ЧП. Альгис убит, два дома подожжено, отравлены колодцы.

— Альгис, "одноногий дьявол"? Как же они умудрились его врасплох взять?

— Вот это и попробуете там выяснить. С Шальновым на катере отбываете.

Вместе с Альгисом были убиты его жена и старшая дочь. Младшая, совсем еще ребенок, шесть лет только, спряталась за печкой, потому ее и не увидели бандиты. Рассказала она мало что, но с ее слов понятно главное.

Когда залаял пес и незнакомцы, четверо человек, подошли к их дому, Альгис взглянул в окно, сказал жене: "Свои". И вышел их встречать. Тотчас раздался выстрелы...

Значит, неожиданных гостей Альгис знал. Но, были бы это сельчане, их по голосам узнала бы даже девочка. Да и откуда у сельчан автоматы? Были бы это "лесные братья", они бы не смогли свободно разгуливать по поселку, на улицах которого председатель организовал патрулирование, да и Альгис был бы настороже, не признай он в пришельцах своих. Остается предположить одно: убийц в дом привел тот, кто не вызывал у председателя "Лепсны, никаких подозрений.

— Ты помнишь листок Нолина? — спросил Ларцева Шальнов, разглядывая стреляные гильзы, разбросанные по двору Альгиса. — Ты был тогда прав. Мы с Виткаускасом пришли к такому же выводу, начав поиск врага среди своих. В колонках — инициалы людей, число самих колонок соответствует количеству проведенных операций... Мы продолжили начатое, желая проверить еще и всю нолинскую агентуру. Теперь, после "Лепсны, мы почти наверняка знаем, кто и по чьему приказу привел в колхоз бандитов.

— Я, кажется, тоже догадываюсь, — сказал Ларцев. — Казлаускас, да?

Начальник гарнизона покачал головой:

— Нет. Командир "ястребков", третий день как болен, температурит, не выходит из дому. Мы уже проверили: эту ночь он спал у себя. И потом, тот, кто прошел фронт, кто награжден орденом, не предаст своих. Если только...

Шальнов помолчал, потом спросил:

— Знаешь, Ларцев, почему я тебе все это говорю? Ты должен быть в курсе, поскольку доверим мы тебе одно непростое дело...

Обговорили детали предстоящей операции. Потом Ларцев спросил:

— Так кто же все-таки привел бандитов к Альгису?

— По описаниям людей, видевших их, "лесных братьев", привел в "Лепсну, один из "ястребков", — Марчюленис. Тот самый, который тогда, на мельнице, сумел предупредить собравшихся бандитов о том, что задумал Нолин. И еще пару раз он попадался на нашу с Виткаускасом удочку: предупреждал своих об опасности по нашей ложной информации. Так что не совсем напрасно так

часто выходили наши бойцы на задание.

— А где сейчас этот гад?

— Мы сели этой группе на хвост, думаю, что найдем и попробуем взять. Хорошо, если бы Марчюлениса удалось захватить живым. Бойцы твоего отделения будут сейчас задействованы в этой операции, а ты отправляйся в Веселяй к капитану Виткаускасу. Получай от него инструктаж и заваливайся спать. Ночь будет трудная.

7. ТРУДНАЯ НОЧЬ

Старший лейтенант Шальнов и воины возвратились в Веселяй к вечеру. Бандиты, не подозревая о том, что их преследуют, вывели бойцов к своему становищу, и там разгорелся бой. Тяжелый, не обошедший без потерь для гарнизона: смертельную рану получил ефрейтор Егоров, осколки гранаты изрешетили грудь рядового Таирова. Две потери только в отделении Ларцева. Всего же при взятии бандформирования погибли восемь солдат, один сержант. Но была уничтожена и вся вражеская группировка: окло двух десятков «братьев». Не ушел от пули и Марчюленис.

— И у меня информация интересная, — сказал Виткаускас, выслушав начальника гарнизона. — Эти двое, которых захватил Ларцев, мало что сказали дельного, но одна деталь обращает на себя внимание. Попав к бандитам, Казлаускас встретился с советником их командира, немцем. Разговаривали они как старые знакомые, вдвоем вышли из землянки, прогуливались по опушке леса без охраны... О чем они говорили, неизвестно, но такого поведения за немцем раньше не наблюдалось, он трусоват был, даже со своими настороже держался, а тут... И что самое главное, не был наказан часовой, который застукал на посту, когда бежал наш «ястребок».

Шальнов часто застучал по столу карандашом, еще раз обдумывая все, что замыслили они с оперативником:

— Зови сюда Ларцева. Только бы он свою роль сыграл как надо!

Хутор, где жил Янулис Казлаускас, был рядышком, в пяти минутах езды от Веселяя. За руль грузовика сел капитан Виткаускас, надел солдатскую гимнастерку. В кузов забрался Ларцев и Полуктов. Прежде чем машина тронулась, из гарнизона скрытно пешим порядком ушла в направлении этого же хутора небольшая группа бойцов, возглавляемая самим Шальновым.

Наступала ночь, в окнах дома Казлаускаса горел свет. Ларцев постучал, и без всякой задержки приоткрылась дверь дома.

— Что тебе, сержант?

— Старший лейтенант Шальнов вас к себе срочно требует.

«Ястребок» бросил быстрый цепкий взгляд за спину сержанта, туда, где

стояла машина. Курил папироску водитель, похуже, дремал в кузове один солдат.

— Вот черт, и поболеть не дают. Ладно, заходи, попей чаю, пока я переоденусь... Не знаешь, чего это среди ночи я понадобился?

— Да разве ж нам что говорят! А сам думаю, с «Лепной», это связано. Там банду разбили, а живым захватили знаете кого? Марчюлениса. Предателем оказался, представляете? Сейчас наш особист его «колет».

— А тот что? — Казлаускас застыл у зеркала, слишком внимательно разглядывая свое отражение.

— Не знаю. Ребята говорят, на коленях ползает: «Все скажу, только не убивайте». Сегодня вообще те, кого мы захватили, только и знают, что на коленях ползать. Мы же обидчиков ваших поймали, представляете? Из того отряда, который вас сутки мучил. Ну, откуда вы бежали еще... Что, оделись, да? Тогда пойдете.

На порожке дома Казлаускас, возясь с замком, спросил:

— Вас двое только? И стоило из-за этого машину гонять...

— Да я сам удивляюсь. Но вы же Шальнова знаете! Сделал дурные глаза: пошлем только двоих, чтоб никто ничего не заподозрил! А кто и чего подозревать должен? Будто едем агента немецкого арестовывать, а с своего же товарища подвозить. Садитесь в кабину.

— Сейчас. Я только на минуту, по нужде.

— Да нет уж. Шальнов меня попросил глаз с вас не спускать, так вы это... потерпите.

Теперь Казлаускас понял все: его продали. И хотя взять голыми руками. Хорошо хоть, что недотелу сержанта прислали, а то бы угодил к ним, как кур во щи...

Сержант все время старается держаться за его спиной, это у него случайно, конечно, получается, но тем не менее незаметно шлепнуть его будет трудно. Водитель и тот, что в кузове, — не в счет: пока они очухаются, пока сообразят, в чем дело, он, Казимирас Бубнис, успеет пересечь огород. И если успеет, то до леса оттуда рукой подать. А в лесу ему уже никто не страшен.

Он выхватил пистолет, резко повернулся к сержанту, но тот будто готовился к такому развитию событий: успел отпрыгнуть за толстую дубовую кладку колодца. Пули, одна за одной, вошли в вязкое, неподатливое дерево.

Бубнис еще не добежал до огорода, когда услышал за спиной окрик оперативника. Кто-то бежал вплотную за ним. Вот и сержант что-то кричит, тоже бежит следом... Не оторваться!

Не оглядываясь, просто откинув назад руку с пистолетом, он сделал несколько выстрелов и увидел, как впереди, между ним и спасительным лесом, вырастают темные силуэты...

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

Он попал на фронт прямо со школьной скамьи. Бойцом Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР защищал Москву, в составе лыжных отрядов ходил в рейды по тылам врага, был тяжело ранен. «Мы не от старости умрем, от старых ран умрем», — пророчески заметил он в одном из стихов и ушел из жизни тридцатилетним. Но о нем, выдающемся поэте-фронтовике, как-то не принято говорить: ах, как многого он не успел. Напротив, читая его стихи и поэмы, так и хочется сказать: как много он сумел сделать, несмотря на все тяжелейшие испытания. Вот и сегодня мы впервые публикуем фрагмент первоначального варианта одной из глав его поэмы «Дальний гарнизон».

"ТАКИЕ БЫЛИ НА ДОНУ ДЕЛА..."

... По переправе били «мессера», —
бить безоружных немцы мастера.
Зениток нет, и пулеметов нет,
и только трехлинейек черный лес,
да трупами заваленный кювет,
да стон до неба, и огонь с небес.
У переправы подоженный танк
шатается и кружится.

Никак
не сладишь с ним,
как с бешеным конем.

Прикрыт он, как попоною, огнем —
гудящим, языкатым и шальным.
Не сбить его ни ветру, ни песку.

И дрожь идет по танкам остальным,
по нервным их сплетениям стальным,
передаваясь мятому леску,
где люди окопались.

— Не пройдем!
— Умрем в реке!

И пересохшим ртом,
что там им комендант ни закричи, —
дрожат они, слова одни твердя:
«умрем» и «не пройдем»...

А тягачи
то по полю шарахнутся, гудя,
то вырвутся, качаясь, на паром.
И в голову контуженный матрос,
размахивая ржавым топором,
пересечет одним ударом трос.
И вот уже закружится, кренясь,
подхваченный стремниною мосток.

И комендант убит.
И оборвалась связь.
И танк горящий рвется на восток.
И переправа сорвана...

Но вдруг, —
кому, копя терпение и злость,
в те годы под бомбежкой довелось
переправляться на реках, —
но вдруг, —

тому понятно будет: замкнут круг
огнем с небес, стремниною, —
но вдруг, —
над кутерьмой голов, машин и рук,
над берегом железные слова:
— Приказываю! Нам велит Москва:
без паники!

И вот горящий танк,
который не хотел уйти никак,
уже машины взяли на буксир.

— Приказываю!

Сводит командир
своих стрелков, — и оцеплен подход
к понтонам, уходящим на восход.

— Порядок! — улыбаются бойцы.
И вот уже с челна поймали трос,
уже стальные связаны концы,
в санбат отправлен раненый матрос.
И вот уже пошла,

пошла,
пошла
пехота,
танки —
армия моя!

Такие были на Дону дела.
Там комендантом был, конечно, я.
Назначен был Москвой,
своей душой
и совестью.

Последним переплыл.
Последним оставлял немецкий тыл.
Путь впереди нелегкий и большой.
Так я экзамен на войне держал,
и говорят, что сдал его на пять.
Я был тогда молоденький сержант.
Ну как мне этих дней не вспоминать?..

Публикация С. ЯРОСЛАВЦЕВОЙ,
ответственного секретаря комиссии по
литературному наследию С. П. Гудзенко.

Владимир МИХАНОВСКИЙ

ВЫСТРЕЛ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Фантастическая повесть

Глава 6

ШТУРМ

Час назад у Даниель с Сильвиной состоялся примечательный разговор. Казалось, Сильвина была не в себе. Рыдала в три ручья, уверяла, что не держит на Даниель зла, приглашала даже остаться на вилле, когда все разъедутся...

А еще она сказала — и это, пожалуй, было главным, что сомневается в профессионализме Сванте. Уж слишком беспечен он и может обвинить кого угодно... Говорила Сильвина так, будто боялась чего-то или искала союзников.

Сейчас все опять собрались за столом. Сванте Филимен обвел сидевших быстрым взглядом, потом сказал:

— Приступаем к мозговой атаке на решение задачи. Суть состоит в следующем: я задаю вопросы, спрашиваемый отвечает как можно короче и без пауз. Начали. Рабидель!

— Да!
— Завершили ли вы с Делионом расчеты?
— Завершили. Но мы думали, они потребуются потом, когда...
— Отвечайте только на вопросы, — резко прервал его Сванте. — Напряженность защитного поля вокруг будатора? Степень расщепления частиц в аппарате? Их максимальная энергия?..

Было еще множество вопросов, Сильвина их не запомнила. На них поочередно отвечали то Рабидель, то Делион, сыпали цифрами и формулами, мало понятными непосвященным. Только Арсениго и Эребро как будто понимали что к чему. Остальные начали выражать недоумение: они ожидали какого угодно начала мозгового штурма, только не подобного.

— Несколько пояснительных слов, — Филимен успокоительно поднял руку, слабо видимую в полутьме. — Не подумайте, что мы уклонились в сторону. От решения вопросов, с которых я начал, зависит многое, если не все.

— Но в чем суть, Сванте? — спросила Сильвина. — Какое отношение может иметь работа будатора к убийству Арнольда Завары?

(Окончание. Начало в № 4).

— Самое непосредственное. Я заподозрил это, как только начал вникать в физику явления. Но... не будем забегать вперед.

Из дальнейших объяснений сыщика Сильвина поняла, что Завара не успел завершить расчеты, связанные с работой будатора, и градуировку аппарата — это, впрочем, она слышала от самого Арнольда. Ввиду выявившейся особой важности этих расчетов Филимен поручил закончить их двум самым авторитетным физикам, что они и сделали.

«Друзья Завары! — с горечью подумала Сильвина. — Наверняка пользовались его наметками, идеями, формулами. А мне даже не намекнули, чем занимаются...» Сильвине было невдомек, что сыщик поручил Делиону и Рабиделю провести расчеты перед самой мозговой атакой: Филимен боялся утечки информации, и не без оснований.

Сопоставив их расчеты на микрокалькуляторе, вытаскивая из дипломата, Филимен заявил:

— Могу сообщить первый результат. Вы все видели в кабинете Завары, когда работал будатор, голубое сияние. Расчеты подтвердили мою догадку. Это вторичное излучение: кварки просочились через силовой барьер, образовав новое поле.

— Выходит, Сванте, мы все облучились? — подала голос Даниель.

— Да, но природа голубого свечения мне пока неизвестна, — ответил Сванте.

Эребро спросил:

— Завара не предвидел голубое свечение?

— Не предвидел, и в этом его роковая ошибка, — произнес Филимен.

«Предвидел, не предвидел, какое это имеет значение?», — с тоской подумала Сильвина.

— А теперь я скажу, что голубое свечение связано с убийством Завары, — проговорил сыщик. — И попрошу высказаться тех, у кого есть свои соображения.

— Разрешите? — поднялся Делион.

— Говорите.

— Мы с Рабиделем полагаем, что работа с голубой радиацией ведет в тупик. У нас своя версия убийства.

— Какая же?

— Завару застрелил один из белковых, — произнес Делион и опустил на место.

Люди зашумукались.

— Обсудим, — предложил Филимен.

— Такое немислимо, — первой начала Сильвина. — С белковыми я общаюсь много лет. Агрессивных наклонностей никогда у них не наблюдала.

— Кто следующий?

— Это не аргумент, Сильвина, — покачал головой Арсениго. — Давно доказано, что достаточно сложные белковые системы эволюционируют. Как человек, если угодно.

— Дальше. Меня интересует мнение

каждого, — сказал сыщик, когда Гурули умолк.

— Что касается меня, я в сервороботах не разбираюсь, — заявила Даниель, глянув на маячившую вдали шарообразную фигуру робота, охранявшего вход в лабораторию. — Хотя сочувствую им и полагаю, что это симпатичные создания, не способные нанести вред человеку. Кроме того, я не разбираюсь в кварках, расщепленных мирах и прочих премудростях. Моя специальность — тибетский чай, в высшей степени полезный для организма человека, ежели уметь им пользоваться. На церемонию чаепития я приглашаю всех присутствующих, как только победоносно завершится нынешняя атака на мозги. Всех, включая и вас, Сванте. Ну а за вычетом кого, этого уж я не знаю... — Даниель смешалась и села.

— Ясно, — бесстрастным тоном произнес Филимен. — Ваша точка зрения, Эребро?

— Белковые системы — не просто машины с гибкой тактикой поведения, — волнуясь, начал Эребро. — Это нечто большее... Их головной мозг имеет столько нейронов... Количество переходит в качество... Обвинение, которое высказано только что в адрес белковых, беспрецедентно. Вспомните: с ними, разумными помощниками человека, мы имеем дело уже около столетия. И никогда ни один белковый в убийстве человека не обвинялся.

Сыщик поторопил:

— Вывод, Эребро.

— Белковый не мог быть убийцей. Убежден, что права Сильвина.

— Ваше мнение, Мартина?

— Я, как и Даниель, не разбираюсь

В...

— Меня интересуют не столько знания, сколько интуиция каждого, — произнес, перебив ее, Филимен. — Именно в этом сущность метода мозговой атаки. И еще: вы видели возле аппарата бумаги Завары?

— Я... Бумаги видела.

— Хорошо. Теперь слово Мишелю.

— Белковые, — начал Мишель, — они, к-как и всякие машины, могут по техническим п-причинам выйти из повиновения...

— Ваше мнение?

— Отца убил кто-то из сервороботов. Что касается записей — п-при мне они были там.

— Что ж, — пожал плечами Сванте. — Теоретически белковый мог произвести выстрел в затылок Завары. Этой гипотезой я занимался в числе прочих. Но ведь пропали бумаги. А зачем они белковым? Последние могли просто считать текст и отложить его в своей памяти с точностью до последней запятой. И не надо было никого убивать, чтоб завладеть информацией. И еще по этому вопросу. На рукоятке револьвера я обнаружил отпечатки пальцев всех присутствующих, включая, кстати, и отпе-

чатки пальцев Завары. Но отпечатков шупальцев робота я так и не увидел.

Делион воскликнул:

— Лишнее доказательство того, что в биологии вы, Сванте, профан!

— Увы, это так, Филимен, — подтвердил марсианин. — Щупальца белковых созданий не имеют индивидуального поверхностного рисунка, как пальцы человека.

— Не имели, — поправил Сванте.

— Что это значит? — удивился Арсениго Гурули.

— Мне пришлось провести маленькое научное исследование, — сказал Филимен. — Результаты его вот здесь, — похлопал он по коже чемодана. — Искусственный белок поначалу действительно не имеет индивидуального рисунка. Но в процессе развития... Понимаете, с течением времени у каждого белкового как бы прорезаются черты личности — на свой, конечно, лад. И тогда же появляются линии на щупальцах, как бы отражающие эту индивидуальность.

— Сказки, — бросил Гурули.

— Если ваш б-белковый такой умный, он мог после выстрела стереть свои следы на оружии, — стоял на своем Мишель.

— В принципе такое возможно, — кивнул Филимен. — Но в данном случае ваше предположение легко опровергается. Последней в кабинет, как доказано, заходила Сильвина. И именно она обнаружила труп. Если следовать, Мишель, вашей теории, то робот-убийца, который входил в кабинет перед нею, должен был, стирая с рукоятки оружия отпечатки, уничтожить вместе со своими и отпечатки всех остальных. Нельзя ведь с одного и того же места стереть одни следы, оставив другие. Отпечатки же, как вам известно, остались.

... Логика същика, как всегда, была несокрушимой.

Когда очередь при проведении мозгового штурма дошла до Арсениго Гурули, он посмотрел на дело с неожиданной стороны, которая до сих пор никому не пришла в голову.

— Вот вы все заикнулись на отпечатках пальцев, — сказал Арсениго. — А почему не предположить, что убийца мог быть в перчатках? Тогда преступника необходимо искать методом исключения: им является тот, чьих следов не обнаружено на оружии. — На словах "не обнаружено", молодой физик сделал ударение.

— Остроумно, — констатировал Филимен. — Однако напоминаю: на регельдана обнаружены отпечатки всех без исключения людей.

— Людей! Опять людей! — воскликнул Мишель. — Я настаиваю на своей версии: отца убил робот. Н-настаиваю!..

— В таком случае изложите, как вы это себе представляете, — произнес същик.

— Пожалуйста. — Мишель приложил ладонь ко лбу, сосредоточился. — Пред-

ставьте: юбилейная ночь. Общее веселье. Но отцу, по обыкновению, становится скучно, и он решает немного поработать, благо это его обычное состояние. Идет в кабинет, садится к столу и принимается за дело. Знакомая картинка, мама?

Сильвина ограничилась кивком.

— В кабинет вкатывается белковый, со всеми своими чудными принципами в голове. — Речь Мишеля лилась так убедительно, словно картины проходили перед его глазами. Даже обычное заикание почти исчезло. — Отец мельком взглядывает на него и снова углубляется в работу, поскольку ничего угрожающего в своем сервороботе, разумеется, не обнаруживает. Возможно даже, они перебрасываются несколькими репликами. Робот для вида возится, перекладывает какие-то вещи. Убедившись, что отец не смотрит на него, берет револьвер, который всегда валялся без всякого присмотра, натянув на щупальца заранее припасенную перчатку, заходит сзади и стреляет хозяину в затылок. А потом забирает бумаги. Зачем они ему — это другой вопрос. Возможно, он выполнял чье-то задание.

— Я не согласна с гипотезой Мишеля, — сказала Сильвина. — Есть одно обстоятельство, о котором мой сын, видимо, от волнения забыл. Хочу напомнить собравшимся, что на дворе осень, за которой следует зима.

— С-спасибо, мама, за ценное с-общение, — не удержался Мишель.

— Перчатки — товар сезонный, это знают все, — продолжала женщина, никак не отреагировав на реплику сына. — Так же, как, например, напрыскиваемое платье. Заявляю: на вилле перед юбилеем не было, да и сейчас нет ни одной пары перчаток.

Сванте шевельнула.

— Можете произвести самый тщательный обыск, — посмотрела на него Сильвина. — Мы с Арнольдом после празднества сбегались лететь в мегаполис, делать закупки к зиме. В том числе, конечно, и перчатки. И пару белковых помощников с собой прихватить, — добавила она с вызовом.

— Но куда девались все старые перчатки? — спросил Александр.

— Разве вы не знаете, Атамаль? — ответила Сильвина. — Старую одежду, ненужные вещи мы утилизируем. Бросаем в деструктор, как использованные салфетки.

— Вы говорите правду, я в этом убедился прежде, — произнес Филимен. — Ваша версия, Мишель, лопнула, как мыльный пузырь.

— Нет, мыльный пузырь не лопнул, — послышался голос Арсениго. — Кто-то из гостей мог приехать или прилететь на виллу в перчатках. Позволю себе повторить, что на дворе осень, а следовательно, и холодина собачий.

Филимен, спокойный, всезнающий Филимен, казалось, пришел в замеша-

тельство. Он замешкался с ответом, в растерянности постукивая по коже чемоданчика. Пауза росла.

— Разрешите дать справку, — слышался в это критическое мгновение голос, шедший откуда-то со стороны. Поначалу никто не сообразил, кому он принадлежит. Оказалось, роботу.

— Я выполнял задание Завары, — начал белковый. Шум в гостиной стих. — Хозяин поручил мне с помощью фотоэлементов проверять каждого гостя, прибывающего на виллу...

— Час от часу не легче! — возмутился Александр. — Это нас, что же, без нашего ведома как бы обыскивали?!

— Ничего страшного, — примирительно произнес Рабидель. — Меня перед входом в космический корабль каждый раз обыскивают. И других пассажиров тоже.

— Арнольд не имел права... — начала Даниель, но сыщик перебил ее.

— Какова была установка Завары? — обратился он к шарообразному.

— Хозяин велел выявить любые подозрительные предметы.

— И ты обнаружил что-нибудь? — спросил Сванте.

— Нет. Но я хотел сказать другое: ни у одного гостя перчаток не было, — про рокотал белковый. — Как ни у кого из них нет сейчас и бумаг Завары. И не было сразу после убийства.

Опять возникла пауза, нарушенная тем, что часы пробили полночь. Одновременно с этим раздался голос Филимена:

— Все устали. Прервем штурм и отдохнем. А несравненную Даниель попросим устроить церемонию чаепития...

Вспыхнувшая от комплимента Даниель не возражала.

— Продолжим мозговую атаку, — произнес Филимен, когда последняя пустая чашка была убрана; к своей он, впрочем, не притронулся, сославшись на отсутствие жажды... — Мы остановились на том, что сервероботы не имеют к убийству отношения.

— Но... в каком направлении мы должны теперь думать? — спросила Сильвина.

— У нас накоплено множество деталей, связанных с убийством, — ответил сыщик. — Все они должны сложиться в единую картину.

— Как в калейдоскопе, — добавила Даниель.

Чай взбодрил увядшие силы людей.

— Вопрос к Рабиделю, — сказал Филимен. — Сколько раз в течение ночи вы заходили в кабинет Завары?

— Трижды... В первый раз мне почудился там призрак, о котором я рассказывал. А потом... Мне очень хотелось увидеть его снова.

— Он больше не появлялся?

— Нет.

— Теперь очень важный момент, Рабидель. Отвечайте сразу, не думая. Что

вас больше всего поразило в кабинете Завары, едва вы переступили порог?

— До того, как появился призрак?

— Да.

— Голубое свечение. Это потрясающее зрелище! Я был удивлен, что на самого Завару оно не произвело впечатления.

— Чем вы это объясните? — спросил сыщик.

— Мне кажется, Арнольд был немного не в себе. В каком-то болезненном состоянии. Мне почудилось, что это сияние неведомых человеку миров... — Голос марсианина от волнения звучал глуховато. — Не знаю, был ли это туннельный эффект...

— К туннельному эффекту мы вернемся позже, — произнес Филимен. — А сейчас обратимся к вашему состоянию. Мне кажется, вы, войдя в кабинет, тоже почувствовали себя не совсем обычно.

— Откуда вы знаете, Сванте? — удивился марсианин. — Да, именно так и было. До сих пор не знаю, с чем это связано. То ли и впрямь с излучением, то ли психологически обстановка подействовала.

— Итак, вы в первый раз вошли в кабинет... Рассказывайте, что было дальше.

— Первым делом ринулся к аппарату, о котором был столько наслышан. Стою перед шаром, увешанным датчиками. А там, в глубине, буйствует такое, перед чем меркнет любая человеческая фантазия.

— Эти картинки видели все, — сказал Филимен. — О них можете не рассказывать. Сияние было распределено равномерно?

— Нет, — покачал головой марсианин... — Ярче всего оно было близ шара, по мере удаления от него слабело.

— Знакома картина, — сказал Делион.

Сыщик попросил:

— Расскажите о призраке, Рабидель.

Люди за столом насторожились.

— А что рассказывать? Вхожу, делаю несколько шагов по кабинету и вдруг вижу: в углу из ничего, из тумана рождается человеческая фигура... Протираю глаза — нет, фигура не исчезает.

— Это был мираж? — спросил Эребро.

— Рефракция лучей, вызванная голубым свечением?

— Я тоже так сразу подумал, — кивнул марсианин. — Фигура казалась мне сотканной из какого-то легкого вещества и наполненной все тем же голубоватым сиянием, только более интенсивным.

— Что же это оказалось? — спросила Мартина, с жадным, каким-то детским вниманием слушающая рассказчика.

— Фигура похожа была на негатив фотографии.

— Но чьей фотографии? — не удержался Мишель. — Ч-чьей? Кто это был?..

— Арнольд Завара, — сказал марсианин.

Сильвина вскрикнула.

— А вы не ошиблись, Раби? — спросил Арсениго. — Углы кабинета были полутемными, неумудрено и обознаться.

— Нет, не обознался, — произнес марсианин. — Я слишком хорошо знаю... знал Арнольда. Это были его фигура и его лицо.

— Почему вы раньше молчали, Раби? — упрекнула Мартина.

— Это могло повлиять на эффективность мозговой атаки, — ответил за марсианина Филимен. — Продолжайте, Рабидель.

— Но самое удивительное было впереди... Арнольд не стоял на полу, а висел над ним. Примерно в полуметре.

На Рабиделя посыпался град вопросов, и он, следуя инструкции сыщика, по возможности быстро отвечал на них.

— Призрак перемещался?

— Нет. Он висел слишком недолго.

— Разговаривали с ним?

— Мне не пришлось в голову к нему обратиться. Но, понимаете, это был призрак и в то же время как бы не совсем призрак... Не умею сказать яснее. — Рабидель замаялся. — Мне показалось, что он смотрит на меня с интересом. Хочет что-то сказать.

— И сказал?

— Не успел.

— Дополнение для участников мозговой атаки, — произнес Филимен. — Явление миража представляет собой следствие полного внутреннего отражения света в воздушной среде, при определенном градиенте плотности воздуха по вертикали.

Делион воскликнул:

— Нужно было провести замеры плотности воздуха в кабинете!

— Я продельвал эти замеры несколько раз, — сказал Филимен. — И сравнил с показаниями приборов, установленных на будаторе. Мой вывод: это был не мираж.

— Не мираж? А что же тогда? — спросила Сильвина.

— Это нам предстоит выяснить, — сказал сыщик.

— Послушайте, мы зря ломаем копья, — заговорила Даниель. — Может, это и в самом деле был Арнольд? Прошел к себе в кабинет, только и всего.

— Я думал над этим, — сказал марсианин. — Нет, немислымо. Что же, он завис над полом в полуметре?

— В принципе здесь ничего невозможного нет, — произнес Делион. — При работающем будаторе могли образоваться мощные силовые поля... Ведь аппарат толком еще никто не исследовал.

— Чепуха все это, — отрезала Мартина. — Я точно помню, когда Раби в первый раз пошел в кабинет, отец оставался в гостиной. Мы разговаривали с ним.

— Раби, умоляю, расскажите, что было дальше? — обратилась к марсианину Сильвина.

— Мне почудилось, что этот призрак,

двойник, мираж... Не знаю, как называть его... Что он заинтересовался мной, хочет что-то сказать мне... Разве мираж может реагировать на человека, который его видит? Короче, я бросился к нему. Но призрак тотчас исчез, растворился в голубом сиянии.

— Послушаем комментарий маститого физика, — кивнул Делиону сыщик.

— Трудно сказать... — замаялся Александр. — Мне кажется, благодаря работе будатора произошла перестройка в окрестном пространстве и времени. Но я в этом до конца еще не разобрался.

— Обратимся к центральной фигуре расследования — Арнольду Заваре, — произнес Филимен. — Сильвина, что вы можете сказать о его состоянии перед гибелью?

— То, что я скажу, ни для кого не являлось секретом. Последние дни Арнольд выглядел подавленным. Ему казалось, кто-то охотится за его изобретением. Однажды сказал мне, что чувствует себя одиноким старателем, который нашел неслышанной величины самородок. Ни спрятать, ни ограничить...

От взгляда сыщика не укрылось, что при этих словах встрепенулась Даниель, будто хотела что-то добавить.

— Послушаем Даниель, — сказал он.

— Знаете, Завара поведal мне о странном случае, происшедшем с ним накануне юбилея. Заехал он после Ядерного в кафе, где я прежде работала. Любил иногда заходить туда... И там, в пустынном зале, ему кто-то угрожал, шантажировал... требовал отдать бумаги о будаторе, кажется.

— Кто?

— Я толком не понял. Арнольд, когда рассказывал, был очень взволнован.

— Еще одна версия прорисовывается, — сказал Сванте. — Что ж, вполне возможно, ему и угрожали, но к убийству и похищению документов тот эпизод не имеет отношения.

— Не слишком ли вы категоричны? — спросил Делион.

— Нет. И в этом доме собралась ведь не случайные люди, хозяин знал каждого. И потом, я уже понял, кто убил Завару.

Он внимательным взглядом, ни на ком, впрочем, не задержавшись, обвел всех сидящих за столом. Те молчали, но в молчании их явно читался один вопрос: "Кто?".

Выдержав паузу, Филимен продолжал:

— Начнем с того, что Завара, будучи гениальным ученым, не был идеальным человеком. В ком-то возбуждал ревность, в ком-то — зависть, претензии к слабо развитому родительскому долгу... Но я познакомился с вами и понял, что вряд ли бы кто из вас воспользовался регельданом для того, чтобы свести счеты с этим человеком по личным мотивам. Далее, пропала бумага. Их, как свидетельствует белковый, никто из вас не хранит. Они лежали в кабинете

вплоть до того момента, как туда вошел Завара. Так что убийство с целью грабежа я исключаю полностью.

— Тогда остается одно, — покачал головой Делион. — Арнольд покочил жизнь самоубийством, выстрелив почему-то себе в затылок... Впрочем, вы, кажется, сказали, что Завару все-таки убили и что знаете, кто это сделал?

— Да, знаю. Завару убил... — тут он опять на миг умолк и потом завершил фразу: — Завара. Двойник ученого из параллельного мира.

Глава 7

ТУННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Центр полицейского управления республики располагался в старинном уголке мегаполиса, где имелось всего четыре горизонтальных уровня вместо многих десятков в новых районах.

Размашисто шагая туда вдоль речки, Филимен мысленно все время возвращался к только что покинутой вилле Завары. За время следствия он успел сжиться с ее обитателями, и расставаться с ними было грустно. Нет, грусть, конечно, не то слово, это понятие ему органически чуждо. Чувство это присуще людям, он же — белковый. Интересно, догадались ли об этом гости Завары?

Первое криминальное дело — и он довел его до конца, единолично завершил расследование, обнаружил убийцу. Хотя попутно ему пришлось освоить целый материк новой информации. Подобного дела мировая криминалистика не знала — это Сванте Филимен мог заявить с полной ответственностью. Не зря же он изучил в архивном центре республики тысячи и тысячи самых запутанных уголовных дел.

Ничего, даже отдаленно напоминающего дело об убийстве Арнольда Завары, там не было.

Своего первого самостоятельного дела Сванте Филимен, после завершения учебного цикла назначенный стажером полицейского управления, дождался долго, перебиваясь мелкими текущими делами в порядке помощи другим сыщикам, которые были, в общем, вполне заурядными людьми. Между прочим, именно тогда Сванте убедился, что потенциал даже среднего человека огромен, хотя большинство людей, увы, даже не догадывается об этом, растративая жизнь по пустякам.

За время долгого бездельничанья Филимен несколько раз обращался к начальнику центра с рапортом: мол, сколько же можно находиться в простое? Начальник отделивался шуточками вроде того, что бездельничанье — лучший вид работы; но однажды, когда молодой выпускник учебного комплекса был особенно настойчив, произнес:

— Ты у нас, Сванте, сыщик особого рода. Произведен и обучен в единственном числе. Штучный, так сказать, товар. Пускать тебя на расследование заурядного дела — все равно что электронным микроскопом гвозди заколачивать. Сам понимаешь, задуманный эксперимент — первый в истории криминалистики. Потому и дело для тебя мы хотим подобрать необычное, из ряда вон выходящее.

Наконец шеф управления вызвал его и сообщил, что только что на собственной вилле убит Арнольд Завара, ведущий физик страны. Ознакомившись с обстоятельствами дела, молодой сыщик понял: это то, что надо.

Получив скудную информацию об обстоятельствах убийства, которую передала взволнованная вдова убитого, а также схему виллы, взятую в архитектурном управлении, и стандартное досье на каждого из гостей, оказавшихся в роковую ночь на вилле, Сванте Филимен отбыл к месту происшествия.

Так начался столь давно и тщательно готовившийся эксперимент, который теперь близился к завершению.

Филимен свернул с набережной в тихий переулок, где даже бегущих лент для вечно торопящихся пешеходов не было, и вошел в массивное приземистое здание. Несмотря на отсутствие вывески, дом был известен не только жителям мегаполиса, но и всему без исключения взрослому населению республики.

Здороваясь на ходу с сотрудниками, Филимен прошел к шефу.

— Докладывай, Сванте, — произнес тот.

— Расследование завершено, — отрапортовал Филимен.

— Ты нашел убийцу Завары?

— Преступник обнаружен.

— Ты ни разу не попросил о помощи...

— Справился сам.

— Вот и хорошо. Расскажешь сейчас обо всем совету экспертов, они уже здесь. Заодно и прессу пригласим, не возражаешь?

Небольшой зал был переполнен. Первые места заняли двенадцать экспертов — ведущих специалистов в различных областях широкой и разветвленной науки, именуемой одним словом — криминалистика. Остальные места заполнили представители различных средств массовой информации. Филимен, стоя на возвышении, делал подробный доклад о работе по расследованию убийства первого физика страны. Он ни разу не заглянул в бумажку, хотя то и дело сыпал цифрами, приводил формулы, при виде которых иные эксперты недоуменно переглаживались, а другие протирали глаза.

— Откуда вы взяли это уравнение, Сванте? — не выдержал эксперт по физике, когда сыщик, четко постукивая мелком, вывел на черной доске очеред-

ную строчку. — Не могу его припомнить...

— Не трудитесь, — ответил небрежно Филимен. — Мне пришлось его вывести самому, по ходу следствия.

Когда Сванте закончил, в помещении воцарилась тишина: настолько необычен, прямо сказать, фантастичен был вывод, который он сделал.

Первым нарушил молчание физик:

— Черт возьми, насколько я понял, Арнольд Завара убил себя сам?

— Именно так, — подтвердил невозмутимо Филимен.

— У меня вопрос к вам, Сванте, — не отставал физик. — Назовем убитого Завара-1. Вы утверждаете, что его убил собственный двойник — обозначим его Завара-2. Возникает вопрос: откуда он взялся, этот двойник, и куда девался после совершенного преступления?

— Хороший вопрос, — произнес сыщик. — Я как раз подошел к нему. В самом начале я уже говорил, что сразу обратил внимание на голубое свечение, которое распространял вокруг себя будатор — аппарат Завары. Это сияние было вызвано туннельным эффектом, роль которого, видимо, недоучел Завара.

— Как мог это упустить Завара? — вступил в дискуссию эксперт-биолог. — Один из ярчайших физиков современности вдруг забывает важную компоненту собственного опыта.

— У меня есть на этот счет свои соображения, — ответил Филимен. — Я остановлюсь на них позже. А пока вернемся в кабинет Завары, где произошли в ночь юбилея трагические события. По мере работы аппарата — а он, как я установил, не выключался целую ночь — туннельный эффект усиливался. Все больше субчастиц преодолевало силовую защиту и покидало шар. И каждая несла собственное время и возбужденную память, каждая немного дестабилизировала, возмущала плоское пространство, заполняющее рабочий кабинет Завары. И это в конечном счете привело к тому, что пространство в кабинете расщепилось, распалось на два параллельных мира, — продолжал Филимен. — Вот ответ на ваш вопрос, — обратился он к физику-эксперту: — Завара-2 находился в параллельном пространстве.

— Значит, вы полагаете, что расщепление пространства произошло?

— Да. Прделаны расчеты...

— Цифры потом! — махнул рукой физик. — А что вы можете сказать о границе между расщепленными мирами?

— Она очень зыбкая. То возникала, то исчезала. Параллельные миры появлялись и пропадали, словно пузыри на воде во время ливня.

— Послушайте, Сванте, но это голая теория, — снова вмешался шеф. — А видел кто-нибудь в глаза этого самого двойника Арнольда Завары?

— Да. Видел один из людей, находившихся на вилле. Ему повезло, он застиг

короткий миг формирования параллельного мира. Пузырь возник, но еще не успел лопнуть.

— Гм... Кто же этот человек?

— Рабидель.

Легкий шум прошел по рядам слушателей. Физик с Красной планеты был человеком достаточно авторитетным, а его известность почти не уступала славе погибшего Завары. Во всяком случае, его свидетельство заслуживало внимания.

— Да, наделает дел будатор, если с самого начала с ним происходят такие казусы, — заметил биолог-эксперт.

Корреспонденты оживленно переговаривались, стараясь выскочить в существо происходящего. И фиксировали, фиксировали, фиксировали...

... Один из журналистов присел на крайний стул в ряду и, низко склонившись над диктофоном, наговаривал текст. С минуты на минуту он предполагал передать его по одному из каналов новостей. Рядом сидела девушка-фотокор. Она сделала фотоснимки действующих лиц этой не совсем понятной для нее истории, которых — одного за другим — представил шеф полицейского центра.

Наибольшее впечатление на нее произвел сыщик Сванте Филимен. Он держался так уверенно, отбивая вопросы, сыплющиеся со всех сторон, так элегантно, как опытный теннисист отбивает ракеткой мяч. Подумать только, сумел в одиночку распутать адский клубок преступления. Правда, ей не совсем было ясно, кто же все-таки преступник и как его собираются ловить.

Репортер наговаривал в диктофон:

— ... А теперь я вернусь к событиям, которые происходили в домашнем кабинете Арнольда Завары. Но расскажу об этом, как профан в науке. Физика-эксперта мы пригласим к микрофону позднее — он пока занят...

Сейчас перед вами на фотографии, любезные собеседники, последнее и, быть может, самое поразительное изобретение покойного Арнольда Завары — будатор. На вид — огромный прозрачный шар, похожий на хрустальный. Но в нем под влиянием силовых полей происходят удивительные процессы...

Репортер перевел дыхание и продолжал:

— Представьте себе, что вы где-нибудь на лоне природы развели костер и готовите уху. Только в котелке у вас — как вы думаете, что? Перец, крупа, соль? Только что выловленная рыба? Нет, господа, в котелке — кварки и хрононы, мельчайшие частички пространства и времени. Полный компот!

И еще представьте себе, что самая резвая из овец может подпрыгнуть на высоту не более одного метра. Тогда достаточно поднять забор, допустим, до двух метров, чтобы быть уверенным: ни одна скотинка ни за что в жизни его не перепрыгнет. В мире же малых частиц, оказывается, царствуют свои за-

коны. Нам с вами понять их нелегко... — Произнес эти слова, репортер улыбнулся. — Я бы мог сказать, что это — законы сумасшедшего дома, но опасюсь, что мне достанется от физиков за такое неуважение к их науке. Потому скажу иначе. Скажу, что в микромире существует возможность, в которой овца перескочит забор, как бы высок он ни был. Физики называют такую возможность вероятностью.

Из того же разряда — туннельный эффект. Благодаря ему какие-то сумасшедшие частицы сумели просочиться сквозь забор, пардон, силовой барьер. Они вызвали голубое свечение вокруг будатора, которое вы видите на снимке...

... В этот момент включили его канал связи. Репортер побежал, передал готовый текст вместе с фотографиями, потом возвратился к напарнице, чтобы продолжать репортаж.

Девушка, посверкивая блицем, готовила наиболее интересные снимки, которые, она понимала, с течением времени тоже станут достоянием истории, как и все материалы этого необычного форума.

— Послушай, — сказал неожиданно репортер. — А ведь ты идеальная собеседница для репортажа.

— Почему?

— Потому что в этом зале меньше всех смыслешь в происходящем. И твои вопросы будут отражать средний уровень толпы. Чем они будут наивнее, тем лучше.

— Хорошо. В таком случае я задам тебе самый наивный вопрос: зачем одному Заваре надо было стрелять в другого?

— Так Сванте же объяснял!

— Объяснял, но уж очень научно. Мне же нужно, как ты говоришь, на наивный вопрос получить и наивный ответ. Я не поняла, в чем различие между двумя Заварами и куда вообще делся тот, кто стрелял?

— Ладно, попробую растолковать. Ты сообразила, что в рабочем кабинете физика будатор свел воедино параллельные миры? Ведь, по сути дела, любой перенос во времени в пределах матушки-Земли есть и мир параллельный! Машина времени гостям физика не киноленты исторические демонстрировала, понимаешь? Сильвине, если ты помнишь слова белкового сыщика, показалось, что Атамаль похож на Нерона. И не зря показалось: вполне возможно, это один человек, разнесенный по времени. И если бы так случилось, что Нерон взял да и шагнул в кабинет Завары, то кто может предвидеть, что за диалог меж ними состоялся бы? Вполне возможно, что они бы, как гладиаторы, за ножи схватились, а не брататься начали.

— Так то Нерон, а это — ученые. Там разница в тысячу лет, а здесь...

— А здесь мы не знаем, какая разница, из какого времени шагнул к нам

Завара-2. Другое интересно. Нерон, говоришь... Окажись я или тот же Атамаль в эпохе древних римлян, мы бы наверняка захотели покопаться в их свитках и документах. Представляешь, я бы притащил из того времени план Нерона сжечь Рим. Он бы обрадовался?

— Странно, Завара встречается с Заварой, Атамаль — с Нероном...

— А Рабидель узнал себя в одном из гладиаторов. Нет, это не странно, это — закономерно. Поле, создаваемое будатором, учитывает генную память каждого, потому и в прошлом, и в будущем находит, если можно так сказать, родственников.

— Ладно. Но никто из гостей физика не покинул свою эпоху, и никто из их двойников не оказался в нашем времени. Я понимаю почему. Еще в школе учила: параллельные — потому и параллельные, что не пересекаются. А в последнем случае — нарушение всех законов.

— Но Сванте же приводил свои формулы! Тут не только физика, понимаешь? Тут еще и психический эффект. Атамаль не император, Рабидель цирк терпеть не может, а оба Завары — ученые, и оба шли к одному открытию, может быть, даже разными путями. И произошел прорыв между параллельными мирами, как возникает искра между разными полюсами. Мы не знаем, что за человек был двойник Завары, возможно, гений зла, возможно, он хотел не только записи нашего ученого, но и сам аппарат похитить... Схватил листы, потом регельдан, выстрелил — и хрупкое единение параллелей нарушилось, вор и убийца умчался в мгновение ока к себе.

Помолчали, словно расставляя по полочкам все сказанное.

— Слушай, — сказала девушка журналисту. — А ты бы мог вот прямо сейчас, с ходу, снарядить арбалет или пищаль, а?

— Нет, наверное, — пожал плечами тот. — А ты что это так круто тему разговора поменяла?

— Да ничего я не меняла! Регельдан — штука сложная, с ней умеючи обращаться нужно.

— Ну? — спросил журналист, но уже поднимал вверх брови, догадываясь о том, что хочет сказать собеседница.

— По своей наивности я очень даже допускаю, что в параллельный мир улетел наш Завара со своими записями. А раз так, то он додумает свой будатор и вернется. Может быть такое, а?

Полковник
Юрий КИРИЛЛОВ

ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ

Все выпито. Все сказано. Все спето.
И вечер наплывает синевой.
В салютных гроздьях

 праздничного света

Им виден долгий путь с передовой.

Шли на восток —

 не сыщешь горше доли.

На запад шли, хмелея от побед...

Команды, позывные и пароли

Взрывают сны уже десятки лет.

Все сказано? Все спето?

Нет, конечно.

Но пауза — не общий уговор,

А память о погибших,

 о сердешных...

Они глядят на всех живых

 в упор

И по солдатски требуют ответа:

Неужто счастьем не полна страна?!

... Молчат бойцы

 и трут глаза при этом.

Им плачется совсем не от вина.

г. Львов.

Майор
внутренней службы
Евгений ГУСЕВ

МОНОЛОГ СОЛДАТА

... Это было не сражение,
Это был крошечный ад,
В общем — светопреставленье,
Как в народе говорят.

Не люблю числом вчерашним
Рвать рубаху на груди,
Только так там было страшно,
Что Господь не приведи!

Помню, как от полустанка,
Словно воткнутого в степь,
Тридцать два немецких танка
Поползли на нашу цепь.

На ходу стреляют, гады,
Лезут, как из-под земли.
А у нас, видать, снаряды
Пушкарям не подвезли.

Что тут скажешь? Мы — солдаты,
Командир — отец и Бог!..
В общем, я тогда гранаты
До окопов доволол.

Как остался жив — не знаю.
Ног вот нет, две пули в грудь...
Ты не слышал, парень,

 к Маю

Нам дадут чего-нибудь?

г. Ярославль.

Прапорщик
в отставке
Петр ДМИТРИЕВ

ОРДЕНА

Подзабыта давняя война,
Но, как прежде, ею мы ранимы.
... Господа скупают ордена,
Те, что свято воином хранимы.

Не звенят награды на груди,
А молчат в тряпице за иконой.
Что нас ожидает впереди,
Если к славе так неблагоклонны?

В деньги переводят

 память, кровь,

Слезы, боль, контузии и раны...

Хмуро смотрят на такую новь

Фронтовые наши ветераны.

А ведь только им благодаря
Живы мы и держимся достойно!
Господа стараются не зря —
Жизнь у них своя.
Свои и войны.

г. Дмитров.

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Уроки дает мастер спорта
Игорь НИСТРАТОВ

КИКБОКСИНГ: НА РИНГЕ - ВЫ

Основы методики тренировок

Первый совет кикбоксерам-новичкам: строго следуя принципу "от простого — к сложному", постепено включайте в занятия элементы тренировки (повторение ударов и защитных приемов, гимнастические упражнения, упражнения на снарядах, со скакалкой, работа у зеркала).

Изучение техники приемов следует начинать с простейших атак и защит одиночными ударами в комплексе со встречными и ответными ударами.

Особое внимание — отработке прямого удара левой в голову и защиты от него. Добившись свободного владения этими приемами во встречной и ответной формах боя, закрепив навыки простейших атак, можно переходить к упражнениям с партнером в вольных боях.

Во время учебно-тренировочных поединков необходимо строго следить за правильным выполнением всех технических элементов нанесения ударов, не забывая о прочности защиты.

При совершенствовании техники приемов вначале изучается система защиты от ударов, а затем в сочетании с последней отбатываются контрудары и защитные действия от них.

ВОЛЬНЫЙ БОЙ

В вольном бою, являющемся продолжением основной части тренировки по совершенствованию техники и тактики кикбоксинга, спортсмены решают различные по замыслу и форме задачи. Так, кикбоксер высокого роста, реализуя свое преимущество, старается не подпускать к себе противника, наносит прямые удары на дальней дистанции. Физически сильный боец невысокого роста уклонами и нырками уходит от ударов длиннорукого соперника, теснит его к канатам, навязывая ближний бой.

Мы рассмотрели один из вариантов учебного спарринга, проиллюстрировав на конкретном примере, сколь важное значение имеет подбор партнеров с разными индивидуальными качествами, отличающихся друг от друга по стилю и манере ведения боя. Если вы предпочитаете действовать в левосторонней стойке, старайтесь, чтобы вашим соперником в учебной схватке был "правосторонний" кикбоксер. Учитесь вести бой с соперниками, имеющими преимущества, которых нет у вас.

Смена спарринг-партнера вынуждает кикбоксера быстро изменять тактические формы боя, маневрировать, спо-

собствует выработке умения нейтрализовать сильные стороны соперника, использовать для победы уязвимые места в системе его защиты.

Ведя учебный поединок, не следует останавливаться при совершении ошибок (за исключением случаев нарушения правил), подсказки и замечания со стороны отвлекают и дезориентируют начинающего кикбоксера, мешают самостоятельно работать на ринге. Технические ошибки, недостатки разбираются в период минутных пауз между раундами и затем детально анализируются в завершение тренировочных занятий.

После вольного боя спортсмен продолжает работу по совершенствованию техники, выполняя упражнения на снарядах и с боксерскими лапами. При этом необходимо имитировать ложные удары и финты, проводить внезапные атаки с нанесением ударов в голову и туловище, так же, как и в поединке со спарринг-партнером, легко, непринужденно передвигаться, маневрировать, защищаться уклонами и нырками, сохраняя после каждого удара боевую стойку и готовность к следующей атаке.

Упражнения на снарядах и с боксерскими лапами помогают выработать быстроту, резкость, точность, акцентированность удара, чувство дистанции и другие качества, необходимые для победы.

СХЕМА

УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОГО ЗАНЯТИЯ

1. Подготовительная часть:
 - разминка (ходьба, бег в переменном темпе, общеразвивающие и специальные гимнастические упражнения).
2. Основная часть:
 - бой с тенью 3 раунда по 2 минуты;
 - изучение и совершенствование техники приемов (имитация и проведение ударов руками и ногами);
 - упражнения с партнером (приемы в атаке прямыми и боковыми ударами руками, ударами ногами и др.);
 - условный бой на изучение приемов и комбинаций 4 раунда по 2 минуты;
 - вольный бой 2 раунда по 2 минуты;
 - упражнения на снарядах 3-4 раунда;
 - упражнения со скакалкой 3 минуты.
3. Заключительная часть:
 - упражнения на растяжку, расслабление;
 - индивидуальные задания.

Юбилей

"ДИНАМО" - 70 ЛЕТ

ЧУЖЕСТРАННОЕ слово "фанаты" пугает и отталкивает, подразумевая поклонение безумное, истеричное, без сердечного чувства. Есть свои фанаты и у "Динамо", причем их немало. Но еще больше старинных друзей, болельщиков в исконном, добром смысле этого понятия. Наверное, именно таких друзей подавляющее большинство среди наших военнослужащих — именно войска были инициаторами создания "Динамо". А посему это наш общий праздник — 70-летний юбилей прославленного физкультурно-спортивного общества. Гостей на торжествах было множество.

"Болельщикий", стаж неуверяемого мастера смеха Юрия Никулина еще довоенный. Юрий Владимирович вспоминает: "Когда в 1939 году меня призвали на службу, на крышке моего фанерного чемоданчика как самый дорогой талисман, как память о Москве была наклеена фотография футболистов московского "Динамо". Не сомневаюсь, если бы тот составчик да сегодня против "Спартак", — мои динамовцы разгромили бы нынешних чемпионов в пух и прах".

Популярная исполнительница шлягеров Светлана Лазарева на праздники динамовцев специально "забачала", как она выразилась, бело-голубое платье, а песню спела тоже соответствующую — "Под созвездием Тельца", поскольку день рождения в апреле не только у нее, но и у спортивного общества-юбиляра.

Певец и композитор Михаил Муромов вообще, что называется, свой в доску — срочную службу во внутренних войсках, выступал за команду коллектива физкультуры в состязаниях по плаванию и неизменно побеждал, так как был ни много ни мало мастером спорта СССР.

Да, именно под красным советским флагом сотни динамовцев побеждали на чемпионатах мира, Европы, Олимпийских играх. Если уж быть точным, то на их счету 161 золотая, 128 серебряных, 99 бронзовых медалей, 631 золотая награда чемпионов мира, 537 — чемпионов Европы.

"Динамо" было известно не только своими спортсменами, но и прекрасными базами, заводами и фабриками. После развала Союза большинство (57 из 80) динамовских предприятий осталось на территории ближнего зарубежья. Причем все это наиболее современные и прибыльные заводы и фабрики. Здесь надо подчеркнуть, что "Динамо" всегда работало по принципу самоокупаемости, не беря ни копейки из государственного бюджета. Общество всегда славились своими детскими школами, секциями "Юного динамовца". Именно в массовости был залог высоких достижений заслуженных мастеров, чьи имена знатоки спорта всего мира произносят с почтением и восхищением. Среди этих прославленных имен немало военнослужащих внутренних войск. Вратарь №1 всех времен и народов Лев Яшин; трехкратный олимпийский чемпион в тройном прыжке (и серебряный призер на своей четвертой Олимпиаде) Виктор Санеев; стремительный спринтер, сумевший нарушить американскую монополию на олимпийское золото Валерий Борзов; достойный продолжатель дела советских несокрушимых борцов-классиков Александр Карелин и его колле-

ги-вольники братья Анатолий и Сергей Белоглазовы — все это наши боевые товарищи.

Штатные ниспровергатели всего советского нередко язвили по поводу того, что спортсмены были "на содержании", у МВД и КГБ, чьи интересы представляет "Динамо". Да, эти ведомства финансировали развитие спорта в войсках и органах. Ну и что из того? А быть купленными заморскими хозяевами разве почетней для наших?

Помню, кумир всех динамовцев Лев Иванович Яшин на вопрос о купле-продаже спортсменов ответил раздумчиво-спокойно: "Пусть каждый за себя решает". А недавно знаменосец олимпийской сборной Саша Карелин, наш скромняга-богатырь, сказал обнадежил: "За границу пока не собираюсь. Следую завету беломорского мужика Михайлы Ломоносова, который пророчествовал — могущество России Сибирью прирастать будет". Ах, если бы так и другие помышляли!

Поддержка и внимание динамовцам были обещаны и патронами общества — Службой внешней разведки, Министерством безопасности и Министерством внутренних дел России. Их руководители — Евгений Примков, Виктор Баранников и Виктор Ерин не могли не прийти во Дворец спорта "Динамо", на торжественный вечер, который равно можно назвать и ярким гала-концертом, и встречей ветеранов советского спорта.

Были цветы, речи, песни, шампанское. Были напутствия ветеранов и обещания спортсменов действующих. Хоккейный кубок МХЛ, завоеванный московским "Динамо", был выставлен, словно в назидание футболистам. Патриархи динамовского футбола Михаил Якушин, Гавриил Качалин, Константин Крижевский, Виктор Царев вышли на сцену вместе с воспитанниками Валерия Газзаева — лидерами нынешнего чемпионата, которые так давно подбираются к золоту.

Динамовцам прислали свои поздравления Президент России, Верховный Совет, друзья-соперники из "Спартак", и ЦСКА. А председатель Комитета по физической культуре Российской Федерации Валерий Сысов, естественно, прибыл лично, так как именно в динамовских рядах прошел путь от мастера спорта до председателя ЦС "Динамо", генерала, президента Международной федерации велосипедного спорта, оставаясь верным динамовскому девизу-призыву: "Динамо" — это сила в движении".

Старейшему, орденоносному, уважаемому во всем спортивном мире обществу сегодня нелегко противостоять безудержной коммерциализации спорта, которая зачастую граничит с откровенной продажностью. Но нынешний председатель Российского совета "Динамо", Станислав Котов, просчитывая ходы, не скрывает оптимизма. Он полагает, что именно традиции и заслуги "Динамо" не позволят опустить руки. 180 тысяч ребят, в том числе 32 тысячи "трудных", бесплатно занимаются в секциях "Юного динамовца", по месту жительства. В день 70-летнего юбилея это тоже вселяет надежду.

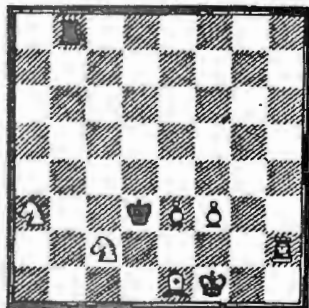
Тимофей СИБИРЦЕВ.

Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

КОНКУРС РЕШЕНИЙ

N 10 (2 балла)

Мат в 3 хода

N 11 (3 балла)

Мат в 5 ходов

N 12 (2 балла)

Выигрыш

Публикуем очередные задания нашего конкурса. Условия конкурса смотрите в предыдущих номерах журнала. Ждем ваших решений.

Не бойтесь рисковать!

Рискованные ходы в шахматных партиях — явление обычное и довольно частое. Их делают даже маститые шахматисты, особенно при принятии решений на интуитивном уровне. Предлагаем посмотреть партию молодого А. Алехина, игранную в Москве в 1918 году с В. Ненароковым — шахматным теоретиком, ставшим позднее автором первых советских шахматных учебников и дебютных руководств. Ненарокову было тогда 38 лет, Алехину — 26.

Сицилианская защита. А. Алехин — В. Ненароков. 1. e4 c5 2. Kf3 Kc6 3. d4 cd 4. K:d4 g6 5. Kc3 Cg7 6. Ce3 Kf6 7. h4 d6 8. Ce2 h5 9. f3 Cd7 10. Фd2 a6 11. Kd5 K:d5 12. ed Ke5 13. c4 Лс8 14. Лс1 0-0 15. g4?! Ход этот до сих пор вызывает у многих именитых шахматистов отрицательную реакцию, его считают слишком рискованным, даже ошибочным, правильное продолжение якобы 15. 0-0. Но в партии риск оказался оправданным: 15... hg 16. f4 Kf3+ 17. C:f3 gf 18. h5 Cg4 19. hg fg 20. Фh2 Фd7? Ход ошибочный, правильно 20... Kрf7. 21. Фh7+ Кр f7 22. Лh6 Лh8 23. Ф:g6+ Кpg8 24. Ke6! C:e6 25. Cd4 и черные сдались.

Кто же прав? Дело в том, что шахматы — это борьба не бесчувственных компьютеров, а умов и нервов, чем острее обстановка, тем больше волнений и ошибок. Алехин же был отличным психологом.

Если, играя в шахматы, вы заметили признаки растерянности у противника, то рискуйте, осложняйте позицию, противник непременно допустит ошибку. А если не допустить, то не огорчайтесь, вы можете стать автором красивой партии. Михаил Таль счи-

тал, между прочим, лучшей своей партией одну из проигранных, в которой отчаянно рисковал.

Разное

На Венском турнире 1882 г. во встрече двух английских шахматистов Д. Мэзона (1849 — 1905) и Г. Берда (1830 — 1908) первый просрочил время в выигрышной позиции. Его партнер тотчас же уведомил судью, что не считает возможным получить очко "столь недостойным способом", а потому сдает партию. Судья оставил демарш без внимания. Тогда Берд обратился в турнирный комитет с решительным протестом.

Были же рыцари когда-то!

Известный композитор Ф. Мендельсон (1809 — 1847) был сильным шахматистом. Будучи человеком деликатным, он обычно говорил побежденному:

— По существу, мы играем одинаково, просто я беру на тон выше.

Английский лорд Э. Шинуэл, отмечая в 1984 году свое 100-летие, заявил репортерам:

— На здоровье не жалуюсь, но могу умереть от скуки при выступлении своих коллег в палате лордов. В этих случаях я начинаю решать шахматные задачи, и это спасает.

Итак, решайте шахматные задачи во имя долголетия и здравого рассудка!

Любителям задач на кооперативный мат предлагаем решить эффектную миниатюру: белые — Kрf4, Cd6, Kc5, п. a6, черные — Кра8, Cf2, кооперативный мат в 3 хода.

000279-И.С.

Где ты, одинокий "гвардии майор, смелый днем и безоружный ночью"? Нам с сыном так не хватает твоего сильного плеча! Напиши. А мы постараемся сделать твою жизнь счастливой. Мне 30 лет (рост 170), по профессии связист. А сынишке моему 4 года.

Ирина.

000362-А.П.

Два симпатичных парня крепкого сложения, пока солдаты внутренних войск, потерявшие своих девчонок на первом году службы, желают восполнить утрату и познакомиться с милыми, красивыми, веселыми и надежными девушками от 17 до 21 года. Нам по 20 лет, рост 177 и 178, родились под знаками Тельца и Девы, славяне, по характеру веселые, общительные, любим все прекрасное, в девушках ценим ум, красоту, привлекательность. Ответим на все письма, но хорошо бы с фото.

Вячеслав, Александр.

000363-М.М.

Теперь в армии свобода вероисповедания?.. Хотела бы познакомиться с людьми, которых интересуют вопросы религии, учение Христа, изучение Библии, с теми, кто любит размышлять о жизни, о своем предназначении в мире. Мне 18 лет, учусь в педагогическом училище (люблю детей), неплохо готовлю (когда настроение есть). Если кого интересует моя внешность, скажу, что на дискотеках не скучаю и фото свое выслать не побоясь. Но только это все не главное, и ваша внешность, а также кто вы — солдат, курсант или офицер — для меня тоже неважно, интересны ваши мысли, раздумья, отношение к христианству.

Мария.

000364-А.Л.

Надеюсь познакомиться с хорошей девушкой, желательно блондинкой, ростом не выше 175, которая сумела бы поддерживать тепло домашнего очага в будущей офицерской семье. Мне 19 лет, рост 178, блондин, глаза серые. Учусь в военном командно-тыловом училище, люблю современную музыку, особенно хип-хоп. Сам понять и простить могу многое, но категорически не приемлю подлости и предательств.

За публикацию одного объявления надо выслать почтовым переводом 200 руб. в наш банк (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк "Лефортовский", р/с 340616, МФО 201207), затем текст объявления вместе с квитанцией об оплате направить в редакцию.

За высылку одного адреса выбранного вами абонента таким же образом отправьте в банк 40 руб., а письмо с заявкой на адрес и квитанцией об оплате — в редакцию.

За публикацию объявления в газете "Ситуация" (приложение к журналу) плата также 200 руб. Если же вы хотите опубликовать свое письмо сразу в двух изданиях, то получаете 10-процентную скидку, то есть платите не 400, а 360 руб.

Военнослужащие срочной службы платят за объявление 50 руб., за один адрес — 20 руб. При публикации в газете, и в журнале плата 90 руб.

ва. И еще, девчата, я очень ленивый! Может, кто поможет избавиться от лени?..

Саня.

000365-М.С.

Как здорово, что в вашем журнале есть такой клуб, и

вот прочла, что появились еще две счастливые пары!.. Примите и меня в клуб "ВВ". Мне 17 лет, рост 168, глаза серо-зеленые, темноволосая, не скажите, что я Василиса Прекрасная, но что не баба-яга — это точно. В друзьях ценю честность, доброту, веселый и открытый характер. Несмотря ни на что, верю людям и в настоящую, чистую любовь тоже верю. Познакомьте меня с хорошим и добрым парнем, желательно военнослужащим срочной службы (или с кадровым военным).

Марина.

000366-В.К.

Ищу друзей, а может быть, и подругу с созвучными мне интересами, убеждениями и увлечениями. Главное мое увлечение — фотография (это моя профессия), люблю современную эстраду, литературу и... рыбалку. Мои кумиры — Сергей Королев, Георгий Жуков, Владимир Высоцкий. Не терплю фальши и тех, кто ищет в друге только выгоду, уважаю открытость и открытость. Мне 29 лет, живу в сельской местности, в красивом и благодатном краю. Пусть откликнутся те, кому тоже так думается, как и мне. А обо всем остальном потом.

Василь.

000367-Ю.Л.

Офицер. Интересы разнообразны. Темноволос, спокоен, женат не был. Познакомлюсь с привлекательной особой приблизительно 20 — 30 лет (рост до 176). Отвечу на все письма с фотографией.

Юрий.

000368-Л.К.

Мне 18 лет (рост 164). Увлекаюсь музыкой, рисованием, шитьем. Решительно не одобряю пьянства и распущенности. Хотела бы встретиться в вашем клубе хорошего парня-военнослужащего — курсанта военного училища или молодого офицера в возрасте 20 — 27 лет.

Люба.

000369-С.Ч.

Надеюсь познакомиться с симпатичными девушками 17 — 20 лет. Ценим в людях доброту, искренность, чувство юмора (сами такие!). О себе: Юрий — 21 год, рост 177, характер спокойный, играю на гитаре, знак Зодиака — Лев; Андрей — 20 лет, рост 170, голубоглазый, шатен,

играю на гитаре, знак Зодиака — Овен; Сергей — 20 лет, рост 185, спокойный, знак Зодиака — Телец и на гитаре не играю.

Курсанты 3-го курса училища МВД.

000370-Е.К.

Первый раз обращаюсь за помощью таким образом, и страшно чуть, и немного не верится, и все-таки теплится в душе: может, повезет. Мне 21 год, рост 167, русская, по характеру спокойная, вроде добрая, стеснительная (очень не люблю в себе это), друзья говорят, что симпатичная. Воспитываю дочку, была замужем, и тяжелый камень остался на душе после недолгого моего замужества. Но одинокой быть страшно, и так хочется верить, что найдется для меня настоящий друг, сильный и добрый, умеющий защищать слабых, любить без предательства, о котором скажешь — настоящий глава семьи и хозяин в доме.

Лена.

000372-М.З.

Надеюсь с помощью вашего клуба найти отзывчивого, доброго и надежного человека, военнослужащего запаса или в отставке, который любит и умеет заниматься крестьянским хозяйством (домом, садом, огородом), примерно моего возраста. А мне 52 года (рост 168), русская, живу в большом городе, а в Подмоскovie есть дом. Дети уже взрослые, и у них душа не очень-то лежит к деревенской жизни.

Мария Сергеевна.

000373-С.К.

Так получилось, что пока я не встретил ту, о которой давно мечтаю. В клубе надеюсь познакомиться с симпатичной девушкой 18 — 19 лет, доброй, скромной, преданной и умеющей ценить в людях эти качества. Мне 19 лет (рост 177), я уроженец города Воронежа, учусь в военном училище, поклонник Виктора Цоя. Откликнитесь, девушки, жду!

Сергей.

000375-И.С.

Разыскиваю свою любимую. Где она, в каком царстве-государстве — не знаю, но так как наш клуб на всю страну, уверен — здесь и найду! Мне 20 лет (рост 176), пока служу и считаю, кстати, что настоящий мужчина должен пройти военную службу. А остальные подробности о себе — в первом же письме к моей избраннице.

Игорь.

000376-М.М.

Мне 18 лет, после школы пошла в "калинарный техникум" и не жалею. Сейчас работаю кондитером, каждый день творю торты, пирожные и другую вкусную и красивую продукцию — здорово! Хотела бы познакомиться с курсантом военного училища, а еще лучше — командно-тылового, чтоб у моего будущего знакомого была профессия не только офицера, но и экономиста, например, и хорошо бы он был уроженцем центральной России.

Марина.

ОХРАННЫЙ ОБЪЕМНЫЙ ИЗВЕЩАТЕЛЬ «ШТОРМ-2»

Высокоэффективное средство охраны открытых площадок, ангаров, складов и крупногабаритных предметов на открытом воздухе

Извещатель "Шторм-2" обеспечивает охрану объектов в условиях дождя и снегопада в диапазоне температур от -45°C до $+50^{\circ}\text{C}$.

Извещатель выдает оповещение при перемещении человека в зоне обнаружения со скоростью свыше 0,1 м/с. Извещатель не реагирует на нахождение в зоне мелких животных и птиц.

Извещатель устанавливается на высоте 3–7 м. Дальность зоны обнаружения 50 м, ширина — 20 м ($S = 1000 \text{ м}^2$). Извещатель рассчитан на непрерывную круглосуточную работу.

Габаритные размеры 300 x 160 x 500 мм.

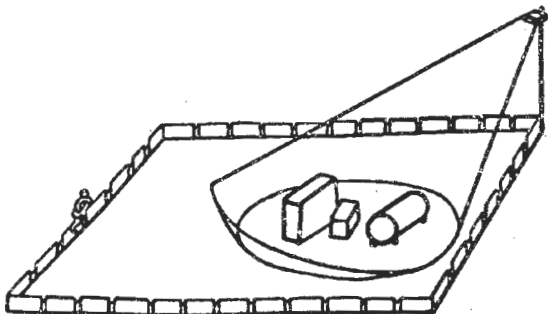
Масса 15 кг.

Поставка контрольно-исполнительных приборов производится по согласованию с заказчиком.

ПОСТАВЩИК:

Научно-исследовательский инженерный внедренческий центр "ОХРАНА".

Контактный телефон: 305-72-70.

Адрес: 111123, г. Москва, ул. 1-я Владимирская, д. 20, ком. 38.

ВАС ПРИГЛАШАЮТ

Кисловодск – всемирно известный бальнеологический и климатический курорт нашей страны. Одна из наиболее популярных и благоустроенных его здравниц – санаторий внутренних войск «РОССИЯ». Профиль санатория – лечение заболеваний сердца и сосудов, легких, нервной системы, нарушение обмена веществ. К вашим услугам высококвалифицированные врачи, новейшие методики диагностики и лечения, разнообразная культурно-развлекательная программа, посещение экзотических уголков Кавказа (Домбай, Эльбрус).
Адрес санатория: 357733, г. Кисловодск Ставропольского края, ул. Клубная, 6. Телефон: 5-13-21.

«РОССИЯ»
(г. Кисловодск)

САНАТОРИИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

«ДОН»
(г. Ессентуки)

С мая 1993 г. начал функционировать санаторий внутренних войск «ДОН», (г. Ессентуки). Здесь могут получить эффективную помощь те, кто нуждается в лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта, сахарного диабета. Главным лечебным фактором на курорте являются знаменитые во всем мире минеральные воды «Ессентуки N4 и N17». В санатории работают опытные и квалифицированные врачи-гастроэнтерологи. Кроме того, здесь можно получить консультации у врачей-специалистов: офтальмолога, отоларинголога, гинеколога, эндокринолога, психотерапевта и других.

На территории здравницы оборудованы теннисный корт, волейбольная площадка и бар-бильярдная.

Адрес санатория: 357600, г. Ессентуки, ул. Вокзальная, 5а. Телефон: 5-21-24.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКИЙ ОТДЕЛ УПРАВЛЕНИЯ ТЫЛА ГУКВВ МВД РОССИИ

СТРОИТЬ СОВМЕСТНО—

ЗНАЧИТ БЫСТРО

Фирма «ШиКО», совместно с Йошкар-Олинским СМУ объединения «Волгостальконструкция», предлагают частным лицам и организациям с любой формой собственности строительство полноборных модулей, арочных складов зернотоков и других металлоконструкций как из материалов заказчика, так и из имеющихся в нашем распоряжении изделий и зданий.

Фирма «ШиКО» готова на бартерной основе за продукты питания и товары народного потребления приобрести КамАЗы-самосвалы 55111, фронтальные погрузчики на базе К-700. Сроки выполнения работ, их стоимость определяются взаимными договорами.

Индекс 70610

Наш адрес: 424000, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, 30.
Контактные телефоны: 11-09-81, 11-58-11, 3-00-29.
Факс: (836-2) 11-04-48. Телетайп: 220165 «Стан».

